

Таня Свон

Академия Изгнания

ПРОЛОГ

Своего первого одержимого я убила, когда мне было десять.

Хотелось бы забыть тот день, но роковое воспоминание преследует в кошмарах, ходит по пятам и даже спустя девять лет следит за мной сквозь зеркало.

Следит ее глазами, какими они были в самые беззаботные дни моего детства.

Когда все пошло крахом, я была ребенком и не понимала, что страшит сильнее — подкосивший маму недуг или ее глаза, что вдруг стали безупречно-черными. Будто зеркала непроглядной беззвездной ночи. Лучистая, небесная голубизна с темно-синей кромкой по краю радужки бесследно растворилась в вязком мраке.

Тогда ещё никто не понимал: это — уродливый след Тьмы, что прокралась в душу и незаметно глодала ее, точила, отмеряя последние дни человеческой жизни.

Лекари разводили руками, маги клялись, что не знают проклятий с подобным эффектом, артефакторы молча качали головами. День ото дня в наш дом являлись новые лица: светила чародейства, гении науки, опытные охотники — друзья отца. Но все они лишь понуро пожимали плечами и исчезали за порогом.

А моего отца... будто подменили. Всегда приветливый и улыбчивый, он зачерствел и стал пропадать неделями. Иногда возвращался домой, но всегда был холоден, отстранен и будто думал о чем-то своем. Проводил с семьей несколько коротких дней, а потом снова сбегал. Наверное, боялся смотреть в глаза жены, в которых не осталось ничего человеческого. Не хотел глядеть и на меня — отражение матери в те дни, когда ее души и рассудка ещё не коснулась Тьма.

С болезнью мамы дом будто опустел. А без зеркал, что завешали простынями или убрали на чердак, залы и коридоры помрачнели. Мама, всегда любившая причёсываться и прихорашиваться у туалетного столика, впадала в истерику от одного взгляда на свое отражение. На меня ее глаза наводили ужас, а на нее — отчаяние и безысходность.

Служанки бежали из нашего дома, боясь неизведанной болезни госпожи Френель. Отец приходил к нам все реже. Его друзья, охотники на чудовищ и лучшие чародеи, оставили попытки помочь нашей семье.

Зато я набиралась смелости и чаще приходила в покои мамы. Разговаривала с ней, укладывая волосы, хвасталась новыми учебниками. А в моей голове все громче звенело: «Может, все хорошо?» Ведь мама вела себя так же, как и всегда, разве что магией пользоваться перестала и больше времени проводила в одиночестве. Но слабость и головные боли тревожили ее меньше обычного, а единственные напоминания о заразе, вьёвшейся в душу, — безмерная, неутолимая тоска и расплывшаяся по белку, съевшая радужку чернота.

Но даже к этому я постепенно привыкла. Сначала научилась унимать тревогу и не дрожать, а потом — смотреть в глаза без страха или отвращения.

Я не понимала, что внешние перемены — не проблема, а лишь ее метка. Что в безукоризненной черноте глаз прячется демон, который рано или поздно возьмет свое.

Во мне поселилась надежда, опасно сыгравшая против бдительности. Ведь в день, когда все случилось, я совсем не была готова к удару.

Мама читала в кресле у окна, а я бродила вдоль отцовского стеллажа, изучая корешки потрепанных бестиариев. Обычно он запрещал мне, ребенку, рыться в его серьезных книгах о монстрах и демонах. Но отец снова пропал, а вместе с ним для меня улетучился и его наказ.

Я выхватывала с полок понравившиеся тома, пролистывала их в поисках живых картинок или интересных, жутких рассказов о самых темных тварях, населяющих Империю. Мой взгляд цеплялся за танцующие среди страниц костлявые, лохматые, зубастые, гниющие заживо образы чудовищ, а сердце замирало от восторга. Тайные, запретные для ребенка знания будоражили кровь, а от волнения я будто обращалась в оголенный нерв.

Когда неожиданно раздался полный боли и страданий вопль, я вздрогнула и тонко завизжала. Книга выпала из рук, а из ее переплета прямо мне под ноги, звякнув серебряной каплей, выпал незнакомый кулон. Повинуясь неведомому порыву, я наклонилась за талисманом, а затем очередной крик мамы обездвижил меня страхом.

— Аста! Беги! — надрывающимся голосом проревела она.

Сидя на полу у камина и сжимая в дрожащих пальцах кулон в форме наконечника стрелы, я не

смела шелохнуться. С ужасом смотрела, как Тьма, обретя силу, ломает мою мать изнутри.

Меня затошнило, когда затрещали чужие ребра. Меня вывернуло наизнанку, когда в дикой агонии существо, выевшее сознание некогда любимой женщины, теперь стало раздирать на себе ее кожу. Зубы заострились, грудная клетка зияла, а под черными, бесовскими глазами, алели дорожки, оставленные ногтями.

Я до сих пор помню то чувство — будто когтистая лапа схватила мое сердце и сдавила прямо в груди. Но даже тогда детская наивность и надежда не отпускали меня.

Сквозь слезы смотрела на маму. Точнее, на то, что от нее осталось. Не верила глазам, но не могла оторвать их от изорванного платья, от вытянувшегося в протяжном, животном крике лица.

Даже когда чудовище, опустившись на четвереньки, ринулось ко мне, я не переставала молить маму услышать меня, остановиться и вернуться. Только вот возвращаться уже было некому...

Челюсти клацнули прямо перед моим лицом один раз, другой... Отяжелевшая лапа, не рука, размашисто скользнула в сторону моей груди, но замерла, ударившись о невидимую стену. Монстр взвыл и всем телом навалился на незримую преграду... и снова был отброшен.

Пока одержимое Тьмой существо, не отводя черных бездн глаз, ходило вокруг, я нашла в себе силы подняться на ноги. Носком туфли подцепила и отбросила в сторону край ковра, под которым оказался выведен рунический круг. Я стояла на самом краю защитного островка и недоуменно вглядывалась в начертанные символы. Это сейчас я знаю, что его предусмотрительно нанес мой отец, догадывавшийся об исходе «болезни». Но тогда происходящее казалось волшебством, спасительной удачей.

Именно поэтому мне хватило смелости решить — я смогу сбежать. Достаточно всего-то пересечь зал и проскользнуть в окно первого этажа. А уж потом найдется хоть кто-нибудь, способный защитить меня и спасти маму.

Выбрав момент, когда чудовище устанет прорываться через нерушимый магический барьер, и набравшись храбрости, я выпрыгнула за вереницу спасительных рун. Круг с хлопком разорвался, а одержимая, восторговавшись от вдруг обострившегося запаха жертвы, помчалась за мной с новыми силами.

В десять шагов я добралась до середины комнаты. В два нечеловеческих скачка меня нагнали и повалили на пол.

Горло саднило от крика, глаза жгло от слез. Я размахивала перед собой руками, пытаюсь сделать хоть что-то. Серебряный наконечник-кулон на тонкой цепочке скользнул по облезавшей коже чудовища. Оно взвыло и тут же выпустило меня из лап, заскулило и отползло в тень.

Пользуясь выигранными мгновениями, я поднялась и попятилась к окну. Но стоило сделать пару шагов, враг снова пришел в себя и ринулся ко мне.

В панике я выбросила перед собой правую руку, в которой был зажат кулон, и выкрикнула одно из немногих известных мне заклинаний. Шквал энергии щитом выстроился передо мной, а затем, усиленный амулетом, ударил по обезумевшему существу. Одержимая отлетела назад, прямо в рунический круг, который тут же с коротким щелчком захлопнулся ловушкой.

Символы, напитанные силой моего заклинания и страхом угодившего в капкан демона, запыхали, а чудовище взревело. Я испуганно отшатнулась, но не посмела отвести взгляд от умирающей в агонии Тьмы... а вместе с ней — моей мамы.

Я плакала вместе с ней. Вместе с ней пыталась разорвать круг, но он лишь обжигал меня и не пускал внутрь, где ослепительный свет рун прошивал монстра острыми струнами.

Я знала, что моей мамы там больше нет. Но не могла смириться. Не могла понять, что убила не ее, а чудовище, которым она стала.

Несколько часов я просидела на границе круга, в центре которого лежало изуродованное Тьмой и убитое магией тело. Когда приехал отец, мои слезы иссохли, страх схлынул, и осталась только прожигающая, всепоглощающая боль.

Помню, как отец без слов, молча помог мне подняться, сам собрал мои вещи и с помощью артефакта открыл портал.

— Новые документы я вышлю позже, — только и сказал, провожая в портал к среднемагическому пансиону.

Не попрощался, ничего не пояснил, лишь спустя одну Луну выслал, не подписавшись, конверт с набором документов, по которым теперь я значилась как Аста Навье.

От прошлой жизни у меня осталось лишь имя и воспоминания, пронизанные страхом, болью и бесконечной виной за жизнь, что отняла.

ГЛАВА 1

— Я сдала! — прокатилось по коридору, едва из-за двери экзаменационной аудитории показалась белокурая макушка.

Виви, окрыленная успехом, двинулась навстречу мне, широко распахнув руки для объятий. Студенты спешно расступились перед ней, освобождая путь несущейся блондинке. Я предусмотрительно прыгнула с перил, сидя на которых дожидалась подругу, и сразу же угодила в порывистые, крепкие объятия.

— Сдала! — завизжали мне в ухо так, что перепонки задрезбужали.

— Я в тебе не сомневалась, — призналась честно, похлопав Виви по плечу.

Она тут же отстранилась и удивленно захлопала пышными, изогнутыми ресничками:

— Правда? — пухлые розовые губы дрогнули в улыбке.

А я только сухо кивнула. Не лишать же подругу триумфа язвительным «этот предмет даже ребенок сдаст!» В другой день, не самый удачный, может, и огрызнулась бы. Но не сегодня.

— Конечно. Ты ведь готовилась...

— Пф-ф, — фыркнула блондинка и отмахнулась, оборвав мою хвалебную речь.

Несколько девчонок, стоящих в очереди на экзамен, услышали наш с Виви диалог и облегченно выдохнули. Я же едва сдержала возмущение, так и просящееся исказить лицо.

Девушки в Академии охотников на чудовищ — не редкость. Жаль только, что большинство из них здесь не ради карьеры, а в поисках перспективных и потенциально богатых женихов.

— Что отвечала хоть? — спросила у подруги, чтобы заглушить неприятные мысли и кипящее в груди недовольство.

Виви запрыгнула на перила, где не так давно сидела я, и нахмурилась:

— Отличия темерат от инфектов. Ну, и ректор Френель попросил исполнить любое заклинание заточения Тьмы.

Я с завистью вздохнула. Как всегда, самые сложные вопросы — мне, а элементарные — Виви. Интересно, это потому что профессора тоже понимают — такие, как Вивьен Томпсон, в Академии не ради знаний и всерьез становиться охотниками не планируют? Или все проблемы сыплются на мои плечи, лишь потому, что ректор — мой отец?

— Повезло, — заключила, пожав плечами. Окинула взглядом расслабленную и сияющую тихим восторгом Виви и, не заметив самую важную сейчас деталь, уточнила, — а где твой фолиант?

И будто вторя моему вопросу, по коридору вдруг разнеслось:

— Виви! Виви! Ты забыла!

На лице подруги всего на мгновение вспыхнула плотоядная улыбка, которую она тут же замаскировала в вежливый и нежный изгиб губ. Однако я успела заметить это молчаливое торжество и быстро догадалась, что последует дальше.

— Спасибо, Риган! — сладко прощепетала кокетка. — Я так переволновалась на экзаменах, что совсем забыла фолиант...

Пока Виви картинно дула губки и наивно хлопала ресницами, я устало закатила глаза. Приложила титанические усилия, чтобы не хлопнуть по лбу, и заставила себя обернуться.

— Ничего, я тебя понимаю, — вежливо отмахнулся высокий стройный парень и, глядя в глаза Виви, растянул губы в своей знаменитой улыбке сердцееда Академии.

Девчонки у меня за спиной зашептались, а Виви, покрутив белокурый локон на пальчике, приняла артефакт из рук Ригана.

— Если бы не ты, у меня возникли бы проблемы. Было бы ужасно неловко потерять только что полученный фолиант, — она взметнула на парня пронзительный взгляд и картинно прижала чуть было не утерянную пухленькую книжку к груди.

Не знаю, одна ли заметила в этом жесте скрытый намек. Никогда не видела, чтобы Виви так

трепетно и нежно относилась к книгам, а потому прочно уверена — в мечтах подруги в ее объятиях ютился далеко не магический фолиант...

От своих смущающих мыслей, вдруг ударивших в голову, я закашлялась. Томная искорка между студентами мгновенно потухла, и они, очнувшись от флирта, обернулись на меня.

— Привет, Аста, — первым взял ситуацию в свои руки Риган.

Он улыбнулся, но не так, как обычно улыбался девчонкам. А без заигрываний, сухо и вежливо.

— Ага, — глупо отозвалась я прежде, чем брови в удивлении поползли на лоб. Риган Дагер знает мое имя?!

Ригана-то, не сомневаюсь, знают даже первокурсники. Талантливый высокородный студент спецкурса. К тому же симпатичный и популярный. Еще бы его не знать!

Хотя. Симпатичный?..

Ну, смотря как поглядеть. Это Виви вздыхает по Ригану с самого зачисления в Академию. На протяжении трех курсов от соседки по комнате только и слышу «Риган то, Риган сё!» А сколько од было воспето медным локонам и томным серым глазам?

Не будь Виви настолько без ума от популярного охотника, я, может, тоже бы прониклась его бархатным голосом или широкой, сияющей улыбкой. Но слыша одно и то же день ото дня, я устала и, в конце концов, пришла к выводу — раз Риган такой сердцеед, то место ему среди дворцовых чародеев, а не в цитадели суровых воинов.

— Как экзамен? — обратился ко мне парень. Чисто из вежливости.

— Отлично, — нехотя откликнулась, покачав в воздухе полученным фолиантом, и опустила глаза к начищенным носкам своих туфель.

Присутствие Ригана давило. Я чувствовала себя неловко, а взгляды многочисленных наблюдателей прожигали спину. Чужое недоумение и немой вопрос густым туманом завис в воздухе.

«Что он забыл рядом с этой заучкой?» — думаю, именно такие мысли крутились в головах всех, кто подглядывал за нашей натянутой беседой.

— Я тоже получила фолиант! — снова вклинилась в разговор Виви.

Риган вновь перевел серый, как грозовые тучи, взгляд на мою подругу:

— Ага, только ты его сразу же забыла в аудитории, — не поленился напомнить о причине своего появления в нашей компании.

Виви тут же зарделась, осознав промах, а я незаметно прикусила губу. Вот так всегда! Делает она, а стыдно мне.

— Просто я ужасно устала после экзаменов, — приложив тонкую ладошку к груди, выдохнула блондинка. — А ещё ведь надо разобраться с этим артефактом...

Она демонстративно взглянула на новенький фолиант. Пухленькая, но очень маленькая книжка свободно умещалась в ладони девушки. Виви удрученно пролистала пока ещё пустые страницы и бросила на Ригана цепкий взгляд.

Однако парень уже отвлекся — его окликнул кто-то из ребят.

— Аста тебе пояснит, — бросил он коротко. — Удачных каникул, девчонки!

И широким шагом удалился вглубь коридора, быстро затерявшись в толпе.

— Демоновы парни! — Виви грозно топнула ножкой в изящной черной туфельке и воинственно скрестила руки на груди. — Еще немного, и он бы...

— Он бы что? — заломила бровь я, хохотнув.

Наверное, я отвратительный друг, но меня ужасно смешат нелепые попытки Виви закрутить с Риганом.

— Он бы позвал нас отдыхать вместе с их компанией! Вот что! — от возмущения девушки белокурые кудряшки чуть не встали дыбом.

На брошенное в сердцах заключение Виви снова обернулось несколько заинтересованных

студентов, а я нахмурилась.

Девчонки в Академии Изгнания — хуже демонов. Могут выкинуть любой трюк, лишь бы урвать кусочек послаще... А Риган Дагер как раз был таким.

— Пойдем-ка в комнату, — осторожно коснулась локтя подруги и потянула ее на лестницу.

Та быстро оживилась и взлетела на несколько ступеней вперед меня:

— Как раз хотела предложить! — хитро прищурившись, сообщила она, а мне в душу закралось неприятное подозрение. — У меня есть идея.

— Надевай.

Виви кинула на мою кровать легкое белое платье на тонких бретельках и с короткой, невесомой юбкой. Подруга выжидающе уставилась на меня, глядя, как беру вещичку двумя пальцами и поднимаю перед собой.

— Это нижнее белье? — ехидно отозвалась я, щурясь от блеска пайеток на лифе.

— Это последний писк имперской моды! — вспыхнула Виви. — Точнее, предпоследний...

— Не суть. Зачем мне этот пеньюар?

Виви закатила глаза и отвернулась обратно к шкафу. Загремели вешалки, на пол полетели негодные наряды.

— Мы пойдем в «Хвост феи», — она деликатно проигнорировала мое замечание касательно «предпоследнего писка моды». — Риган и его друзья...

— Избавь меня! — шумно выдохнула я, упав на подушки лицом вниз. Уже в них застонала: — Умоляю!

Какое-то время бурчание Виви доносилось до меня будто сквозь толщу воды. Я уже успела решить, что надо мной сжалились — соседка покряхтит, поскрежещет и уйдет одна на охоту. Но не тут-то было!

— Аста, прекрати! У нас не так много времени на сборы!

Она схватила меня за плечи и рывком выдернула из мягкого убежища:

— Вставай!

В руки мне снова всучили злосчастное платье. От одного взгляда на него я сморщилась. Не разделяю трепета к подобным легкомысленным, но безумно дорогим вещцам.

А вот Виви — любительница моды: богатая семья не брезгует тратить деньги на новые тряпки. Лишь бы дочка не вышла из Академии с безымянным пальцем без кольца.

— Мне комфортнее в своей одежде, — уперлась я. Если уж похода в студенческий паб избежать не удастся, то хотя бы направлюсь туда, в чем сама захочу.

Виви лишь хмыкнула и показательно распахнула дверцу моего шкафа. Из раскрытого зева выглянула непроглядная тьма учебной формы.

— Издеваешься? — простонала блондинка. — Хочешь меня опозорить?

— А что плохого в форме?! — честно не поняла я, на что Виви шумно выдохнула и бессильно развела руками.

У меня есть средства на одежду — отец ежемесячно высылает достаточные суммы, чтобы я ни в чем не нуждалась. И не приходила к нему без повода в ректорский кабинет.

У нас никогда не было уговора о тайне родственной связи, но мы оба не горим желанием распространяться о ней. Не зря же отец озаботился заменой моей фамилии и документов?

Он наверняка до сих пор не пришел в себя после трагедии девятилетней давности и не научился смотреть на меня без боли воспоминаний. А я... Я не хочу быть навязанным ребенком.

Поэтому деньгами никогда не разбрасываюсь. Это сегодня папочка раздобылся на золото за тишину и покой, а завтра может решить, что его совершеннолетняя «заноза» вполне способна добывать на жизнь сама.

Поэтому откладываю почти все, что переводит на счет отец. Да и тяги к красивой и дорогой одежде никогда не испытывала — меня вполне устраивает та, что предоставляется студенткам Академией.

Утонченный фасон, расклешенная юбка почти до колена, длинные рукава, воротничок-стойка и многочисленные ремни и пряжки на лифе и манжетах... С таким нарядом мой кулон-стрела выглядит естественно и гармонично, а вот с откровенным платьем Виви будет смотреться тяжело и нелепо.

— Ладно, побрякушку можешь оставить! — снисходительно выдохнула Виви, догадавшись обо всем, когда мои пальцы сами собой коснулись холодного металла на груди. — Но платье...

— Ладно-ладно!

— ... ты наденешь! — грозно продолжала Виви. — Не делай такое лицо, Аста! Ты идешь — точка! Каникулы в две недели — это не каникулы, а жалкое их подобие. Но я не позволю тебе, дорогуша, бездарно потратить драгоценные мгновения свободы!

— Я бы лучше готовилась к учебе, честно говоря, — пожала плечами и между делом прикинула на себя платье, заглянув в зеркало. Сомневаюсь, что в нем буду так же эффектна, как Виви, но выбора, кажется, нет.

— Учебе? — скривилась соседка, швырнув на подушки несколько платьев. — Тебе не хватило экзаменов во время официальных каникул?! — последние слова она почти прокричала.

Сейчас от ее образа фарфоровой куколки осталась только внешность. И то милый румянец быстро расплылся пятнами гнева — вывести Виви из себя легче простого. Достаточно начать ей перечить.

— Я не хочу провалить испытания. Вот и все, — наши взгляды встретились в высоком зеркале, стоящем у стены. Я высунула язык и скорчила гримасу, которую Виви оценила брезгливым «фи».

— Знаешь, — зайдя за ширму, начала она, — ты зря печешься об этом.

Через резное ограждение перекинула черное платье-униформу и стянула бледно-голубое, с глубоким декольте.

— С чего это? — нахмурилась я, тоже принявшись переодеваться. — Думаешь, я завалю практику?

Виви за ширмой резко прекратила шуршать юбками и высунула голову, чтобы продемонстрировать полный возмущения взгляд:

— Вау, — наигранно выдохнула блондинка, — впервые вижу Асту, строящую неоправданно позитивные планы!

Я даже забыла, что отбросила в сторону платье и стою в одном нижнем белье. Гневно скрестила руки на груди и чуть ли не выпустила ноздрями раскаленный пар:

— Я здраво оцениваю свои способности! Я достаточно занималась, тренировалась и училась, чтобы...

— Перестань, — вяло отмахнулась Виви и втянулась обратно за разграничительную ширму. Уже оттуда отозвалась, — мы обе знаем, что физиологию не переиграть. Ты охотник, а не Вершитель Судеб, и не сможешь изгнать Тьму из тех, кто ею осквернен.

Я крепко сжала губы. Обычно чуть пухлые и бледно-розовые, сейчас они вытянулись в тугую белую нить.

Последнее испытание длиной в год — главный экзамен всего нашего обучения. Ответственное и сложное задание станет мерилom нашей силы, выдержки и способности контролировать то, что контролю почти не поддается.

Тьму.

Их называют темератами. Охотники, когда-то такие же, как мы, но потерпевшие поражение и отмеченные печатью губительной магии. Пока ещё люди, но обреченные стать инфектами — монстрами без рассудка, живым источником Тьмы.

Такой когда-то была моя мама. Она стала одной из первых, на кого пала эта зараза. Но что раньше не было лекарства от поглощающего душу мрака, что и теперь. С той лишь разницей, что сейчас всех темератов под свою опеку берет Академия охотников.

Здесь дитурбьенты, обычные студенты-охотники, обучаются в свой последний год рука об руку с темератами. Их объединяют в пары, чтобы помочь одним прожить чуточку дольше, а вторым —

научиться работать в команде.

Но есть ещё одна цель, о которой грезят все, но боятся говорить абсурдные слова вслух. Мы все надеемся найти способ изгнать Тьму из оскверненного.

— Способ есть, — твердо произнесла я, коснувшись кончиками пальцев холодного металла кулона. Он тут же обжег болью детских воспоминаний, и с пересохших губ сорвалось, — просто мы пока плохо ищем.

Виви при полном параде вышла из-за ширмы и, качая бедрами, двинулась к своему туалетному столику. Экстравагантный разрез на юбке зиял при каждом шаге, а в декольте игриво опускался драгоценный камень на тонкой цепочке.

Зная, какое впечатление производит, Виви подмигнула, а мне стало обидно. Мы говорим о серьезных вещах, а подруга, даже не слушая, обращает мои слова в пыль.

— Не терзайся, — заметив тоску, изуродовавшую мое лицо, она тут же жалобно надула губки. — Просто прими, что твой напарник... вряд ли доживет до нашего выпускного. У темератов нет иного пути. Их обращение — вопрос времени. Так что отпусти ситуацию и, если так уж хочешь, постарайся набрать в начале практики как можно больше миссий с высоким рейтингом.

Виви подошла ко мне и помогла застегнуть платье, а я подозрительно сощурилась:

— В начале? — вместо зеркала обернулась к подруге и внимательно заглянула в лазурные кукольные глаза.

— Ну да, — не чувствуя подвоха в моем напряжении, повторила она. — Баллы нужно набирать, пока напарник не обратился, ведь потом его тебе же придется...

— Фу, прекрати!

Я резко отвернулась, чувствуя, как желудок подскочил к горлу, а воспоминания о маме ядовитыми иголками впились в сердце.

Слухи о девочке, убившей свою мать-инфекта, давно гуляют не только по Академии Изгнания. Но вряд ли Виви догадывается, что все эти приукрашенные кровавые байки обо мне.

Знай она, что мне довелось пережить, стала бы так холодно и грубо отзываться о темератах? Стала бы отнимать надежду, за которой я пришла в Академию? Ведь не сумев спасти маму, я пообещала себе найти способ спасти других.

Никто не заслуживает той участи, на которую обрекает гниющая в жилах Тьма.

— Прекрати делать из меня монстра, Аста! Я стараюсь ради нас двоих! Давай-ка лучше собирайся, время поджимает.

Благотельница махнула кисточкой, всего одним движением освежив макияж. Дорогой артефакт, но крайне действенный. Минимум времени, а эффект!.. Ресницы Виви мгновенно изогнулись и будто стали пышнее обычного, над глазами залегли дорожки голубых, как глаза блондинки, блесок, а губы заалели лепестками роз на свежавывавшем снегу ее лица.

— Тебе, может, тоже надо? — она протянула кисточку-артефакт мне, но я спешно покачала головой и понуро опустила глаза.

После неприятного диалога мне нужно время, чтобы прийти в себя и успокоиться. Не до макияжа. Да и к такой магии можно быстро привыкнуть. А потом, когда действие артефакта истечет, придется смотреть на свое отражение со слезами и тоской по иллюзорной красоте... Или же готовить золото на покупку новой «косметички».

— Как хочешь, — Виви пожала плечами и спрятала заветную вещичку в шкатулку.

ГЛАВА 2

— Аста, молю тебя, убери свою макулатуру, пока нас не заметил кто-то с курса! Ты меня отвлекаешь!

Виви грозно зыркнула на меня, когда за одной из колонн, смеясь, прошли наши знакомые девчонки. Подруга толкнула меня в нишу за гобелен и страшными глазами уставилась на фолиант, что я трепетно прижимала к груди.

— Ты сама сказала Ригану, что не знаешь, как пользоваться артефактом! — шепотом оправдывалась я. — Вот и решила, что все равно на этой глупой тусовке делать будет нечего, и я...

— Ты совсем ничего не знаешь о флирте? — ухмыльнулась Виви, а ее глаза сверкнули. Неприятно, хитро. О такой взгляд можно легко уколоться. — Я просто искала повод с ним поболтать.

Я почувствовала себя одураченной. Поджала губы, повела плечом и спрятала заветный артефакт в небольшую черную сумочку. Ее мне тоже одолжила Виви, и очередным дизайнерским выбором подруги я опять осталась недовольна.

Платье белое. Сумка черная. Что за карнавал?

Но Виви была непреклонна, заключив, что аксессуар должен подчеркивать цвет моих волос, а не сливаться с платьем.

Что ж, ей виднее, а мне — без разницы.

Когда чужие шаги стихли, подруга разжала мое запястье, выпуская из укрытия, и я спешно вынырнула из ниши. Не удержала за собой темный гобелен, и тот шторкой упал прямо на пышную укладку блондинки.

— Ну, вот за что ты такая на мою голову?! — взывала Виви, нервно поправляя придавленные тяжелой тканью локоны.

— Какая? — обиженно скрестила руки на груди, но не успела окончить драматичную сцену. Виви опять схватила меня за запястье и бегом потащила вперед по коридору.

До зала порталов мы добирались перебежками, крадучись. А все из-за странной паранойи Виви: никто из девушек Академии не должен увидеть нас. Ведь большинство из них, такие же охотницы за сердцами, мигом разгадают, что наш марафет далеко не для скромного девчонки в студенческой комнате...

— Прицепятся ведь еще! — сквозь зубы процедила Виви, скривив напмаженные губки. — А информация о «Хвосте феи», между прочим, крайне эксклюзивная! За то, чтобы узнать, куда сегодня пойдет отдыхать компашка Ригана, пообещала свое платье Милле на выпускной. Представляешь?!

— Действительно зверский ценник! — притворно округлила глаза и покачала головой.

Правда подруга на меня даже не посмотрела. Все ее внимание поглощало выслеживание несуществующих шпионок и витиеватый путь до зала порталов по самым безлюдным коридорам.

— Вот и я о чем! — не заметив подвоха в моих словах, поддержала она. Заглянула в следующий проход и, не увидев там соперниц, скользнула за дверь.

Заниматься таким и без того дурацким делом в дизайнерских дорогуших тряпках — верх абсурда. Даже не понимаю, почему позволила уговорить себя на подобное.

Червячок совести грыз, не переставая, — на носу практика, а я прохлаждаюсь! Но, наверное, даже самая последняя заучка и ботаничка вроде меня нуждается в разрядке и маленьком нелепом приключении.

Когда мы оказались в зале порталов, Виви довольно выдохнула:

— Как хорошо! Никого нет! Хоть здесь прятаться не надо.

— Ага, — не так жизнерадостно отозвалась я, — но все-таки было бы лучше, стой тут хотя бы порталщик.

Порталы — штуки мощные, а в неумелых руках даже опасные. Поэтому перемещениями занимаются специально обученные чародеи. Есть, конечно, мелкие одноразовые артефакты, но они порой дают сбои. А в крупных заведениях, особенно в академиях, обязательно должно быть

несколько порталов и магов, способных ими управлять.

Наш так некстати куда-то испарился.

— Не хнычь, а то макияж испортишь, — Виви криво улыбнулась и, придерживав подол платья, присела на диванчик.

Подруга похлопала худой ладошкой по месту рядом с собой, и я тоже плюхнулась на мягкое сиденье.

В этом зале бываю достаточно часто. Большинство практических занятий по монстрологии и маскотам проходят вне стен Академии. Заказывать экипаж на целую группу — дорого, долго и бессмысленно. Хорошо, что есть порталы. Всего несколько монет, один шаг, легкая тошнота после перемещения — и ты на месте!

Просторный светлый зал с тремя неактивными арками в центре сейчас казался пустынным. А я привыкла приходить сюда вместе с одноклассниками или во время выходных, когда от желающих отправиться на отдых в центр не было отбоя.

Сейчас же у большинства студентов давно каникулы, и замок не пустует лишь благодаря старшекурсникам. Но уже через несколько дней будущие охотники снова вернутся к началу следующего учебного года.

Для меня и Виви он станет последним.

— Уверена, что сама разберешься с фолиантом? — резко спросила я, чтобы развеять сгустившуюся тишину.

Виви оторвала взгляд от своих ногтей и безразлично пожала плечами:

— Я, вроде, что-то знаю. Но все равно пока ждем... Валяй.

Я облегченно выдохнула. Не хотелось и дальше сидеть в молчании — рано или поздно оно бы надоело Виви, и тогда бы подруга снова запела о Ригане.

С важным видом вынула из сумки свой фолиант и любовно провела пальцем по корешку. На первый взгляд — обычная мелкая, толстая книжка. Но как же давно я мечтала об этом артефакте!

Его выдают студентам после окончания третьего курса, перед практикой. Для меня это не только очень полезный артефакт, но и награда за проделанный путь и напоминание о близости заветной цели.

— Смотри, сюда, — я открыла разворот ближе к началу и пропустила под пальцем толщу листов почти до середины, — вписываешь любые заклинания, чертишь руны, защитные пентакли... Можно использовать как справочник. А можно вырвать лист и бросить перед собой для мгновенного использования написанного на нем.

Виви медленно кивнула, а во взгляде мелькнула искра интереса:

— Здорово. Но ты ведь меня знаешь... Уже через одну Луну мой фолиант облысеет.

Мы обе прыснули от смеха, и я поспешила заверить:

— Есть артефакторы, которые восстанавливают страницы. Но услуга не из дешевых.

Виви хмыкнула и с улыбкой отмахнулась. Ну да, деньги для нее не проблема.

Я продолжила пояснения:

— На последних страницах будут свободные миссии, за которые можно набрать баллы для диплома. Когда кто-то возьмется за дело, поговорив с работодателем, запись о заказе исчезнет. Таблица исполненных заказов и их оценка — на форзаце.

— Ну-ка, покажи, — Виви заинтересованно склонилась над артефактом, подперев ладошкой подбородок.

— Ты не знаешь, что такое форзац? — выгнула бровь и снисходительно улыбнулась.

Подруга прошила меня гневным взглядом и возмущенно щелкнула языком:

— Просто хочу посмотреть.

Я открыла книгу с конца и продемонстрировала расчерченные поля с кучей характеристик. Дата,

заказчик, время исполнения, чистота работы, штрафные баллы за полученные травмы...

— Кошмар, — сморщилась блондинка, тоже заметив последнее слово. — Какие, к демонам, травмы?!

— Очень скоро узнаем, — задумавшись о грядущей практике, ответила я.

Начала закрывать фолиант, чтобы спрятать его обратно в сумку. Страницы полились под пальцами, и я заметила среди толщи пустых белых полей единственную запись.

Показалось?

Снова раскрыла книгу ближе к концу. Внимательно, один за другим, стала переворачивать листы.

— Что делаешь? — нахмурилась Виви.

Вместо ответа указала пальцем на запись в развороте заказов. Возле немногословного «Требуется охотник» значилось имя заказчика, координаты для перемещения и сложность задания. Единичка из пяти.

— Легкотня, — озвучила вслух общую мысль.

Виви цепким взглядом впилась в мое лицо, а я старательно избегала поднимать на подругу глаза.

Тогда блондинка схватилась за мое запястье и тихо процедила:

— Не смей.

— Да ладно тебе, — попыталась высвободить руку, но ничего не вышло. На лицо напозла нервная улыбка. — Всего единичка! Наверняка мелкие демоны или тени шалят, пугают ребенка по ночам. Дело пары минут! Туда и обратно...

Чем дольше я говорила, тем мрачнее становилось лицо Виви. Ее глаза, осколки чистого небосвода, постепенно обращались в колющий лед, а нахмуренные брови почти встретились на переносице.

— Ничего сложного! — не унималась я. Ткнула пальцем в строку заказов и шутливо протянула, — боишься?

— Вовсе нет, — фыркнула девушка и скривила губы. — Не хуже тебя знаю, что все задания, прежде чем оказаться в студенческих фолиантах, проверяются другими охотниками и координаторами. Не станут же преподаватели отправлять учеников без инструкторов на опасные задания.

— А я о чем? — радостно поддержала я. — Единичка! Из пяти! Пустяк!

Виви возмущенно всплеснула руками, закатив глаза. Она всем видом показывала, как ей надоела моя болтовня.

— Мы идем в «Хвост феи»! — настойчиво напомнила охотница за сердцами.

— Мы пойдем! Но после того, как выполним заказ, — противилась во мне охотница на демонов. — Это же первые баллы в копилку будущего! От них будет зависеть все! Наш ранг, доход...

В зал неожиданно для нас обоих вернулся порталщик. Мужчина среднего возраста в сером костюме-тройке вежливо улыбнулся нам с Виви и кивнул в знак приветствия.

Я тут же подскочила с дивана, чтобы двинуться к порталу.

— Стой! — развернула меня за плечи Виви и преградила дорогу. — Ты серьезно думаешь, что бежать в дорожных платьях за демонами, — отличная затея?

— Я думаю, что нам даже бежать никуда не придется. Пара простых рун по периметру дома решит все проблемы.

Порталщик старательно отводил взгляд, делая вид, что не слушает нашу перепалку. Виви дулась, кипятилась, но переубедить меня не могла.

— Не нам. А тебе. Я с тобой никуда не пойду. Риган...

От одного этого имени меня замутило, поэтому быстро перебила:

— Без проблем. Так даже баллы делить не придется. Встретимся в «Хвосте феи»!

— Ты невыносима! — бросила мне вслед Виви, когда я уже запрыгивала в портал, активированный и направленный на указанные в фолианте координаты.

ГЛАВА 3

Портал выплюнул на луговую поляну, и меня тут же окутал цветочный аромат уходящего лета. Мелкие лепестки, танцующие под прохладный вечерний ветер, защекотали открытые щиколотки, а в глазах зарябило от колыханий бело-зеленых волн.

Я чуть покачнулась после перемещения, оглянулась и сразу же заметила невдалеке одинокий особняк. Его стены зарозовели в свете засыпающего солнца, а окна ловили последние золотые блики.

Убедившись, что ничего не путаю, и в округе нет других домов, уверенным шагом двинулась к высокому каменному забору. На ходу ещё раз заглянула в фолиант, чтобы успокоиться — заказ все ещё открыт, и запись о нем со страниц магической книги никуда не испарилась.

Едва я добралась до ворот и подняла руку, чтобы постучать, калитка беззвучно отворилась.

— Добрый вечер, госпожа Линетти, — обратилась к хозяйке дома, вспомнив указанного в фолианте заказчика.

Женщина, будто высеченная из льда, чуть отшатнулась и прижала тонкую, бледную ладонь к тяжело вздымающейся груди. Окинула меня растерянным и словно затуманенным взглядом, чуть скривив аристократичное лицо:

— Вы кто?

Легкое огорчение кольнуло под ребра, и моя уверенность потихоньку начала таять.

— Охотница, — прикусила от неловкости губу и мысленно прокляла Виви за то, что заставила вырядиться в дурацкое платье. Будь я в форме Академии, меня бы точно узнали!

Но даже после пояснения женщина глядела молчаливым призраком.

— Аста Навье, — выдала, пытаясь предпринять хоть что-то, дабы растормошить хозяйку.

Она медленно, понятиливо кивнула и пустым взглядом уставилась на меня.

Стало жутко не по себе. Рука сама собой потянулась к сумочке, чтобы найти хоть что-то, чем можно писать и чертить. Даже демонова помада сейчас была бы очень кстати!

Я шла получать заказ, но никак не планировала, что изгонять придется из самого заказчика!

— Знаете, — сухие, бледные губы госпожи Линетти чуть приоткрылись, чтобы выпустить тихие, едва различимые слова, — мой сын вел себя очень странно.

Я старательно, почти профессионально держала на лице каменную маску, но все же невольно сделала короткий шаг назад. Что-то в хозяйке дома внушало страх, но угрозы в ней я не чувствовала. А потому спросила то, что и должна была:

— Расскажите подробнее.

С этими словами достала фолиант и раскрыла его в самом начале, на страницах для заклинаний и знаков. В сумке, к своему счастью, я обнаружила обломок грифеля и, делая вид, что конспектирую показания госпожи Линетти, принялась рисовать защитные пентакли.

— Томмен играл во дворе, пока я сидела на веранде, — замогильным голосом рассказывала женщина. — Все было, как обычно. А потом он резко вскрикнул, будто напугавшись, и затих.

Из-под опущенных ресниц я украдкой взглянула на свою заказчицу, и стыд жаром прокатился по лицу и шее. Женщина переживает за ребенка, а я бегаю от нее, как от инфекта...

— Продолжайте, — спокойно попросила, дорисовывая первую цепочку знаков.

— Он резко засмеялся и убежал, — быстро договорила аристократка и выжидающе уставилась на меня.

От взгляда серых, почти бесцветных глаз по коже снова поползли липкие мурашки, но на этот раз я взяла себя в руки и спросила:

— Почему вы вызвали охотника? Вы уверены, что ваш сын был под воздействием?

Госпожа Линетти поникла. Я глядела, как она мнетя, и мысленно считала убегающие секунды.

Почти уверена, что сын этой женщины оказался под воздействием фуги — мелкого духа, что ищет слабые тела, вселяется в них, бегаёт и резвится, пока не надоест. Или пока не придут охотники.

Но мне важно спросить о догадках самой мамы мальчика. Простой вопрос может помочь выявить какие-то детали, о которых заказчик не вспомнил изначально. Но порой именно эти крошечные мазки дорисовывают картину так, чтобы охотник был наверняка уверен, с кем ему предстоит столкнуться.

— Я просто не знала, к кому ещё обратиться, — наконец выдавила из себя женщина, спрятав лицо в ладонях.

Скудный ответ, но из таких, как госпожа Линетти, большего и не вытянешь. Она слишком шокирована случившимся и не готова идти на контакт.

— Что ж, — огорченно выдохнула я, — показывайте, где играл ваш сын.

Не сдвинувшись с места, женщина кивнула подбородком в сторону сада. Под раскидистыми ветвями старого дерева не было ни намека на присутствие в особняке ребенка. Разве что качеля, пустая и сиротливая, слабым маятником дрожала под порывами ветра.

— У вашего сына нет игрушек? — свела брови на переносице.

— Томмену десять, — последовало вместо ответа.

Тяжелая атмосфера давила снаружи, а мерзкие, вдруг ожившие воспоминания детства — изнутри. Они жгли грудь, скребли по сердцу, впивались в память воплями погибающей мамы...

Ну да, у меня в десять тоже игрушек не имелось. А все потому, что не было больше ни семьи, ни дома, ни даже старой фамилии.

Я слишком рано лишилась детства, разменяв его на тоску, одиночество и вину.

Отмахнувшись от гнетущих мыслей, шагнула через клумбы цветов и направилась в сторону качели. Приблизилась, но не вступила под тень ветвей, а внимательно осмотрела небольшую полянку.

Редкая трава, а под ней — рыхлая, мягкая земля. На такой хорошо отпечатываются следы, но под качелей их не было совсем.

— Он точно играл здесь? — присела на корточки, чтобы внимательнее осмотреться и поискать упущенные детали. Уронила белоснежный подол прямо на землю.

Виви меня убьет. Если этого до нее не сделает госпожа Линетти.

Женщина внушала ужас не только своим видом, но и твердой уверенностью — Томмен играл на полянке, где и следа живого человека нет.

Может, ее мучает призрак не рожденного ребенка?

Немного подумав над полным отсутствием зацепок на поляне, я нашла решение проблемы. Небольшой план поможет наверняка понять, имею ли дело с призраком или фугой. Главное, задать всего пару вопросов.

— Вы знаете, куда он мог убежать?

Госпожа Линетти стояла там же, где и в момент нашей встречи, будто прикованная. Она медленно качнула головой, а в ее стеклянных глазах не промелькнуло ни искры мысли.

Что ж, если это призрак, то он изрядно потрепал бедняжку...

— У вас есть какая-то вещь сына? Это нужно для заклинания, — пояснила тут же, хотя лицо женщины по-прежнему осталось беспристрастным. — Если он ушел недавно, так я смогу его найти.

Женщина неторопливо вытянула из прически темную ленту и, не сделав ни шага в мою сторону, протянула на раскрытой ладони. Снова приближаться к странной заказчице не хотелось, и я бы лучше предпочла остаться на полянке, где играл призрак. Но так с мертвой точки не сдвинуться, а мне жутко хотелось как можно скорее покончить с этим делом.

Уже предвкушала восторг Виви от моего рассказа. Четко видела довольную улыбку подруги и слышала звонкое «я же говорила, не стоило туда ходить». Всего первый уровень сложности, но нервы натянуты до предела и дрожат, вибрируют, подобно тетиве, с которой пустили стрелу. И дело даже не в жуткой хозяйке или ее сыне, что, возможно, даже не существует. А в гнетущей тревоге и странном, неоправданном предчувствии. В конце концов, я не так слаба, чтобы бояться фуги или

обезумевшей женщины.

Госпожа Линетти быстро отдернула руку, едва я потянулась за лентой. Тонкая полоска ткани невесомо легла в ладонь, а через пару мгновений заклинание обожгло кончики пальцев.

Сработало!

Я не смогла скрыть удивления и широко распахнула глаза, уставившись на возникшую иллюзию мальчика. Но почему? Как такое возможно? Искренне сомневаюсь, что декоративная лента могла отозваться на заклинание, признав Томмена своим хозяином.

Чтобы такое произошло, необходим частый контакт и эмоциональная подпитка. И я не верю, что десятилетний мальчик любил какую-то ленточку больше игрушек, книг или, на худой конец, своей подушки.

Тем не менее, магия воспроизводила все, что происходило с хозяином заколдованной вещи в ближайшее время. Госпожа Линетти не обманула, Томмен играл на полянке под деревом, веточкой вырисовывая на земле узоры.

От этой картины я крепко стиснула челюсти и приблизилась к иллюзии. Я не могла ошибиться — на земле нет никаких следов. Но и заклинание не способно отслеживать призраков.

Я не вздрогнула, когда мальчик резко вскрикнул, но сердце гулко забилося о ребра. С этого момента начался обратный отсчет. Я должна принять решение.

Бежать вслед за иллюзией, пытаюсь закончить дело? Или отбросить мутную затею и прямо сейчас использовать сигнальное заклинание, чтобы мне открыли обратный портал?

Я видела, как магический клон Томмена из прошлого мелко затрясло. Меня саму зазнобило, руки налились свинцом, кончики пальцев затяжелели, а язык прилип к небу. Сомнения одолевали все сильнее.

Приступ Томмена, его резкий, неестественный смех очень похожи на нападение фуги. Но проверить это наверняка невозможно — следящее заклинание видит только свою цель.

Надсадный, судорожный хохот давил на виски и занозой впивался в сознание. Если я сейчас отступлю, дурная слава цепко ухватится за мое имя — отличница и зазнайка сбежала с задания минимальной сложности!

Меня передернуло от воображаемых презрительных усмешек. Стыд впился в горло, а надежды о карьере подернулись слабой, но заметной паутинкой трещин...

Нет, я не могу допустить, чтобы путь длиной в годы кончился здесь, споткнувшись о нелепый страх. Не позволю всем трудам сгнить из-за загадки, за которую не рискнула взяться.

Знаю, на моем пути к противоядию Тьмы будет ещё много препятствий, переживаний и неудач. Но я понимала, на что соглашаюсь, поступая в Академию. Понимала, какую планку ставлю — недостижимую, по мнению большинства. Тех, кто опустил руки.

И если я сейчас поддамся чувствам, для себя навсегда стану одной из этих пессимистов, что устали наткаться на преграды и отказались продолжать борьбу.

Когда иллюзия пропавшего мальчика резко рванула с места, я побежала следом. Не заботясь о хозяйских клумбах, неслась прямо по цветам и стриженому газону, продиралась сквозь кусты. Чувствовала, как ветки царапают кожу и хватаются за распущенные волосы, оставляют затяжки на платье. Но мои мысли витали так далеко, что даже не ощущала боли и усталости.

Ребенок бежал с нечеловеческой скоростью. Неестественно, на криво вывернутых ногах и запрокинув голову к небу. Руки безвольно болтались, как у марионетки с обрезанными ниточками.

Я старалась не думать о том, какие травмы могут остаться у мальчика из-за небрежного духа, позаимствовавшего неокрепшее тело. Вслед за иллюзией нырнула за куст и протиснулась в отверстие в заборе.

Мы бежали через поляну, когда я начала постепенно отставать. Моя натренированность не помогла двигаться наравне с фугой, а каблучки играли явно не на пользу. Проворный дух не чувствовал неудобства в украденном теле, а я то и дело запинаясь о ямы и камни, что в сгущающихся сумерках уже было не различить.

Если бы я догоняла реального человека, давно бы уже набросила заклинание пут. Ребенок бы не смог отбиться или увернуться. А вот иллюзию ловить смысла нет — она лишь воспроизводит недавние действия хозяина.

В наплывающей тьме от провала миссии спасало лишь призрачное свечение магической копии Томмена. Мелькающая искра его тела, трепеща, взбиралась на холм, как звезда на небосклон. Я спешила следом, боясь все-таки потерять цель из виду и в итоге провалить заказ. Сбросила неудобные туфли в траву прямо на ходу и позволила себе облегченно выдохнуть. Камни царапали ступни, но двигаться стало гораздо легче.

Преодолевая сбившееся дыхание, я поднималась по склону. Мысли бились в голове, как мухи в паутине, а я судорожно искала решения возможных исходов. Но самое главное — защитный круг из рун — уже сделала. Достаточно лишь вырвать страницу из фолианта, и магические знаки укроют меня от любой беды.

Любой. Кроме вывиха или перелома.

Не удержавшись на крутом склоне, оступилась. Кубарем покатилась вниз, и перед глазами все заплесало. Небо и земля сплелись в единый темный холст, в который красными нитями врезалась боль. Удары обжигали ребра, мелкие камни кусали открытые колени, колючая трава резала щеки.

Прошло всего несколько мгновений после падения, но я сполна хлебнула неприятных, бодрящих ощущений. В никуда бросила простое заклинание, и поток энергии порывом скользнул под меня и подкинул вверх. Я безвольным мешком, почти плашмя, упала на землю и глухо застонала.

Клин клином. Зато больше не качусь вниз.

Тем временем проекция Томмена добралась до вершины, перевалила через нее и, бросив слабый отблеск света, исчезла за гребнем холма.

Я выругалась себе под нос. Нашупала на земле фолиант и снова ринулась покорять склон. Меня подгонял страх опоздать и опозориться. Близкий провал дышал в спину, щекотал нервы и заставлял двигаться на грани возможностей.

Я отшвыривала камни заклинаниями, бездумно бросая заклятья под ноги. Когда спотыкалась, хваталась за почву пальцами, лишь бы скорее подняться...

И вот, стоило оказаться на вершине, обмерла.

Холм дальше превращался в крутой обрыв. Не слишком высокий, он нависал над изгибом реки.

Тревога холодом разлилась по горлу и ухнула вниз тяжелым металлическим шаром. Куда пропала призванная иллюзия?

Но вдруг позади меня в траве что-то зашуршало, и мысли разлетелись как стайка напуганных птиц.

— Томмен? — осторожно спросила, когда шорох резко, так же как и появился, утих.

Уже держала фолиант наготове, а отбрасывающее заклинание рвалось с языка. Но я заставила себя сдержаться и ничего не предпринимать. Ведь если это fuga, ее легко спугнуть. А рядом — обрыв, в который безмозглый дух может свалиться.

Темнело быстро, и когда я снова услышала движение, глаза остались слепы. Мысленно прокляла себя, что отправилась на задание почти с пустыми руками: фолиантом и защитным амулетом-стрелой. Вот и вся моя подготовка. Ни оружия, ни эликсиров, ни артефакта ночного зрения...

Я просто слепой котенок, загнанный в угол обманчивой простотой заказа.

Не выдержав натиска неизвестности, скрывающейся во тьме, шепотом произнесла простейшее заклинание. В воздухе повисли пылинки света и, оседая, стали медленно плыть к земле. Совсем слабое сияние в небольшом радиусе все же помогло глазам снова видеть. В груди всего на мгновение зажегся радостный огонек, но тут же потух и затлел ужасом.

Широко раскрытыми глазами я смотрела на очертания мальчика, прячущегося в темноте и зарослях травы. Иллюзорное заклинание сработало, оно действительно привело к Томмену. Или тому, что Томменом только притворялось.

Не медля ни секунды, я вырвала из магической книги страницу с начертанным ранее защитным кругом. Бумага вспыхнула в воздухе и горящими хлопьями рассыпалась вокруг меня. Пепел прожигал землю, выдавливал в ней узоры немого заклятья, воздвигая вокруг меня защитный барьер.

Я судорожно захлопнула фолиант, ненавидя себя за непредусмотрительность. Да, охранная магия сильна, но что-то нашептывало — недостаточно.

Заледенев от ужаса, смотрела, как шевелится в траве нечто, что притворялось мальчиком. В

догорающем свете магических огней видела — тело разрывает Тьма, таившаяся внутри. Черная магия сочилась через надломы, выворачивала конечности, вытекала из сосуда, что плавно оседал на землю бесхребетным мешком.

Я никогда не видела Тьму в ее чистой, не поглощенной форме, но сейчас была уверена, что не ошибаюсь. Чувствовала, как на холме сгустился холод, а воздух стал таким тягучим, что легкие забивались и захлебывались им.

Приманка, которой и был мальчик, быстро обращалась в свою истинную форму, растекаясь, расползаясь по земле. Густой вязкий дым, будто сотканный из самой ночи, потянулся в мою сторону. Он словно чуял меня, и я знала — сегодня охотник не я.

Я жертва.

Сжав в кулаке амулет, выкрикнула сигнальное заклинание, сообщая портальщикам о необходимости открытия обратного прохода. Красная искра взвилась в безупречную черноту неба, а я взмолилась, чтобы помощь не опоздала.

Тьма подбиралась все ближе, и даже стоя в центре барьерного круга, я не чувствовала себя защищенной. Босой ногой нащупала острый камень и быстро подхватила его. С силой резанула им по ладони и сморщилась от жгучей боли. Рана получилась неглубокая, рваная, но влага горячей крови тут же опалила похолодевшие пальцы.

Я упала на колени, подняла раненую ладонь прямо над контурами круга и закрыла глаза, сосредоточившись. Дрожа от напряжения, зашептала заветные слова и взмолилась — пусть сработает!

Земля подо мной завибрировала от силы магии, напитанной кровью, а я ощутила нахлынувшую слабость. Жертвенные заклатья крайне мощные, но мой потенциал исчерпывают почти целиком. А я и без того бездумно швыряла заклинаниями, расходуя силу, что сейчас катастрофически не хватало.

Хотя с другой стороны, а что еще могла сейчас сделать?

Я спряталась за рунической завесой, усилила ее собственной кровью и бросила сигнальное заклинание, чтобы как можно скорее сбежать. Я сделала даже больше, чем требовалось.

Мрак полз все ближе к границе, пульсирующей светом и магией. Я затаила дыхание, глядя, как черные щупальца дыма тянутся в мою сторону. Легкие сковало льдом, дыхание застряло в горле, а сердце с силой билось о грудную клетку. Оно будто маленькая птичка рвалось прочь от нагоняющего ужас нечто.

Как бороться с этой дрянью, полозом скользящей вдоль земли?

В Академии ни о чем подобном никогда не говорили. Я знаю, что делать с инфектами — теми, кто уже сгнил Тьмой изнутри. Но что делать с ее источником?!

Помощь приходит не спешила, а мрак плотным кругом обступал мое укрытие. Вплотную обнял пентаграмму черными лапами и поплыл вверх вдоль магической завесы, будто нащупывая брешь. Тьма множилась, сгущалась, обращая мое убежище в капкан, готовый вот-вот захлопнуться.

Но я не могу проиграть. Даже если мои силы иссякнут, начертанные руны никуда не пропадут!

Будто услышав мои мысли, темный кокон стал сужаться. Он вплотную придвинулся к разграничительной линии и... скользнул за нее.

Я не верила своим глазам, задыхалась от паники, слепла от медленно тающего света сломленных рун. Мне хотелось кричать. Как такое возможно?! Ведь даже сейчас, когда Тьма пробралась под защитный барьер, я знала, что тот не разрушен. Чувствовала, как пульсирует во мне магия крови, никак не отзывавшаяся на чужое проникновение.

Надежда на спасение таяла так же быстро, как надвигался вязкий туман Тьмы. Он нависал надо мной волной, готовый вот-вот рухнуть и накрыть тяжестью густого мрака.

Я знала — терять больше нечего. Защита сломлена, помощь не идет. Глаза устали вглядываться в непроглядную ночь в надежде на заветную вспышку портала.

Остатки сил трепыхались во мне слабой бабочкой, но я без сожалений бросила их в самую гущу морока. Тусклый и тощий порыв энергии бледными искрами впился во Тьму и тут же растаял. Все равно что великана иголкой колоть. Бесполезно. Но я использовала этот призрачный шанс на спасение и ринулась прочь из сломленного убежища.

Холод кусал за голые пятки, вязкий туман путал ноги, а собственное тело предательски оседало от слабости. Я карабкалась из последних сил, передвигалась уже ползком, ощущая, как постепенно теряю контроль над онемевшим сосудом собственной души. Впиваясь пальцами в землю, я подтягивала себя все ближе к краю обрыва.

Всего на мгновение во мне поселилось сомнение — я не выживу после такого падения в реку. Переломаю все кости или разобьюсь о воду. Утону.

А потом перед глазами снова встало воспоминание, не покидавшее меня ни на день: мама, кричащая в агонии обращения в инфекта. Кожу усыпали холодные мурашки, а сердце защемило от боли и эгоистичного страха.

Я не хочу закончить так же.

Последний рывок — и я безвольным камнем полетела в воду.

ГЛАВА 4

— Как тебя зовут?

Я приложила усилие, чтобы открыть глаза. Через спутанные ресницы увидела высокий потолок — белое, безликое полотно. Обрывки мыслей метались в голове, перебивали одна другую и оглушали своей нестройностью.

Веки затяжелели, и на меня вновь обрушилась тьма.

— Помнишь, кто ты?

Все тот же вкрадчивый голос теперь звучал чуть настойчивее и громче. Тонкий и высокий, он лезвием впивался в сознание.

Раздражение было первой эмоцией, которую я ощутила очень четко.

— Я Аста Навье, — голос прозвучал далеко, показался чужим. Охрипшее горло засадило.

Веки неумолимо слипались, слабость обуревала, а мысли роились ураганом, пряча под завесой оборванных идей настоящие воспоминания.

— Госпожа Навье, — другой голос. — Вы знаете, где сейчас находитесь?

Внутри черепа будто бились, шумели волны. Они давили изнутри, мешали краски мира в единую грязную палитру, укачивали сознание, готовое вот-вот вновь провалиться в сон.

Из-за шторма в голове затылок налил тяжестью, а на меня ощутимо давили чужие выжидающие взгляды. Крепко стиснув челюсти и сжав кулаки, я чуть приподнялась на подушках. Меня тут же замутило от слабости, но мысли постепенно стали приходить в порядок.

— Я в госпитале Академии, — сказала, оглядев просторную и очень знакомую комнату.

Здесь мне доводилось бывать после неудачных тренировок и выхаживать заработанные опытом, или его отсутствием, шишки. Переломы, сотрясения, вывихи... Только за первый курс я умудрилась загреметь в лазарет около пяти раз.

Из года в год лекарская обитель не меняется: тусклые стены, одна кровать в самом центре комнаты, небольшой столик возле нее и пара стульев вдоль стены для гостей и врачей. Уныло, но всегда тихо и спокойно.

— Госпожа Навье, скажите, вы помните, как оказались здесь?

В глазах рябило. Все было подернуто туманом, а в углах комнаты роились тени. Именно в одном из таких углов, у самой двери, стояло около пяти человек. Они не спешили проходить в центр палаты, а жались у самой стены.

Двух из них я узнала сразу — мои преподаватели по физической подготовке и защитной магии. Образ женщины в воспоминаниях нащупала не сразу, но и ее я видела в Академии. А вот другие два человека в военной форме мне были незнакомы.

— Вы что-нибудь помните? — вновь обратились ко мне, вырывая из вязких раздумий.

Я отвела глаза и крепко зажмурилась. В комнате недостаточно света. Нужно больше свечей. Тени, ползающие вдоль стен и по углам, отчего-то внушали странную тревогу.

Тени.

Я впилась взглядом в темноту, сгустившуюся под ногами настойчивых гостей, и меня окатило холодом. По позвоночнику скатилась ледяная капелька пота, а сердце, мешая дышать, забило в горле.

Воспоминания ударили вспышкой, накатили черной волной и сковали тело судорогой. Мне потребовалось время, чтобы взять себя в руки и успокоиться. Ведь если я уже в Академии, все обошлось. Портал все-таки открыли, меня спасли. А в лазарете оказалась наверняка потому, что наглоталась воды и чуть не утонула.

По горлу царапнула боль, сквозь которую произнесла:

— Я упала с обрыва в реку. Дальше ничего не помню.

— Что было до этого? — тут же кинул новый вопрос мужчина в легионерской форме. — Как вы

оказались на обрыве?

Сил едва хватало на слова, а воспоминания душили болью и отчаянием. Я хотела бы забыть этот ужас как страшный сон, но уверена — такие вещи не уходят из памяти. Они остаются с нами навсегда, наносят свой уродливый отпечаток на жизни, являются в кошмарах. А пытаюсь сбежать от воспоминаний, я лишь еще прочнее привяжу их к себе.

Поборов слабость и страх, я ответила на все вопросы legionера, которых было немного. Под запись напарника мужчина попросил рассказать про заказ, оказавшийся ловушкой, и обозначить заклинания, которыми пользовалась в тот вечер. Диалог вышел скомканным и быстрым, и скорый уход наблюдателей я сбросила на свое недомогание.

В конце концов, я только-только пришла в себя и нуждаюсь в отдыхе. А разговоры о том, что ходила по лезвию ножа, оптимизма не прибавляют. От них лишь бросает в дрожь и начинает мутить.

Сухо поблагодарив меня за беседу, кучка людей покинула лазарет. Едва дверь закрылась за последним гостем, я устало рухнула на подушки и уставилась в потолок. Голова кружилась, мысли опять перемешались, а по коже поползли мурашки.

А ведь действительно. Я ходила по самому краю.

Потрескавшийся потолок родной Академии неожиданно вселил в сердце такую любовь и благодарность, что я едва сдержала подступившие слезы. Еще никогда я не радовалась тому, что загремела в лазарет! Сейчас же была готова расцеловать стены, спрятавшие от чуть было не поглотившей меня Тьмы, и усыпать золотом порталщика, который все-таки не опоздал и спас меня.

Дверь хлопнула, заставив встрепенуться от вновь подступившей дремоты. Чуть приоткрыв глаза, я увидела прислугу. Женщина переставляла с подноса на столик у кровати тарелку с салатом и бокал, наполненный темно-бордовым компотом.

Перед глазами опять заплесали тени. Я тихо застонала от неприятного видения и зажмурилась, а когда вновь распахнула веки, в комнате была уже одна.

Меня тошнило, но понять, от голода или от слабости, было невозможно. Сколько я была без сознания? Чуть приподнявшись на подушках, выглянула в темный прямоугольник окна. На небо уже вскарабкалась бледнолицая луна, окутанная мягким ореолом призрачного серебра.

Я нахмурилась, заметив, что рама исписана рунами, но значения не придала. Снова легла на кровать и вялой ладонью коснулась похолодевшего, чуть влажного лба.

Что-то подсказывало — без сознания провела не один день. Не могло тело так ослабнуть за короткий срок из-за одного падения. Наверняка все-таки сломала что-то, пока катилась по склону, а потом наглоталась воды. Потому и пришлось так долго приводить меня в чувства.

Тем важнее помочь организму снова набраться сил.

С этими мыслями села на кровати и свесила босые ноги из-под одеяла. Ступни тут же зашекетали сквозняк, гуляющий по замку.

Я потянулась за столовыми приборами, но вдруг заметила на ладони шрам. Уже затянувшаяся в белую, чуть выпуклую полоску рана остро напомнила о пережитом и о магии крови, что оказалась бесполезна. Я до боли прикусила губу, уставившись на шрам.

Все-таки в лазарете я давно. Мою рану на ладони сложно было назвать царапиной, и раз она уже затянулась, прошло достаточно времени.

От неприятных догадок в горле пересохло. Я мотнула головой, отгоняя дурные мысли, и подалась за бокалом. В нос сразу же ударил приятный сладкий аромат вишни. Знакомый запах успокаивал нервы и просился коснуться губ.

Но вместо того, чтобы глотнуть напиток, я задумчиво покрутила прохладную ножку бокала меж пальцев. Обычно бокалы подают лишь на большие праздники, и чаще всего эту изящную утварь можно увидеть на торжественных вечерах.

Так разве сегодня какой-то праздник?

Я подняла бокал так, чтобы он был на уровне моих глаз. Снова прокатил тонкую ножку по фалангам и замерла. Бокал дрогнул в моей руке, бордовая жидкость колыхнулась в прозрачной чаше.

Из отражения в стекле сосуда на меня смотрели безупречно черные глаза.

Бокал вздрогнул в последний раз и полетел на пол. Под моими ступнями тут же растеклась красная лужа, из которой рифами торчали прозрачные осколки.

Я слепо смотрела, как под ногами плывет бордовая кромка. Смотрела, но видела лишь Тьму, на мгновение отразившуюся приговором в моих глазах.

Я всегда считала себя сдержанной и воспитанной. Однако не смогла умерить резких слов в адрес служанки, когда та прибежала на звон стекла. Хотя, казалось бы, горничная не виновата в моих страхах и страданиях, но я сполна оторвалась на несчастной женщине.

— Где мои вещи? — строго пригвоздила я. — Форма? Кулон?

Дрожащие пальцы коснулись выемки над грудиной, где обычно покоился серебристый наконечник. Сейчас амулета на мне не было.

— Простите, госпожа, — пролепетала бедняжка, — но я не знаю.

— Позови того, кто знает! — паника смешалась с гневом и долбила по вискам.

Мне срочно нужно с кем-то поговорить! С кем-то, кто пояснит, что вообще происходит! Я ведь не могла... не успела бы впустить в себя Тьму. Да и какого демона произошло?

Я слышала достаточно историй, как люди обращались в темератов. Они оказывались жертвой пропущенного темного заклятья инфекта или получали от обращенных серьезные, порой почти несовместимые с жизнью ранения, через которые и проникала зараза.

Никакой чистой Тьмы никогда и в помине не было! Это невозможно!

Мне привиделось. Или это было что-то другое, неспособное обратить меня в...

Нет. Даже думать об этом не могу.

— Чего ждешь? — рывкнула я, вскакивая с кровати. Слабость будто рукой сняло. На ее место пришла ярость, бурлящая в венах. Она стала моей энергией. — Неси сюда мои вещи!

Бросив уборку, служанка мигом вылетела за дверь палаты и даже не глянула в мою сторону. Я же неуверенными, неловкими от долгого бездействия шагами двинулась в сторону окна.

Зеркала в палате не было, и неприятные догадки точили изнутри. Поэтому я поплелась к окну, надеясь в стекле все же разглядеть свое отражение. И искренне хотелось верить — из него на меня посмотрят нормальные, человеческие глаза.

Но даже в мутном стекле увидела отпечаток ночи, коснувшийся моей души. Черный туман расползся от уголка до уголка, затопил голубизну радужки.

Душа заметалась в истерике внутри грудной клетки, забилась раненой птицей. Я до скрежета сжала зубы, под скулами заходили желваки, а глаза защищало от слез, что просились наружу.

Уронила голову, поникнув. Ударила кулаком о подоконник и тут же зашипела от боли, что вдруг прошила ладонь.

Отскочила от окна и уставилась на него испуганными, изумленными глазами. Я и забыла о рунах, покрывающих раму и подоконник. Прижала раненую руку к груди и аккуратно наклонилась над магическими знаками, изучая.

Защитные заклинания змейками тянулись друг за другом, ползли по периметру окна, а я отшатнулась.

Почти такую же магию я использовала в тот вечер, пытаясь спрятаться от подступающей Тьмы. Только оно не работало, даже усиленное кровью. Зато это...

Не успела закончить неприятную мысль. Дверь в палату распахнулась, и в комнату вошла женщина, которую уже видела сегодня. Она была одной из гостей, явившихся с допросом.

— Добрый вечер, госпожа Навье, — кивнула она, и несколько серебристых от седины прядок упали на плечи, спрятанные под черной преподавательской мантией.

Я вежливо склонила голову и ощутила, как снова слабею. Ухватила за изголовье кровати и крепко вцепилась в него дрожащими пальцами.

— Меня зовут Лея Шерали. Я преподаватель по самопознанию.

Я нервно фыркнула вместо какой-нибудь светской фразы. Знаю, что нарушила этикет, но думать о манерах не было ни желания, ни сил.

— Где мои вещи, — не слишком дружелюбно бросила я, а потом, опомнившись, добавила, — госпожа Шерали?

Женщина окинула меня снисходительным, немного жалобным взглядом, от которого мне стало только хуже. Я не ощутила поддержки, а лишь острее почувствовала обреченность.

— Все вещи на хранении. Здесь, в лекарском крыле.

Преподавательница шагнула вглубь комнаты, и тени под ее ногами разбежались, будто от солнечных лучей. Госпожа Шерали коротко улыбнулась и кивнула на стул, стоящий возле меня.

— Аста, присядьте, — когда она оказалась под светящимся шаром, зависшим у потолка в центре комнаты, морщинки на ее лице словно разгладились, а черты лица смягчились. — Вам нужно набраться сил.

— Мне нужны ответы, — упрямо ответила я и демонстративно отдернула от кровати руку, лишая себя опоры. Тут же покачнулась, но удержалась на ногах.

На секунду серебристые брови взлетели к середине лба, но преподавательница самопознания быстро вернула прежнее невозмутимое выражение лица.

Я понимала, что не просто так пришла именно она. У дитурбьентов, обычных охотников, нет такого предмета как самопознание. Его изучают только темераты, рискующие при потере контроля навсегда утратить самих себя и стать безвольными монстрами. Инфектами.

Ужасающая картинка складывалась слишком быстро.

Отсутствие зеркал в палате, защитные руны на окне, преподаватель темератов...

— Вы обязательно получите ответы на все свои вопросы, — спокойно, вкрадчиво произнесла Шерали. Сожаление исказило ее лицо: брови выгнулись серебряными дужками, губы напряглись в натянутой, неискренней улыбке.

— Но? — тут же подловила я, чувствуя подвох в словах женщины.

— Но для начала, госпожа Навье, вам стоит отдохнуть. Учебный год начнется уже через несколько дней. Там вы и узнаете все, что вам требуется.

Несколько дней?!

Негодование вытеснило усталость. Я глупо приоткрыла рот в немом удивлении, но тут же сморщилась. Выходит, я провела на больничной койке все каникулы!

— У меня нет времени ждать несколько дней, — сухо отрезала я и требовательно взглянула на гостью. — Мне нужна хотя бы моя форма.

— В скором времени вам выдадут новую, — уклончиво ответила Шерали, а я скривилась от недовольства.

Я не могу идти к ректору в больничной ночной рубашке! А попасть к отцу мне нужно как можно раньше, пока не зачислили на факультет к темератам. Если этого уже не случилось... В любом случае, нужно попытаться выиграть хотя бы шанс.

— Аста, — голос гостьи неожиданно смягчился, из него исчезла деловая холодность, — прошу, успокойтесь. В вас сейчас говорит...

— Тьма? — закончила я за преподавательницу и прикусила дрожащую губу. Напряжение прокатилось тяжелой волной по всему телу и остановилось у самого горла.

— Да, — уронила взгляд Шерали и виновато прикрыла веки.

Видно, она не хотела говорить об этом сейчас. Но мне не нужны пояснения. Я и так обо всем догадалась.

— Аста, — вновь обратилась ко мне, уговаривая, — ваша паника — нормальная реакция. Вам страшно, и все кажется обманом. Глупой ошибкой.

Сердце затрепетало в слепой надежде, но тут же тяжело ухнуло и похолодело, когда в почерневшем окне вновь увидела отражение собственного взгляда.

Да, хотелось бы думать, что все вокруг — злая шутка. Что я сейчас крепко зажмурюсь, а когда снова открою глаза, буду прежней.

— Я не занимаюсь самообманом, госпожа Шерали, — потускневшим голосом возразила, дрожа всем телом. — Лишь прошу встречи с ректором.

Намеренно не смотрела на преподавательницу. Кожей ощущала ее удивленный, несколько возмущенный взгляд. Разумеется, она не знает, что я дочь ректора, а потому моя просьба кажется верхом хамства, непростительной вседозволенностью.

— Я не уверена, что...

— Спросите ректора, если не хотите слушать меня, — чуть не сорвавшись на недозволенный тон, сказала я. — Уверена, он не будет против нашей встречи.

— Госпожа Навье, — жестко обратились ко мне, — на данный момент я декан вашего факультета, и...

— Это легко исправить, — отрезала я и тут же прикусила язык.

Если Шерали — мой декан, меня точно уже перевели на факультет темератов. Тем важнее поговорить с отцом. Я любым способом должна его убедить дать мне шанс и не связываться узами договора с охотником.

По порядкам Академии, темераты обязаны заключить союз с будущим охотником на время заключительной практики. Это якобы поможет оскверненным Тьмой продлить свою жизнь — смирение и цель даруют время.

Но мне это не нужно.

Мне нужна возможность работать для себя. Искать противоядие, бороться за свою душу. По-настоящему бороться! А не прислуживать тем, кто ещё не так давно учился со мной на одном курсе!

— Как скажете, госпожа Навье, — декан скованно кивнула и спешно вышла из палаты, оставив меня на растерзание страхам и бушующему урагану эмоций.

Не прошло и получаса, как служанка принесла мою одежду и вызвалась проводить до ректорского кабинета.

— Я против того, чтобы меня переводили к темератам! — выкрикнула, едва за прислугой закрылась дверь.

Отец глядел поверх переплетенных в замок пальцев, что прятали за собой нижнюю половину его лица. И как обычно, казалось, он смотрел сквозь меня.

— Я не могу начать все заново! — голос звенел от отчаяния и страха остаться неслышанной. — Мне осталось доучиться всего год!

Эта встреча неприятна нам обоим. Я не хотела видеть отца, что бросил семью в самое сложное время, а потом, когда не стало мамы, отказался и от меня. А он не хотел смотреть на живое напоминание о погибшей жене. И на ее убийцу.

— И вам добрый вечер, госпожа Навье, — без улыбки поддел он и тут же продолжил. — Однако, законы писаны не мной, Аста, — выдохнул без эмоций и развел руками. — Не понимаю, чего ты хочешь добиться.

Его отчужденность и холодность не задели. В конце концов, мы уже давно не родные люди. И разделяют нас не только разные фамилии...

А вот полное нежелание слушать — вывело из себя.

— Ты ректор! — взвилась тут же и крепко сжала кулаки. — Так сделай исключение!

Он окинул меня ленивым, затуманенным взглядом. Изучил от макушки до пят. Остановил внимательный взор на почерневших от демонова проклятья глазах. Я не выдержала пристального наблюдения и уронила голову.

Внутри все кипело. От злости. Обиды. И одиночества.

Где-то глубоко в груди неприятно скребла тоска по отцу. Брошенный ребенок внутри меня скучал по родительской любви и искренне желал, чтобы его приласкали, успокоили и поддержали.

Но мужчина передо мной был далек от этих несбыточных детских мечтаний. Может, когда я была еще совсем крохой, он действительно любил и меня, и маму... Но сейчас я видела лишь глухую отрешенность.

— Есть правила, Аста. Ты и сама должна понимать, темераты — особенные... люди, — последнее слово он подобрал с трудом, сделав заметную паузу. — Им нужен специальный подход в образовании и тренировках. Концентрация, гармония, союз с самим собой...

— И с охотниками, которые жаждут набрать как можно больше «дорогих» заданий, пока их темерат не захлебнется Тьмой! — с ядом вспомнила слова, невзначай сказанные Виви в начале каникул.

Отец встал с кресла и вышел из-за массивного ректорского стола, остановился у широкого окна и закурил сигару. Его беззаботность страшно бесила, но я держалась, искренне надеясь все-таки заполучить заветное разрешение.

— Союз с охотниками — тоже часть обучения темератов, — уклончиво отразил мой аргумент отец, выдохнув облако дыма.

Меня тут же передернуло от недавних воспоминаний. В них меня преследовала Тьма, что вязким туманом ползла по земле, тянула свои призрачные щупальца...

Я отвернулась и уперла взгляд в одну из книжных полок, коих в кабинете ректора было не счесть.

— И чему учит этот союз? — не могла успокоиться, нервно притопывала ногой. — Сколько темератов дожило до диплома своего охотника? Я уж не говорю о более долгом сроке.

Мне все-таки удалось пробить ледяную броню отца. Он резким движением затушил сигару в пепельнице и скрестил руки на груди:

— Я не понимаю твоих претензий, Аста, — его голос стал на тон выше и резче. — Ты же знаешь систему. Охотнику выгодно, чтобы его темерат прожил без обращения в инфекта как можно дольше. За это в личное дело начисляются серьезные баллы.

— Но и ничего криминального не происходит, если охотнику приходится убивать обращенного в инфекта союзника! Он все равно получает баллы, только меньшие! А если успел сделать достаточно заданий в связке, то и вовсе — такие же!

Ноздри отца расширились и задрожали, когда он медленно втянул носом воздух. Пронзил меня бесцветным, как выцветшая бумага, взглядом и сурово поджал губы, что тут же стянулись в тонкую линию.

— Я не понимаю, чего ты хочешь, — отец медленно опустился обратно в ректорское кресло. Он будто спрятался за разграничительным столом, ставшим между нами преградой.

Настала моя очередь тяжело вздохнуть и гневно втягивать ноздрями воздух, который вот-вот раскалился бы от такой обстановки.

Хотелось по — детски топнуть ножкой и вскрикнуть «Ты меня не слушал! Совсем не слушал!». Но я сдержала этот порыв, навряд ли навязанный ядовитой Тьмой, растущей внутри меня, и отчеканила:

— Я хочу, чтобы ты позволил мне доучиться на моем старом факультете. Или хотя бы не связывал союзом с другим охотником. Время сейчас — самый ценный ресурс, и я не могу тратить его на выполнение заданий для чужого личного дела!

В бледных глазах отца пробежала короткая искра раздражения, миготнув и отразившись во мне. Я напряглась, выпрямила спину, хоть и стоять было тяжело. Во мне все еще говорила слабость, но я не могла позволить недугу лишить меня шанса на спасение.

— Почему ты думаешь, что такая вольность сыграет на руку, а не убьет? — с насмешкой отозвался отец.

Я подозрительно подобралась и прищурилась, цепким взглядом вцепилась в лицо мужчины, когда-то бывшего одним из самых близких людей на свете. Однако он смотреть на меня старательно избегал.

Наверняка мой измененный вид лишь ещё острее напоминал ему о маме.

Меня перекосило от одной лишь мысли об этом, а сердце пронзила обида. Как он смеет скорбеть, зная, что виновен в ее гибели не меньше моего? Как может игнорировать мои просьбы и оставаться глухим к словам собственной дочери? Неужели совсем не боится, что я закончу так же, как и мама?

— Темератов учат держать Тьму под контролем. Может, эти занятия однажды помогут найти

лекарство и избавиться от скверны? — продолжал отец, видя, что я безоружна к его словам. — Может, ты будешь той самой темератой, что победит Тьму? И как тогда я могу позволить тебе бросить учебу?

— Сколько темератов за эти девять лет излечилось? Сколько из них вновь стало людьми? — парировала я и тут же сделала несколько шагов из центра комнаты к столу отца.

Он молчал, превращая мои аргументы в пыль. И я, и он прекрасно знаем, что с момента открытия специального факультета таких случаев не было.

Факультет темератов возник сразу же, как в нем возникла потребность. Это случилось буквально через несколько Лун после гибели мамы. Тогда же во главе Академии Изгнания встал отец. Ну, а я играла сироту в частном магическом пансионе и уже тогда знала, куда буду поступать после.

И вот, к чему меня привели надежды на поиски лекарства для обреченных. Я сама нуждаюсь в вакцине, которой нет!

— Тем не менее, — настойчиво уговаривала я, — прошу, дай мне шанс найти исцеление.

— Я даю тебе его, зачисляя на факультет темератов, — настырно заключил отец и вальяжно откинулся на спинку кресла. — Почему ты думаешь, что есть другой выход?

Замерла, размышляя над словами отца. У меня есть всего один аргумент, и будет глупо его не задействовать.

Прикрыла глаза, набираясь смелости, а потом выдохнула:

— Мой защитный круг не сработал, а магия крови оказалась бесполезна. Я видела Тьму в истинной форме, и она прошла сквозь все мои заклинания. Может, в этом ключ к разгадке?

Кончики пальцев похолодели и задрожали. А когда я открыла глаза, увидела сгустившиеся вокруг отца тени. Они вились возле него, окутывали мрачным туманом и языками черного пламени тянулись к потолку.

Сердце пропустило удар и холодной льдинкой скатилось в желудок. Повинуясь мгновенному порыву, я ринулась к столу, желая отогнать назойливые видения... Но тут же напоролась на острый, как кончик клинка, взгляд.

— Ерунда, — припечатал отец. — Это невозможно. Тебе привиделось.

Тени заплескали сильнее, и мне пришлось надавить пальцами на глаза, чтобы прояснить зрение. Отец принял этот жест за слабость и отступление и снова напал:

— А твои заклинания... Никто не застрахован от ошибок.

Смысл этих слов дошел до меня не сразу. По щекам будто хлестнули плетью, и они тут же вспыхнули.

— Я не ошиблась в заклинании!

— Ты не можешь знать этого наверняка, — отмахнулся отец, натянув презрительную ухмылку. — Стресс, шок...

Во мне бурлила злость, и чем ослепительнее она становилась, тем ближе и гуще вились тени.

Я никогда не была такой. Агрессивной, несдержанной, эмоциональной. Прекрасно понимаю, это — отпечаток Тьмы, поселившейся в сердце. И если хочу хотя бы попытаться выжить, нужно научиться контролировать черную магию внутри себя.

Я не позволила сорваться с губ новым гневным речам. Взгляд сполз с самодовольного лица отца и слепо покатился по столу ректора, пока случайно не наткнулся на что-то тускло блестящее в свете магических светильников.

— Это мой кулон, — подозрительно прищурилась и вгляделась в до боли знакомую цепочку и подвеску в форме треугольного наконечника.

Отец лишь хмыкнул:

— Разве? Это же просто пустышка. Зачем она тебе?

Я нахмурилась, не понимая выпада. Амулеты носят почти все чародеи. Такие артефакты помогают концентрировать энергию, накапливать ее и приумножать. Иначе говоря, они становятся якорем

для магии.

— Это не пустышка, — не спрашивая разрешения, я забрала дорогую сердцу вещь и тут же надела.

Отец недоуменно покосился в мою сторону, взглядом зацепился за серебряный кулон. Его уже не молодое лицо, с редкими неглубокими морщинами, исказило недовольство.

Заметив это, тут же сжала подвеску в кулаке. Не отдам.

Он стиснул челюсти, запустил пальцы в идеально зачесанные короткие темные волосы и сквозь зубы прочеканил:

— Можешь быть свободна, Аста. Тема закрыта. Ты будешь учиться среди темератов, либо не будешь учиться в моей Академии вовсе.

Я вздернула дрожащий подбородок. Бросила презрительный взгляд на отца, что уже отвлекся на деловые бумаги, и быстрым шагом вышла из кабинета.

Что ж, хочется мне или нет, придется принять правила.

ГЛАВА 5

Из лазарета меня отпустили через два дня. Напичкали снадобьями, опоили эликсирами, убедились, что стою на ногах, и позволили покинуть лекарское крыло.

Именно что позволили. Ведь рунические заклинания под порогом комнаты и на окне крепко сдерживали меня внутри как в клетке. За исключением этого неприятного факта в остальном ко мне относились так же, как и всегда. Только в глаза смотрели реже.

Но сдерживающие заклинания не давали покоя, даже когда не пыталась их пересечь. Близость магических знаков отдавалась неприятным зудом под кожей, под которой будто копошились мелкие проворные насекомые. Тьма внутри меня бесилась от установленных преград, бурлила. И в моменты слабости затмевала разум.

В такие мгновения я теряла контроль над своими эмоциями, что приходили в беспорядок. Страх и паника сменялись злобой, а та — ненавистью.

Я проклинала себя за глупость и неосмотрительность. Отца — за безразличие. Портальщика — за то, что вовремя не открыл пространственный ход.

Иногда мне становилось плохо настолько, что могла сорваться на служанок и заглянувших проверить мое состояние лекарей. Последних мои перепады настроения ни капли не удивляли. Мне просто приносили новые порции зелий, которые иногда приходилось вливать силой.

— Тебе нужно скорее приступить к учебе, — повторяли врачи после каждого наваждения темной магии. — Станет легче.

И эти слова вселяли слабую надежду.

Именно надежда не позволила сразу же сдаться, опустить руки и подчиниться мраку, гнилым туманом окутавшему сердце. Я заставляла себя верить — шанс есть. Библиотеки Академии огромны, опыт преподавателей и охотников велик. Нужно лишь желание и трудолюбие, чтобы объединить все знания воедино. Сложить мозаику и найти спрятанный ответ.

Я держалась за эту мысль, как за путеводную нить. Отгоняла прочь смутные идеи, тревожные порывы и топила в себе приливы агрессии. С трудом мне удалось взять эмоции под контроль. Я приняла непривычные, звенящие в сознании чувства как неизбежное клеймо болезни и для себя решила — буду бороться, пока могу.

Мое состояние не было стабильным, когда мне разрешили покинуть лекарское крыло и переселиться в новое общежитие. Но о какой стабильности может быть речь?

У меня нет уверенности ни в завтрашнем дне, ни в себе. Собственное я мутирует, пока душу точит мрак, а время играет не на моей стороне.

Но цена проигрыша слишком велика, а второго шанса больше не будет.

Так как я и до обращения в темерату училась в Академии Изгнания, процесс заселения в новое общежитие занял немного времени. Проблема возникла лишь с вещами, оставленными в корпусе охотников, в противоположном крыле замка. Одну меня туда не пустили, а когда выяснили, что в шкафчиках осталась лишь учебная форма и книги, вовсе отмахнулись от моей просьбы.

Престарелый секретарь, заполнявший за меня все положенные бумажки, успокоил:

— Не переживайте, госпожа Навье, будут у вас новые и форма, и учебники.

Он добро улыбнулся, а затем ненадолго исчез в лабиринте стеллажей. Я же какое-то время не могла прийти в себя: впервые за эти дни вижу искреннюю улыбку.

Обычно моего общества избегают или держатся холодно, отстраненно. И я не могу винить за это, ведь сама знаю — к темератам нельзя привязываться.

— Итак, последний штрих, — старик снова возник перед деревянной стойкой, усыпанной бумагами. Он водрузил на столешницу ящик и распахнул его с гордым видом, будто это сундук с сокровищами.

— Что это? — нахмурилась, разглядывая аккуратно разложенные внутри ящика украшения.

Кольца, браслеты, ожерелья, бархотки — побрякушки на любой вкус. Аккуратные, массивные, скромные, аляповатые, элегантные и дерзкие. Объединяла их лишь одна деталь — бесцветный камень, исполненный словно из прозрачного стекла.

Однако стоило мне поднести руку к коллекции старого чародея, камни тут же окрасились в насыщенный красный.

— Артефакты, — пояснил старик. — Они обязательны для темератов. Показывают, насколько душа способна бороться с Тьмой.

Я недоуменно свела брови у переносицы и подцепила пальцем тонкую ленточку бархотки. В самом центре темной полосы ткани алел аккуратный камень.

— И что это значит? — кивнула на артефакт на своей ладони. — Красный — это плохо?

Старик качнул головой и грустно улыбнулся:

— Хуже, чем если бы он был бесцветным. Но куда лучше, стань камень черным.

Я поджала губы и понятиливо кивнула.

Ясно. Если камень чернеет — время вышло.

— Ну-с, — секретарь, наклонившись над сундуком, развеял мои темные думы, — выбирайте свой артефакт, госпожа Навье.

Я еще раз обвела взглядом сверкающие в свете магических светильников украшения. Виви пришла бы в восторг, поставь ее перед подобным выбором...

От воспоминания о подруге сердце тоскливо сжалось. Вивьен ни разу не навестила меня за то время, что я провела в лазарете. Но что еще обиднее — сокурсница даже весточки не отправила.

— Пожалуй, я оставляю это, — натянуто улыбнулась и провела пальцем по бархатистой ткани тонкого украшения, что уже лежало в ладони. Не зря ведь именно его заметила и взяла в руки первым?

— Отличный выбор, — старый артефактор склонил голову набок, разглядывая вещицу, что крутила между пальцев. — Элегантно и утонченно. Под стать вам.

— Сомневаюсь, что это надолго, — сорвались с губ слова отчаяния.

Взгляд секретаря мгновенно потемнел, и он неодобрительно качнул головой:

— Уныние — кратчайший путь к поражению. Запомните это — обязательно спрошу на занятиях.

Я удивленно вскинула на старика глаза. Скрыть изумление не удалось, и маг без труда отгадал немой вопрос, застывший на моем лице:

— Да, я буду вести у вас артефактологию. Не самый любимый студентами, особенно темератами, предмет. Но, если приложить усилия, можно вынести для себя много полезного.

Рука сама потянулась к кулону, который холодной капелькой застыл в ямке над грудиной. Отец сказал, что это просто побрякушка, не имеющая магического потенциала артефакта. Но как же я тогда использую его для подпитки сил уже девять лет?

Вопрос крутился на кончике языка, но я так и не решилась его задать.

Мы обменялись вежливыми кивками, а мой будущий преподаватель еще и доброжелательно улыбнулся, пожелав хорошего дня. Он же назвал мне номер новой комнаты, которую я сразу же направилась искать.

В это крыло замка я попала впервые за три года. Корпуса темерат оказались такими же сдержанными и строгими в интерьере, как и часть Академии, в которой я провела предыдущие курсы. Все те же длинные коридоры, которые тянутся в блеклом приглушенном свете защитных рун, выведенных на своде потолка. Те же стрельчатые окна, от которых по полу ползут узкие полосы света...

Единственное отличие: здесь всюду раскиданы сети заклятий. Даже пустые доспехи в крупных залах столовой и в переходе к учебным корпусам помечены магическими знаками. В случае опасности они обратятся в големов — оповестят о беде преподавателей и охотников, а, может, и сами встанут на защиту Академии и студентов.

Проходя мимо очередной пустышки с клеймом магии, тяжело сглотнула. Осознавать, что все здесь напитано защитными чарами, неприятно, когда знаешь — защищаться будут от тебя.

Коридоры уже наполнились студентами, и в поисках хода к общежитиям, я бродила между другими

темератами, уронив взгляд. Не хотелось встретить среди таких же обреченных знакомое лицо. Еще больше не хотелось быть узнанной.

А вероятность обнаружить здесь бывших сокурсников очень высока. Ведь большинство темератов — ученики-дигурбьенты и охотники. И лишь маленькая часть — студенты из других Академий, случайно павшие под удар Тьмы.

В паутине ходов я все-таки нашла нужный и вышла к башням общежития. Сверилась с выданным номером комнаты и побрела по лестнице.

Моя новая комната — на пятом этаже. Не слишком высоко, чтобы устать от подъема, и не слишком низко, чтобы другие ребята считали мое окно дверью в закрытое на ночь общежитие. Вполне устраивает.

Мы с Виви жили на третьем этаже в достаточно уютных покоях. За них мне приходилось доплачивать каждую Луну, но удобство стоило своих денег. Но это было в корпусе охотников. Темератам же выбора не дают, а расселяют в освободившиеся комнаты, начиная с нижних этажей.

Пока плелась по лестнице, мысленно прикинула, сколько на факультете студентов. Учитывая, что в моей башне живут только девушки, и этажи до пятого точно забиты...

Да, Тьма процветает.

Еще при заполнении бумаг, вместо ключа секретарь-артефактор продиктовал мне короткое заклинание. Пока шла по узкому коридору, выглядывая нужную дверь, мысленно повторяла магический код. Моя комната оказалась в самом конце этажа, а окно в тупике коридора открывало вид на соседнюю башню с колоколом.

Я поморщилась, уже предчувствуя бодрящие пробуждения, отведенные мне в этих стенах. Глубоко вздохнула и, коснувшись витой дверной ручки, мысленно повторила нужное заклинание.

— Фу, от тебя разит Тьмой! — раздалось, не успела переступить порог.

От такого приветствия лицо обдало жаром, и под кожей забурлила лава. Я обернулась на голос и встретилась взглядом с щуплого вида девчонкой.

— Отвратительное приветствие, — буркнула я, захлопывая за своей спиной дверь.

Девушка тут же спрыгнула с кровати, в которой валялась с книгой в руках, и шагнула ко мне:

— Без обид, — она протянула тонкую, как сухая веточка, ладошку. — Просто я столько теней ещё ни у кого не видела.

Мои брови взлетели вверх, и от удивления даже забыла пожать руку, которую протягивала новая соседка. Я обдумывала ее слова и вспоминала свои видения, что поначалу приняла за обман зрения.

— Ты тоже их видишь? — спросила почти шепотом.

Никого кроме нас в комнате не было, но говорить о подобных вещах вслух — страшно. Мало кто захочет признаться, что видит черный дым, вьющийся по углам и вокруг людей.

— Конечно, — девушка пожала плечами, будто я спрашивала какую-то очевидную ерунду. Она с гордым видом отбросила за спину прядь прямых пшеничных волос и вздернула острый подбородок, — странно, что тебя это удивляет. Мне кажется, наше сходство очевидно.

Она повела веснушчатым плечом, открытым в легкой блузке, и пальцем указала на свои глаза. Такие же, залитые чернотой, как и мои.

Я глупо поджала губы и кивнула, не зная, что сказать. Девчонка не была похожа на охотницу. Слишком уж хрупкая, нежная. Тонкие плечи никогда не знали тренировок, а изящные, гибкие пальцы двигаются плавно и грациозно. Как же ее угораздило сцепиться с темными чарами?

Мне стало жалко ее. Наверняка до обращения она была очень красива: длинные светлые волосы, милые веснушки и аккуратные черты лица. Ей подошел бы голубой цвет глаз или, может, серый, каким часто бывало небо над Академией. Но уж точно не этот гадкий черный.

— Не знаю, о чем ты думаешь, но лучше прекрати, — нервно хихикнула моя соседка.

Из-за того, что от уголка до уголка ее глаза залиты угольной тьмой, мне сложно понять, куда она смотрит. На меня или мне за спину?

— А что не так с моими мыслями? — непонятливо пожала плечами, зачем-то обернувшись. Ничего,

кроме уже привычного мельтешения теней, не заметила.

— Ты совсем не знаешь, да? — снисходительная улыбка скользнула по губам девушки. — Тоже не из этой Академии?

— Из этой, — я отвернулась и сделала вид, будто рассматриваю новые покои. — Просто темераты, инфекции и чистая Тьма — тема последнего курса. А я до него не дошла.

От боли, что проснулась внутри груди, захотелось плакать. Порыв отчаяния удушьем сковал легкие, украл дыхание. Меня мелко затрясло, а перед глазами снова поплыли тени...

— Эй, тише, — девчонка осторожно коснулась моего плеча. — Нельзя сдаваться.

В этот момент я почувствовала себя ничтожной. Душа будто оказалась обнаженной и постыдно слабой. Мои хваленые выдержка и самообладание дали трещину, и я ощущала, как рассыпаюсь осколками вслед за ними.

— Я серьезно! — она крепко вцепилась в мои запястья и с силой тряхнула. — Прекрати! У тебя камень чернеет!

Меня будто окатили ледяной водой.

Я взяла себя в руки и с трудом проглотила колющий, вязкий ком тоски, что застрял в горле. Тряхнула головой, отгоняя наваждение, и несколько раз моргнула, чтобы осушить слезы, выступившие на глазах.

Меня все ещё колотило от печали и безысходности. Но девчонка смотрела на меня с мольбой и искренне просила прийти в себя.

— Гляди, что творят такие приступы! — она ткнула пальцем на мою сжатую в кулак ладонь, в которой болталась бархотка. Камень в артефакте стал почти черным, с призрачным отливом красного. — Ты даже не замечаешь, что теряешь контроль! Так долго не протянуть.

От ее звонких слов по позвоночнику мерзко царапнула тревога. Дрожащее дыхание скользнуло по пересохшим губам, а пустота внутри вдруг стала до боли обжигающей.

— Просто я подумала о том, что...

— Не думай! — припечатала девушка, и ее кулон на тонкой цепочке резво колыхнулся.

Камень в артефакте моей соседки был бледно-розовым, что заставило меня сначала удивиться, а затем — проникнуться к темерате уважением. Может, она и выглядит слабой и щуплой, но морально — куда сильнее меня.

— Меня зовут Эйлин.

Она снова протянула ладонь, и на этот раз я приняла рукопожатие. Осторожно заключила тонкие пальчики девушки в свои и, как могла, улыбнулась.

— Аста, — тоже представилась и смущенно потеряла затылок. Было неловко осознавать, что наше знакомство началось с моего срыва.

В оковах смущения прошагала в свою половину комнаты и удрученно вздохнула. Пусто. Безлико. Шкафы и полки девственно чисты, кровать выглядит узкой и неудобной, а на подоконнике у изголовья — ничего.

У нас с Виви в покоях было очень здорово: куча горшков с растениями, картины, ковры, резная ширма, горы подушек на кроватях, всюду магические искры и световые шары... Красота.

— Давно ты здесь? — мотнула головой и задала вопрос новой соседке, что бы заглушить мысли о старой.

— Две Луны, — призналась Эйлин и поправила простое вытянутое зеркало, висящее на стене.

Ее половина комнаты выглядела более оживленно: на темно-синем пледе разбросаны книги, на тумбе у кровати — несколько свечей, а письменный стол завален склянками и колбами.

— Я училась в Академии Зельеварения, — проследила за моим взглядом и произнесла вслух догадку, что крутилась на языке. — Пришлось переводиться, не закончив последний курс.

Я поняливо кивнула и остановилась у окна, за которым догорал закат. Парк при Академии в последние дни каникул бурлил жизнью: студенты-охотники кучками гуляли вдоль скверов,

компаниями сидели на еще зеленом газоне и заливисто хохотали.

Не смогла сдержать огорченного вздоха и грустно отвела глаза. Мы с Виви тоже любили вечерние прогулки. Я обожала просто бродить по парку и иногда останавливаться, что бы посидеть с книгой на скамейке. Виви же нравилось выслеживать Ригана и его компанию.

Тогда я подшучивала над ней, говоря, как ненавижу замашки подруги. А сейчас — тосковала по ним.

— Нам пока нельзя в общий парк, — снова заметив мой поникший взгляд, прокомментировала Эйлин. — Декан Шерали говорит, что это ненадолго. Нужно лишь пройти начальные занятия, и тогда...

— Знаю, — выдавила из себя улыбку и села на кровать, чтобы не расстраивать себя тоской по минувшим дням. — Пока, вроде, можно выйти в наш закрытый парк.

— Да, но он очень маленький, — кивнула соседка и осторожно, будто спрашивая разрешения, присела рядом.

Я не была против и в знак согласия криво улыбнулась. Рядом с Эйлин мне становилось легче. Меня успокаивал ее бледно-розовый камень, говорящий о силе самоконтроля, что внушала надежду. Эйлин похожа на лучик веры, слабый и тонкий, но настоящий и искренний.

— Хочешь попасть в общий парк?

— Конечно! — бодро откликнулась Эйлин. Она даже привстала, что бы увидеть объект своих чаяний. — Все лучше, чем сидеть в четырех стенах. А там столько других ребят... Веселых, сильных, интересных...

Я не стала говорить, что темератов там не жалуют. Со стыдом вспомнила, как сама вместе с Виви уходила подальше, едва заведев вдалеке студентов с неестественно темными глазами.

«Оскверненные!» — шептались мы и тут же сворачивали на другую тропинку.

Никто не хочет заводить связи с обреченными. Такая дружба кончится по известному сценарию и оставит лишь шрам на сердце. Поэтому даже в полной людей Академии темераты чувствуют себя одиночками.

— Эйлин? — позвала я, что бы заглушить ядовитые мысли.

Она обернулась, а я выпалила первое, что пришло на ум:

— Ты жалеешь, что пришлось уйти из прошлой Академии?

Захотелось хлопнуть себя по лбу. Что за глупый вопрос? Конечно, она жалеет! Так же, как я. Как любой, кто оказался здесь. У всех нас есть что-то, что осталось за стенами корпуса темератов: образование, семья, мечты...

Но Эйлин не выказала ни единого признака раздражения. Она непринужденно пожала плечами и чуть прищурилась, задумавшись.

— Нет, — к моему удивлению сказала она. — Я никуда не могу деться от метки Тьмы, и я жалею, что оказалась жертвой темной магии. Но я рада, что пришлось уйти из старой Академии ради новой. Ведь здесь у меня есть шанс на надежду. Меня уже научили подавлять злые чувства и держать контроль. А занятия ещё даже не начались!

Она лучисто улыбнулась, а у меня в груди что-то болезненно сжалось.

Хотела бы и я перенять ее жизнерадостность и стойкость к невзгодам. Хотела бы так же верить и дышать надеждой.

Но пока я лишь захлебываюсь в собственной боли и спотыкаюсь об опущенные руки.

— Знаешь, — чуть поникшим голосом обратилась ко мне Эйлин, — я ведь вижу твои темные эмоции.

— Извини, — перебила ее, не дав договорить. — Я не хотела оскорбить твои надежды.

Но Эйлин даже не обратила внимания и продолжила:

— Я не обижаюсь. Просто постарайся не угробить себя до начала занятий, там тебе окажут помощь. А ты в ней очень нуждаешься.

ГЛАВА 6

— Сосредоточьтесь. Нашупайте ядро вашей личности и тянитесь к нему. Видите Тьму, сгустившуюся внутри вас?

Я не видела ничего. Сидела, как положено, с закрытыми глазами и делала вид, будто очень усердно выполняю все глупые указания декана Шерали, которая вела у нас пары по самопознанию.

— Отгоните мрак. Пробежитесь сквозь него к стержню своей души. Представьте, как вы очищаете ее от скверны и черпаете из чистоты магическую энергию...

Я едва сдержала зевок, застрявший в горле. Мало того, что занятие оказалось полной ерундой, так ещё и ночь перед первым учебным днем не задалась. Я плохо спала на новой, жесткой кровати. Постоянно ворочалась на узкой деревяшке под тонким матрасом, а в голову лезли малоприятные мысли о жизни, идущей под откос.

Раз за разом переживала тот роковой вечер, прокручивала в мыслях все от начала и до конца в мельчайших подробностях. Искала ответы, которых пока не видела. Вспоминала о подозрительной госпоже Линетти и ее сыне, который оказался лишь приманкой, о защитном заклинании, что не могло быть использовано неверно.

Меня тянуло обратно к жуткому поместью. Казалось, что ответ нужно начинать искать именно там. И пусть снова придется разговаривать с пугающей аристократкой, отчитываться перед ней за невыполненный заказ и слушать истерики...

Пусть. Но я должна убедиться, что в моей защите не было ошибки.

— Не подпускайте Тьму. Будьте искрой, что ее отгоняет! — продолжала нелепое напутствие госпожа Шерали.

Я же осторожно приоткрыла один глаз и сквозь спутанные ресницы взглянула на других студентов, сидящих в кругу прямо на каменном полу аудитории, погруженной в таинственный полумрак. Преподавательница шагала за спинами учеников, размеренно диктуя новые наставления. Когда госпожа Шерали оказалась позади меня, я ненадолго раскрыла глаза и осторожно осмотрелась.

И парни, и девушки сидели так же, как я, на коленях, с сосредоточенными лицами. У некоторых даже лоб покрылся испариной от напряжения. Я удивленно нахмурилась и, услышав, что преподавательница продвигается дальше по кругу, снова зажмурила веки и сурово свела брови на переносице. Для пущего правдоподобия крепко сжала губы и чуть ссутулилась.

— Тьма внутри вас, но она не способна овладеть телом, пока вы боретесь! Нашупайте границу между своей душой и черной магией. Держитесь за этот барьер и двигайте его, вытесняя мрак!

Я не видела никакого барьера или искры души. Обычная чернота закрытых глаз, ничего более. Я чувствовала себя глупо, а пара казалась невыносимой. Вместо того, чтобы действительно заняться делом, мы просиживаем форму на медитациях...

Да, не этого я ожидала от начала учебы. Даже шла на первую пару в приподнятом настроении, несмотря на ужасное пробуждение: колокол в соседней башне вытряс из меня не только сон, но и желание возвращаться в покой.

Утро вообще задалось активное: перед завтраком бегом в общий холл — за формой, которая ничем не отличалась от моей старой. Черное строгое платье с длинным рукавом, кучей ремней и расклешенной юбкой чуть выше колена. Быстрая примерка, после которой — завтрак, куда все ученики курса пришли как попало из-за сумбурного для всех утра.

Мы с Эйлин завтракали в полупустом зале, наскоро набивая желудки. Время поджимало, а опаздывать на первое занятие не хотелось ни мне, ни новоявленной соседке. Тем более Эйлин очень ждала начала учебы, а ее энтузиазм передался и мне.

Семестры у темератов делились не так, как у охотников. Если раньше моя учеба начиналась строго осенью, то у оскверненных — чем раньше, тем лучше. Поэтому программы здесь начинаются каждые две Луны, что бы те, кто пал жертвой Тьмы, не погиб, год дожидаясь зачисления на факультет.

Из-за такой системы группы небольшие, обучение идет круглый год, без перерывов на лето, а курсы измеряются разницей в пару Лун.

— Я опоздала на летнее зачисление всего на несколько дней, — за завтраком призналась Эйлин. — Пришлось заселяться в замок и ждать следующую группу. Когда становилось совсем невыносимо, спрашивала помощи у других темератов, они-то и научили меня хоть немного держать Тьму под

контролем.

Эйлин оказалась той еще болтушкой и в первые же дни нашего знакомства вывалила на меня море информации. Она с тоской поделилась, что пережила прошлую свою соседку, и без предрассудков и обид отвечала на все мои вопросы.

— Как ты, учась на мастера зелий, умудрилась заразиться Тьмой? — прямо в лоб бросила я, когда мы поднимались по лестнице к учебным комнатам.

— На одном из практических занятий мы должны были собирать ингредиенты для зелий в лесу, на границе Империи. Я отбилась от группы, заблудилась, а когда вышла к реке, столкнулась с инфектом.

Пока она говорила, ее взгляд будто затуманился, а камень на тонкой цепочке чуть потемнел и стал мутно-розовым. Но я не стала перебивать Эйлин, а молча дожидалась, когда она возьмет себя в руки и закончит рассказ.

— Знаешь, он был похож на человека, которому сломали все кости и оторвали челюсть, — поникшим голосом уронила девушка, а я молчаливо кивнула.

Понимала, что Эйлин чувствует: страх, отвращение, печаль и отчаяние. Видела, как топят ее эти эмоции, но не собиралась вытаскивать девушку из-под ядовитой волны воспоминаний. Что-то подсказывало — я должна знать.

— Нас ведь не учили боевой магии, — слабый шелест слов сорвался с побледневших губ Эйлин, — и когда то чудовище бросило в меня темное заклятье... Я не смогла его отразить.

Я думала над словами Эйлин, пока мы шли до кабинета, петляя по коридорам и прыгая через ступеньки. Не отпускала чужие воспоминания и на занятии госпожи Шерали. И вместо того, что бы идти за светом своей души, тянулась к отгадке, которую пыталась собрать из кусочков мозаики, что имела.

Пока что деталей катастрофически не хватало, а мое столкновение с чистой Тьмой все ещё казалось событием из ряда вон. Но предполагать нельзя — это все равно, что действовать вслепую.

Когда преподавательница самопознания в десятый раз прошла за моей спиной, я наполнилась решимости. Нужно поговорить с темератами и узнать об их обращении как можно больше. Охотники, студенты других академий, дети или взрослые — плевать. Главное, вычислить, где закономерность, а где исключение, и уже оттуда искать, куда дальше двигаться в поисках ответа.

— Можете открыть глаза, — разрешила госпожа Шерали, и по аудитории прокатилась волна облегченных вздохов.

Я завертела головой, наблюдая за одноклассниками и искренне надеясь увидеть хоть в ком-то поддержку. Не только же мне одной это занятие показалось пустой тратой времени?

— Как впечатления? — воодушевленно шепнула Эйлин, сидящая рядом со мной.

— Здорово, — протянула фальшиво и натянуто улыбнулась. Не смогла, сидя в кабинете, полным вдохновенных темератов, признаться, что считаю уроки медитации бестолковой ерундой.

Однако ни Эйлин, ни остальных ребят, что носили метку Тьмы, мне обмануть не удалось. На меня смотрели косо, с подозрением. И я искренне не понимала, что происходит, пока Эйлин не сказала мне на ухо:

— От тебя разит Тьмой, Аста.

Я суетливо обернулась, глянула на свои руки и уронила взор. Может, я и вижу чужую Тьму, но свою пока отличить не в силах.

— О чем ты думаешь? — с укором шепнула Эйлин и смерила меня печальным взглядом. Почему-то подумалось, что именно сейчас она вспомнила о прошлой соседке, что бесповоротно проиграла Тьме и обратилась в инфекта.

Неприятная параллель остро кольнула в груди, а чужие взгляды засели под кожу занозами.

Тяжело осознавать, что мое состояние, моя жизнь полностью зависят от многих факторов, которые мне не под силу. А единственное, на что могу повлиять, — мысли. Но и те не желают складываться стройным рядом, а рвутся в самую бездну отчаяния на поиски ответов.

Но для себя я не вижу иного варианта. Я хочу жить, хочу найти выход. И не собираюсь отказываться от попыток обрести шанс на надежду только потому, что душевные метания

нарушают внутреннюю гармонию и крошат остатки смирения.

Благо, мои темные порывы увидеть могут лишь такие же, как я, темераты, а оскверненных темной магией среди преподавателей нет. Поэтому никто не помешает мне каждую секунду своего времени тратить на те мысли, что выбрала сама.

— Снимите, пожалуйста, артефакты чистоты души и положите перед собой, — вдруг приказала госпожа Шерали, а я тяжело сглотнула.

Я поторопилась с выводами, решив, что преподаватели не могут меня контролировать. А все потому, что забыла о камне, который теперь обязана носить. Сейчас он был кроваво-красным, самым темным в группе. У остальных студентов артефакты светились светлыми оттенками розового.

— Хорошо, — мурчала под нос госпожа Шерали, проходя возле каждого студента.

Она внимательно смотрела на камни, блекло мерцающие в приглушенном свете магических сфер, что вились вокруг ее сухих плеч. Шерали довольно кивала, любуясь результатами занятия, и, пройдя половину темератов, заключила:

— В вашей группе очень хорошие результаты. Можно сказать, вы справились с пробным испытанием.

Пробным испытанием?!

Я вскинула на женщину глаза как раз тогда, когда она остановилась за моей спиной. Ее лицо тут же заострилось, морщины врезались в лоб и протянулись от крыльев носа до сникших уголков губ. Госпожа Шерали смерила меня потускневшим взглядом, от которого внутри все похолодело.

Я тут же припомнила все дерзкие слова, что сказала декану в лазарете. Тогда во мне царила уверенность — я смогу отстоять право закончить учебу среди охотников, а не начну все с начала на новом факультете. Однако то сражение я проиграла. Да и сегодняшнее испытание явно провалила с треском.

— Судя по результатам испытания, в вашей группе достаточно высокий уровень самоконтроля, — хрустальный голос преподавательницы прокатился вдоль каменных стен и затопил небольшую аудиторию атмосферой предвкушения. — Это позволяет мне выписать вам разрешение на прогулки в общем парке и посещение главной библиотеки.

Два десятка студентов воодушевленно зашептались, а Эйлин радостно сцепила ладони, за которыми спрятала озарившую лицо улыбку. Возможно, мне показалось, но камень в ее артефакте стал еще бледнее обычного.

— Но спешу напомнить! Посещения — строго по регламенту, если не хотите лишиться своих привилегий! — Шерали зашла за кафедру и опустила на ее края длинные ладони, приняв властную позу. Однако студенты уже не смотрели в сторону декана, а потому не видели ни строгого взгляда, ни безукоризненно ровной спины, ни гордо вздернутого подбородка.

Все переговаривались, обсуждая планы на грядущий вечер. Эйлин что — то нашептывала в мою сторону. Я же не сводила глаз со своего артефакта, что все ещё угрожающе горел глубоким красным цветом.

Звон колокола резко ворвался в распахнутое окно, оповестив об окончании занятия. Перекрикивая протяжную мелодию и говор студентов, Шерали объявила:

— Можете быть свободны! За разрешением на вход в парк и библиотеку подходите после обеда в мой кабинет!

Я встала, отряхнула платье и, снова грустно взглянув на камень, вернула бархотку на шею. Эйлин ждала меня у дверей опустевшей аудитории, пока я нехотя плелась на выход.

— Госпожа Навье, — уже у самого порога декан поймала меня за плечо, — я хотела бы с вами поговорить.

Я коротко взглянула на Эйлин, и та понимающе кивнула. Быстрым щелчком Шерали приказала двери захлопнуться прямо перед носом моей соседки.

— Вам разрешение я выписать не могу, — сразу же сказала она.

— Понимаю, — смиренно отозвалась я и опустила взгляд к носкам туфель.

Ее слова не стали для меня сюрпризом. Я поняла все сразу же. Еще до того, как Шерали попросила задержаться.

— Я думаю, что не до конца, — упрямо возникла женщина и неодобрительно скрестила руки на груди.

Я поджала губы, предчувствуя неприятную беседу.

— Эти занятия могут продлить вам жизнь. И вы ошибаетесь, если думаете иначе.

Прикусила язык, чтобы не спорить с преподавательницей. Да, я думаю совсем иначе и считаю, что жизнь мне спасет поиск противоядия, а не глупые иллюзии под монотонную речь. Но это не то, что госпожа Шерали сейчас желает услышать.

— Я прекрасно видела, что на моем занятии, вы витали в облаках и даже не пытались сосредоточиться. Потому и камень ваш не просто не посветлел, а наоборот — в нем сгустилась Тьма.

Я стыдливо промолчала, а в ушах зашумело от крови, прилившей к лицу.

— Не знаю, о чем вы там думали, госпожа Навье, но, повторюсь, разрешение выписать вам не могу. Думаю, вы и сами понимаете...

— Конечно.

— ... что несете в себе опасность.

Слова прозвучали приговором. Пригвоздили сердце к ребрам острыми шипами. От них похолодела кровь.

В тоне декана не было ни капли злобы или обиды за мою прошлую дерзость. Госпожа Шерали говорила фактами, и я не могла винить ее за эти упреки. Потому что знала, она права.

— Когда я увижу прогресс в ваших занятиях, то обязательно дам допуск, — заверила она, чуть смягчившись. — Но пока... Вам придется ограничиться лишь корпусом темератов и грядущим балом.

— Бал, — эхом повторила я и едва не хлопнула себя по лбу. Я и думать забыла об этой традиции Академии, которая открывает учебный год.

— Разумеется, — поразила моей реакции госпожа Шерали. — Странно, что вы забыли о нем. Для бывших охотников бал играет особую роль.

Я нахмурилась, дав понять, что совершенно не горю желанием появляться на мероприятии.

Преподавательница самопознания тяжело вздохнула и качнула головой. Ее волосы заиграли серебром седины, спрятанной редкими нитями среди черных локонов, которые женщина собрала в высокую прическу.

— На балу вас определяют в пару к охотнику, которому вы поможете пройти практику. А он вам — сдержать Тьму, — повторила всем известную истину Шерали. — Там вы, госпожа Навье, быть обязаны, и отсутствие допуска не имеет значения. На торжественном вечере будет достаточно охотников, что бы уследить за одной непокорной темератой...

Я раздосадовано прикусила губу и медленно набрала полную грудь воздуха. Избежать зачисления на факультет темератов не удалось. Что — то подсказывало, что и связке с охотником даже противиться не стоит. Бесполезно.

— Выбирайтесь из своей тоски, Аста, и оглянитесь вокруг. Может, вы и были одной из лучших среди охотников, но здесь, увы, все не так. У вас острый ум, вы целеустремленны, и это те качества, что ценят в охотниках. Однако сейчас вы темерата, и чтобы выжить, нужны смирение и покорность.

Ее жесткий взгляд и честные слова стали вызовом, который я не могла открыто отклонить. Медленно кивнула и сухо уронила:

— Я постараюсь.

Но в мыслях продолжало крутиться другое.

Я не верю, что спастись можно, послушно вжавшись в раковину. Не верю, что выход в повиновении.

Поэтому буду бороться. По-своему. Пока бьется сердце.

ГЛАВА 7

Первая неделя учебы тянулась вяло и скучно. По сравнению с динамичными занятиями охотников, пока что размеренная жизнь темераты нагоняла тоску, а нарастающая тревога точила изнутри.

Я ожидала хоть каких-то знаний, которые действительно помогут выжить. А на деле получила ежедневные пары с госпожой Шерали и ее медитациями, да повторение того, что уже знала.

Рунология и простейшие пентаграммы, монстрология, яды и antidоты, основы защитной магии... Все это я усвоила за три года обучения на охотника, и новой информации катастрофически не хватало.

Даже быть главной зазнайкой группы при таком раскладе — никакого удовольствия. Я выигрываю всухую, не прикладывая усилий. Все, что нам дают на парах, уже давно заложено в моей голове и отлетает от зубов.

Ясное дело, что по — иному учебный план составлен быть не может. В конце концов, в группе есть ребята вроде Эйлин — те, кто до всего этого кошмара охотником не был и ничего не знает ни о защитной и боевой магии, ни о духах и демонах, ни даже о Тьме.

Делить нас на разные группы почему — то не собирались, хотя уже после бала, что состоится на этих выходных, наш нестройный коллектив окончательно распадется. Бывшие охотники, такие, как я, попадут в связку. Нам придется, хотим мы или нет, горбатиться ради чужих оценок за практику. Взамен же темератам сулят шанс в союзе найти исцеление.

Бред.

Если у кого и есть шанс продвинуться в поисках противоядия, так это у Эйлин и других ребят, кто с изгнанием в прошлом не связан.

Академия не может пустить на заказы, буквально являющиеся полем боя, неподготовленных темератов. Поэтому программа этих счастливчиков строится на общих теоретических занятиях и пусть и ежедневных, но непродолжительных тренировках.

Не уверена, что кто — то из темератов выживает тот год, за который Академия ручается подготовить их к выходу в бой в связке с охотником. Но у таких студентов точно куда больше времени и возможностей найти заветную разгадку: порыться в книгах, поселиться в библиотеках и лабораториях.

Будь у меня такой шанс, использовала бы его сполна. Но вместо этого придется бежать по первому зову боевого товарища и прислуживать ему, пока не паду жертвой собственного темного яда, сочащегося из сердца.

Уж не знаю, с кем повезет провести эти «чудесные» деньки в роли цепного пса. Это выяснится совсем скоро, на балу, где и произойдет распределение связанных пар. Однако... уже сейчас не питаю теплых чувств к тому охотнику, что отнимет и присвоит себе самое ценное, что у меня есть. Время.

Но до бала я не теряла ни одной свободной секунды, пока они у меня были. В учебное время старалась почаще заводить разговоры с одноклассниками, что бы ненавязчиво выяснить, как им случилось стать темератами. Однако пункт допроса в моем воображаемом плане оказался не таким простым, как думалось.

Никто особо не горел желанием вновь возвращаться в события, сломавшие жизнь. Даже мысленно.

Мои попытки докопаться до правды обычно вознаграждались недовольными взглядами. Некоторые даже упрекали за склонность к мрачным чувствам, обвиняли, что эти расспросы навязаны Тьмой. Я старалась не кривить лица, но никогда не оправдывалась.

Сказать, что пытаюсь найти правду? Ее все здесь ищут.

Однако большинство темератов все-таки делились со мной своими самыми ненавистными воспоминаниями. Тогда их камни в артефактах заметно темнели, голос становился тише, а взгляд холоднее.

Через пару дней таких допросов обо мне уже пополз не самый лестный слух, а опрошенных, как и нежелающих говорить, становилось все больше. Но меня ужимки ребят с факультета уже мало заботили.

Я узнала достаточно и смогла сделать самый простой и очевидный вывод: никто из темератов, кроме меня, не видел чистую Тьму. Все они стали жертвой темных заклятий обезумевших,

потерявших рассудок и человечность инфектов.

Передо мной выросла развилка: исследовать общую практику или действовать, основываясь на собственном опыте? И я эгоистично выбрала тот путь, что был ближе мне, а не большинству оскверненных.

Постоянно торчала в библиотеке темератов, единственной, куда у меня был доступ. Она оказалась значительно меньше главной, расположенной в корпусе охотников, но я не упускала надежды даже здесь найти крупницы полезной информации.

Я искала книги по рунологии и защитной магии, чтобы найти ответ на давно мучающий вопрос. Как мое заклинание, усиленное кровью, могло дать трещину? Вариант ошибки в заклятье даже не рассматривала — уверена, что все было начертано верно. А потому отчаянно зарывалась в книги, изучала, как могла быстро, смежные темы. Например, отражение и блокировку заклинаний, магию крови, поглощающие энергию артефакты...

Только все это было не то.

— Реферат? — Эйлин заглянула в мои записи, сделанные в библиотеке.

Я не расставалась с этой стопкой исписанных листочков, постоянно таскала ее с собой, надеясь на какое-то озарение. Однако оно, конечно же, приходило не спешило.

— Просто конспект, — растянула губы в подобии улыбки и спрятала плоды бесполезных исследований под учебник.

Не нужно Эйлин знать о моих метаниях. Она верит в исцеление, надежда для нее — воздух, без которого девушка быстро захлебнется ядом тоски.

Эйлин доверчиво кивнула и снова устремила взгляд к кафедре, за который уже знакомый мне артефактор, профессор Фармон, рассказывал об амнезисах силы:

— Этот артефакт способен стирать магический след, — старик поднял заклинанием небольшой предмет, напоминающий вазу или горшок, и пролевитировал его по рядам студентов.

Мимо нас с Эйлин проплыл зачарованный сосуд, который внешне казался абсолютно обыкновенным. Почти все артефакты выглядят крайне непримечательно, но огромная их часть стоит баснословных денег. Эти простые на вид вещи таят в себе огромный магический потенциал.

— Амнезис накапливает в себе остаточную магию владельца, которая может иметь отпечаток чародея, применившего любые чары. Достаточно оставить артефакт там, где нужно «прибраться», и энергия, вместо того, чтобы сформироваться в след, стянется в этот сосуд.

Эйлин задумчиво поджала губы, потеряла подбородок и сделала заметку в своих записях. Я же наблюдала, как пузатый горшочек продолжает плыть меж студентов.

— Профессор Фармон, — моя одноклассница, имя которой пока не удосужилась запомнить, подняла руку. Когда преподаватель подбадривающе кивнул, девушка встала из-за парты и спросила, — но разве найденный амнезис не станет самой главной уликой? Ведь если его вскроют...

— Ничего не обнаружат, — закончил старик в унисон моим мыслям, а затем добавил, — амнезис обезличивает магию. И к тому же, выполнив свою миссию, он разрушается.

Профессор быстро призвал артефакт обратно к себе и наполнил его магией. Когда преподаватель закончил, сосуд обратился в горку пыли. По аудитории прокатились удивленные охи, а у меня свело скулы от такой расточительности. Уверена, эта штучка не из дешевых!

Оставшуюся часть занятия профессор Фармон, полностью завладевший вниманием студентов, рассказывал о базовых артефактах. Усилители магической энергии целиком заняли вторую половину пары, которую я просидела на иголках.

Опять не давали покоя слова отца о моем собственном артефакте. Точнее, что он таковым не является.

До самого звона колокола, говорящего о конце занятия, сжимала свой кулон в кулак. То ли чтобы спрятать от чужих глаз и защитить, то ли чтобы укрепить веру — отец ошибся. Я даже хотела окончательно развеять сомнения, подойти с вопросом к профессору Фармону и показать кулон-наконечник. Тем более наш артефактор — один из самых доброжелательных и приятных людей среди прочих преподавателей.

Я почти решилась, но в самый последний момент, уже подходя к кафедре, резко потупила взор и зашагала в сторону двери.

— Я тоже нервничаю, — заметила мое состояние Эйлин и мягко улыбнулась.

Черный форменный ураган студентов неся мимо, стекаясь в единый мощный поток. Температуры темной рекой заполнили лестницы и коридоры, а у меня от этого зрелища по хребту пробежали иголки.

Как же нас много... Ужасно много.

— Не нервничай, — наставительно произнесла я единственное, что пришло в голову, забитую совершенно иными мыслями.

Но вместо того, что бы обидеться, Эйлин прыснула от смеха:

— У тебя талант успокаивать людей.

Я развела руками и виновато потерла затылок:

— Извини. Просто до сих пор не могу поверить, что профессор Фармон уничтожил тот артефакт, — соврала тут же и покачала головой, прикидывая, сколько золота педагог пустил на ветер всего за одно занятие. — Это же огромные деньги!

— Зато мы точно запомним его предмет!

Я ухмыльнулась такому заверению, но все же согласилась с соседкой. Но стоило нам умолкнуть, Эйлин быстро сникла, а на лестничном пролете и вовсе замерла в раздумьях.

— Что такое? — я осторожно коснулась ее локтя и чуть отвела в сторону.

Болезненный укол совести растекся жаром по телу, а мысли стыдливо забурлили. Эйлин ведь еще у кабинета поделилась, что ее что — то беспокоит! А я эгоистично проигнорировала ее слова и в очередной раз замкнулась.

— Ты будешь смеяться, — неловко начала она и коснулась тонкими пальцами камушка на подвеске. Прежде чем Эйлин зажала его в ладони, я успела заметить, что артефакт стал темно-розовым.

Для меня такой цвет камня — предел мечтаний. Для Эйлин же — что — то из ряда вон.

Молчание подруги, а именно таковой я уже считала Эйлин, угнетало. Она мялась, кусала губы и стыдливо прикрывала лицо, вжимаясь в тень портьеры, за которую я ее затащила, чтобы не приковывать внимание других учеников. Каждую секунду, что Эйлин пыталась подобрать слова, мне становилось все страшнее.

— В общем, — наконец, вымолвила она, когда нагнетать тревогу было уже некуда, — я волнуюсь из-за бала.

Волна облегчения рухнула на меня с такой силой, что я чуть не свалилась с ног. Шумно выдохнула, прогнав по сухим губам прохладный воздух, и приложила руку к груди, в которой бешено колотилось сердце.

— Я думала, случилось что — то страшное! — с ноткой осуждения выпалила я и прислонилась плечом к стене. — У тебя даже камень потемнел, ты в курсе?

Эйлин виновато пожала узкими плечиками и покачала головой:

— Я сама себя осуждаю, Аста. Вокруг творится такое, — она тут же прикусила губу и горько прикрыла глаза. Однако подруга быстро взяла себя в руки и закончила, — а я думаю о танцах.

— Что? — я не поверила ушам.

Эйлин уставилась на меня страшными глазами и развела руками:

— Я тоже не в восторге, — смущенно уронила она и сникла. Ссутулилась в крючок, обхватила себя тонкими веточками рук. Даже веснушки на ее лице, казалось, стали бледнее.

— А я собиралась уже успокаивать, — нервно хохотнула я. — Тебя-то в связку не поставят, переживать не о чем. Бал ничего не поменяет в твоей жизни.

— Ошибаешься! — простионала Эйлин, и мне даже почудилось, что она хлюпнула носом.

Я удивленно уставилась на подругу во все глаза, ожидая пояснений.

— Аста, что, если лекарства нет? Что, если нам осталось жить не больше нескольких Лун? — тоска и скорбь по самой себе просочились в ее голос хрипотцой. Эйлин говорила шепотом, но слова звучали

оглушительно громко.

Слышать такое от нее было страшно. И ужасно больно.

— Выход есть всегда, — заговорила я ее же словами. — К тому же ты хорошо держишься. У тебя отличный самоконтроль. О том, что ты темерата, напоминают лишь глаза. У тебя нет ни приступов, ни кошмаров... Кто знает, может, и так можно жить долго и счастливо?

Мы с Эйлин будто поменялись ролями. Обычно я впадаю в уныние, а она всеми силами вытаскивает меня из него. Но сейчас грусть топила ее с головой, а во взгляде сквозил туман мрачных мыслей.

— А если нет? — снова уронила она и, немного помолчав, призналась. — Я хочу влюбиться. Хочу понять, каково это — греться чувствами, трепетать от прикосновений и таять от взглядов. Хочу посвятить кому-то часть своей души, пока у меня есть на нее права. Пока я не стала монстром. Одержимым, не помнящим себя.

С каждым словом она говорила все громче, дрожала заметнее и все меньше контролировала чувства. Я впервые увидела Тьму, сгущающуюся вокруг Эйлин. Скверна тенями окутывала тело, кандалами вилась у запястий, разрасталась вуалью ночи.

— Ты исцелишься. Все будет хорошо, — не особо искренне попыталась успокоить я, но Эйлин убито покачала головой.

— А если нет? Если эта Академия — последний шанс на человеческие чувства? И этот бал...

— Тогда нам нужно подобрать тебе просто сногшибательное платье! Парни будут выстраиваться в очередь, лишь бы потанцевать с тобой, — ляпнула я первое, что пришло в голову, лишь бы оборвать ужасающую цепочку мыслей подруги. Она тут же умолкла и внимательно уставилась на меня.

Пути Тьмы вокруг Эйлин никуда не исчезли, но они вдруг перестали расти и будто онемели. Я позволила себе облегченно выдохнуть, но подруга отозвалась замогильным голосом:

— У меня нет денег. А бал уже завтра и...

— У меня есть, — честно заверила я, а в ответ получила удивленный немигающий взгляд. — Сегодня в большой зал как раз приехали модисты. Можно примерить и купить, если что — то понравится.

— Мне как-то неловко, — Эйлин захлопала пушистыми ресницами и смущенно отвернулась.

Я с радостью заметила, что подруга все-таки отвлеклась. Тьма рассеялась, а кулон принял прежний вид. В камне клубился светло-розовый дым.

— Не переживай. С меня не убудет.

Эйлин все еще ломалась, и тогда я сказала:

— Если тебе будет спокойнее, могу и себе тоже что-нибудь прикупить... Не очень люблю всю эту тряпочную ерунду, но...

— Спасибо, Аста, — Эйлин так неожиданно кинулась на меня с объятьями, что я едва удержалась на ногах. — Спасибо!

Эйлин порывисто стиснула меня в своих хиленьких ручках, а мне стало невыносимо обидно за нее. Она такая добрая, светлая, чистая... И не заслуживает носить на себе метку Тьмы. Не заслуживает такой жизни.

Она должна была стать мастером зелий, выйти замуж и жить в свое удовольствие. Строить карьеру, воспитывать детей...

Но вместо этого ей приходится считать последние человеческие дни и искренне мечтать узнать, что такое любовь.

Сердце в груди болезненно сжалось, а я, сбросив, наконец, оцепенение, тоже обняла Эйлин.

Пусть пока я могу не так много, но хотя бы попытаюсь наполнить жизнь этой девушки яркими красками. И, может, тогда Тьма хотя бы ненадолго рассеется.

ГЛАВА 8

— Ты волнуешься?

— Не знаю. Наверное, нет.

— Везет, — хихикнула Эйлин и в очередной раз поправила прическу.

Мы стояли в небольшой комнатке перед входом в парадный зал. Помещение предназначалось для того, что бы перед тем, как появиться на публике, сделать последние штрихи в своем образе. Две стены полностью были заняты зеркалами от пола до потолка. У двух других стояли диванчики с по-кошачьи изогнутыми спинками, а по углам ютились канделябры с незажженными декоративными свечами. Освещалась комнатка, как обычно, магическими сферами, что золотыми рыбками плавали под потолком. Из-за их движения тени то прятались, то нерешительно вытягивались из своих убежищ.

Я взволновано взглянула на Эйлин, что беспрестанно выискивала недостатки в своем внешнем виде. Она то поправляла мягкие локоны, то щипала себя за щеки, что бы вызвать румянец, то оцепенело вглядывалась в свое отражение и нервно кусала уже чуть припухшие губы.

— Ты выглядишь прекрасно, — я мягко улыбнулась и мы тут же встретились взглядами в зеркале.

Эйлин благодарно кивнула и расцепила кольцо рук, в которое сама себя спрятала. Я понимала ее волнение, но как унять его не знала.

— Спасибо, — тихо уронила Эйлин, и я догадалась, что благодарит она не только за комплимент.

Платье, что я вчера помогла ей купить, выглядело на Эйлин так, будто шилось специально для нее. Цвета чистого, хрустального льда, оно идеально легло на худенькую фигуру, очертило хрупкие плечи и талию, а юбка со шлейфом блестящим водопадом заструилась по бедрам. Эйлин в нем была похожа на сказочную фею.

Я улыбнулась, глядя на нее. Мне ничего не стоило помочь подруге купить понравившийся наряд. Конечно, Эйлин противилась, отнекивалась, до последнего стыдилась принимать денежную поддержку. Все мои убеждения, что на счету имею достаточно средств, не работали, пока не исполнила обещание и не выбрала платье и себе.

Мой наряд разительно отличался от того, что предпочла себе Эйлин. Если платье подруги было легким и воздушным, то мое куда больше подходило под суровый и мрачный дух Академии.

Я не изменила предпочтениям и из всей радужной гаммы предложенных модистами нарядов выбрала черное. Платье узко обхватывало бедра и спускалось до самых щиколоток. В противовес строгой юбке — открытая спина и треугольный вырез декольте, украшенный множеством вязок и ремней, переплетных над ложбинкой груди. Такой верх идеально сочетался с моими артефактами — узкой бархоткой, пояском обхватывающей шею, и кулоном-наконечником.

В отличие от Эйлин, я не стала убиваться над прической. Собрала высокий хвост и туго перехватила его черной лентой. Чуть подкрасила глаза, ярко обвела губы красной помадой, и мой элегантный, несколько пикантный образ готов.

Мы с Эйлин смотрелись полными противоположностями друг друга. Она — нежная и сверкающая. Я — мрачная и строгая. Но и ожидания от балла у нас совершенно разные. Эйлин искала романтическое приключение, а я ждала объявления связанных пар, что станет мне приговором до конца дней.

Я мотнула головой, отгоняя гнетущие мысли. Пообещала же себе — сегодня никаких терзаний и кислых мин. Конечно, и детского восторга, как у Эйлин, даже изобразить не получится, но нужно хотя бы попытаться дать себе передышку от яда уныния.

— Пойдем? — предложила я подруге и кивнула на узорчатую дверь, за которой вовсю гремела музыка. Праздник начался не так давно, но парадный зал уже ломился от гостей со всей Академии.

В честь церемонии даже «погасили» защитные руны, что бы темераты тоже смогли посетить торжество. Одно из последних в своей жизни...

Я до боли прикусила губу, слепо глядя на Эйлин, что в очередной раз поправляла макияж. Устало прикрыла глаза и тяжело вздохнула.

Да что же такое? Почему так тяжело бороться... с собой?

— Все должно быть превосходно, — донесся до меня голос Эйлин. — Я обязана предстать перед

своей судьбой совершенно безупречной!

Я грустно улыбнулась и покачала головой. Снова распахнула веки, но увидела в отражении уже не только нас с Эйлин...

— Аста Навье? Я думал, что обознался!

Не веря собственным глазам, я таращилась в зеркало на высокого темноволосого парня, что стоял за моей спиной. Глупо хлопала ресницами и безмолвно, как рыба, открывала и закрывала рот.

— Фрай! Вот это сюрприз!

Я резко обернулась, чтобы скорее встретиться глазами с человеком, а не его отражением. До последнего надеялась, что ошиблась. И в то же время боялась, что парень исчезнет, едва отвернусь от зеркала.

Но мой старый товарищ никуда не пропал. Он стоял прямо передо мной и широко улыбался. От этой до боли знакомой улыбки во мне забурлила опасная смесь радости и сожаления. Всегда приятно видеть друзей. Но мало хорошего в том, что бы вместе находиться в одной лодке, обреченной рано или поздно разбиться о камни.

— Летнее зачисление? — спросил Фрай, глядя на меня безупречно черными, как и у всех темератов, глазами.

От его взгляда, пронизанного Тьмой, мне стало не по себе. Я съежилась и уронила глаза к носкам его туфель, начищенных до блеска.

— Нет, осеннее, — отозвалась хмуро. — Занятия только неделю идут.

— И как тебе? — Фрай усмехнулся, а на его щеках залегли ямочки.

Я бросила взгляд на небольшую компанию темератов, что, не задерживаясь, быстро прошла в торжественный зал. Покрутила головой и, убедившись, что никого, кроме нас, в комнате нет, сказала:

— Не в восторге. Я привыкла к другой учебе, пока была дитурбьентом.

— Чего?! — Эйлин высунулась из-за плеча Фрая с недовольно надутыми губками. Она обиженно смотрела на меня, возмущенно хлопая ресницами.

— Дитурбьенты — это будущие охотники, — недогадливо разъяснила я, чем лишь усугубила ситуацию.

— Я знаю! — простонала Эйлин и шагнула мне навстречу. — Просто я не понимаю, на что ты жалуешься? Эти занятия помогают обрести контроль, понять себя и сдерживать Тьму!

Я устало потерла переносицу, а Фрай вознаграждал мою подругу удивленным и, как мне показалось, восторженным взглядом:

— Вот это настрой! — хвалебно протянул он, заворожено разглядывая мою соседку.

Эйлин заметила его одобрение и гордо вздернула носик. Однако следующие слова Фрая пригвоздили ее полным недоумением:

— Мне бы такой! А то тоже, как Аста, на парах плюю от скуки в потолок.

— Да что же такое, — буркнула Эйлин и всплеснула руками. — Никакой ответственности!

— Это Эйлин, моя соседка, — смеясь, представила я. — Эйлин, это Фрай. Он учился на два курса старше меня.

Фрай неловко помахал ладонью, а Эйлин несколько смущенно кивнула. Они оба замялись, и их растерянность очень скоро начала передаваться и мне.

— Может, если все готовы, пойдем? — вновь кивнула на дверь, ведущую в торжественный зал. На этот раз возражений не последовало, и мы втроем двинулись на церемонию.

За дверью нас встретили шумная музыка приглашенного оркестра, блеск девичьих нарядов и сияние магических шаров, что танцевали под потолком переливающимися пузырями. Они то опускались, почти касаясь собравшейся публики, то вновь взмывали под свод потолка.

— Не пугайся, если я вдруг куда-то отойду, — шепнула мне на ухо Эйлин и заговорщически

подмигнула.

Я выглянула через ее плечо и сразу же заметила ребят с нашей группы. Пара девушек болтала у черного прямоугольника окна, а парни уплетали закуски, явно поглядывая на нас с Эйлин.

— Так и говори, что пошла крошить сердца, — усмехнулась я и искренне пожелала подруге удачи.

Она дружески хлопнула меня по плечу и тут же упорхнула к ребятам. Как раз тогда, когда заиграла медленная музыка...

— Потанцуем? — Фрай галантно поклонился мне, хотя этикет не требовал подобных действий. Да и вообще у охотников с манерами особые отношения, на грани отсутствия.

Я оглянулась, убедилась, что Эйлин тоже нашла пару для танца, и лишь тогда согласилась:

— Почему бы нет?

Фрай поймал мою ладонь и вывел к центру зала, где кружились другие студенты. Я с грустью заметила, что охотники всегда танцуют исключительно с охотниками, а темераты — с такими же оскверненными. А ведь хотелось бы хотя бы на балу почувствовать себя обычным, нормальным человеком!

— Что ж, — Фрай склонился к моему уху, что бы могла слышать его голос из-за музыки, и выдохнул, — я так и знал, что это ты.

Я чуть отстранилась и вопросительно заломила бровь, вскинув взгляд к лицу парня. В центре зала танцевало достаточно пар, и было тесновато. Однако я держала дистанцию между собой и Фраем, стараясь не прижиматься к нему всем телом.

— О чем ты говоришь? — озвучила вопрос, когда парень промолчал.

— О слухе, который до меня дошел, — последовал ответ. — Будто к темератам зачислили бывшую охотницу, и она устроила допрос среди студентов. Я сразу подумал о тебе!

Я глухо засмеялась, чуть откинув голову. Осторожно посмотрела на Фрая сквозь спутанные ресницы. Отчего — то не хотелось встречаться с ним взглядами открыто, но я искренне желала разглядеть его лицо, освежить в памяти знакомые черты.

Мы виделись в последний раз, кажется, около года назад. С тех пор Фрай обзавелся несколькими проколами в хряще левого уха и получил метку Тьмы, что мраком затопила глаза. В остальном парень остался прежним: тот же короткий ершик темных волос, та же кривая улыбка и привычка, улыбаясь, закусывать губу.

Он резко прокрутил меня вокруг своей оси, когда все пары в унисон повторили это движение. От неожиданности чуть не потеряла равновесие, но тут же оказалась прижата к груди бывшего охотника.

— Не умею танцевать, — виновато призналась я и ойкнула, когда Фрай крепко сжал мою талию и на мгновение приподнял над полом.

— Тогда просто расслабься и доверься мне. Можешь даже спросить...

— О чем? — тут же вспыхнула, а в памяти воскресли старые воспоминания. На первых курсах я была без ума от Фрая и постоянно пыталась привлечь его внимание, блистая на общих тренировках.

Так продолжалось два года, пока он не закончил Академию. Мои чувства быстро остыли, и я с головой ушла в занятия.

Так неужели он знал обо всем, а теперь просит признаться в старой симпатии?

— Спроси о том, о чем спрашивала всех темератов, с которыми успела поговорить, — с улыбкой пояснил Фрай, а я смущенно опустила глаза к полу, на котором мешались тени и цветные блики.

Вот так и обещай себе не портить вечер мрачными мыслями и таинственными расследованиями...

— Я задаю всем один и тот же вопрос. И вряд ли он тебе понравится.

Фрай вновь прокрутил меня в танце и осторожно поймал обратно в кольцо сильных рук. Даже под рубашкой мои пальцы ощущали, как перекачиваются под тканью мышцы.

— Спрашивай, — настоял он, а я тяжело вздохнула.

— Как ты стал темератом?

Музыка словно специально затихла. Пары поклонились друг другу, поблагодарив за танец, и я нелепо повторила этот жест. Знаю ведь правила! Но от волнения их будто напрочь вышибло из головы.

Заиграла следующая мелодия, бодрая и резвая. К центру зала, где на полу мозаикой был выложен узорный рисунок, стеклись новые желающие потанцевать. Фрай же потянул меня за запястье, увлекая в сторону.

— Поболтаем? — он приподнял бровь и повел за собой через толпу.

Спасибо приглушенному свету и полному залу — на нас никто не обращал внимания. У всех были свои дела: сплетни, фуршет, танцы... Преподаватели беседовали между собой, собравшись у небольшого возвышения в дальнем конце просторного помещения. Наверняка скоро начнется официальная часть вечера — распределение.

Я ускорила шаг и сама повела Фрая к портьеру, за которой можно было спрятаться от чужих глаз. В конце концов, предстоит не самая приятная беседа, и наши потемневшие камни и вьющаяся вокруг Тьма могут вызвать кучу ненужных вопросов. Так что лучше уединиться. Хотя бы так.

— Молодой человек не желает выпить?

Передо мной резко вырос парень в форменной одежде прислуги. Я чуть не снесла его с ног, но остановилась в самый последний момент. А вот Фрай, глядевший по сторонам, сильно налетел на меня сзади. От падения спасло лишь то, что темерат крепко поймал меня за талию и прижал к себе.

— Напиток для молодого господина! — снова протараторил настырный официант, и подносы с наполненной угощениями посудой прытко закружились вокруг прилизанной головы прислуги.

Один из железных дисков пролетел прямо перед моим лицом, чуть не задев щеку. Я резко втянула носом воздух, уже готовясь дать от ворот поворот, но Фрай опередил меня:

— Спасибо! — вопреки всем моим ожиданиям, он снял бокал с подноса, что завис прямо возле его ладони. — Обожаю этот напиток. Откуда вы только узнали?

Столько восторга звенело в его голосе, что мне невольно стало совестно. Не так много вещей доставляет темератам радость. Даже если кто-то из нас хочет казаться сдержанным и веселым, в глубине души его все равно гложут страхи.

Я сама страдаю от темных чувств и как никто знаю, как важны добрые и светлые эмоции. Только что мне их приносит? Пока не знаю. Но если для Фрая кусочек счастья прячется в его любимой еде и напитках, я не посмею их отнимать.

— Что-нибудь для госпожи? — поинтересовался паренек, и подносы заплясали уже передо мной. Но я только слабо качнула головой и сдержанно поблагодарила.

— Зря ты так. Очень вкусно, — заверил Фрай, но я лишь пожала плечами.

— Пойдем.

Снова зашагала через толпу, уверенно держа курс к портьеру. Фрай следовал за мной, не опуская от губ бокал. Когда мы добрались до назначенного места, в чаше не осталось ни капли.

— Быстро ты, — я скрестила руки на груди и чуть склонила голову, глядя на опустевший бокал.

Фрай же молча поставил его на ближайший столик с закусками и, коснувшись моих голых плеч, буквально втолкнул за штору. От неожиданности я шумно вздохнула. Боялась удариться о стену или, того хуже, упасть. Но Фрай подложил под мой затылок ладонь, а вторую опустил на поясницу. Поэтому, когда моя открытая в вырезе спина коснулась стены, я вздрогнула больше от неожиданной близости, чем от холода камня.

— Ты что делаешь? — удивилась я и стряхнула с себя его руки.

— Тут тесно, — выдохнул в мою макушку Фрай, и мне вдруг стало горячо.

Он действительно не врал. Обычно за портьерами прятались целые комнаты, где помещались кресло и столик. Сейчас же здесь было едва ли достаточно места, чтобы отодвинуть парня на расстояние вытянутой руки.

Но это не объясняло того, как резко Фрай втолкнул меня сюда.

— В такой атмосфере говорить очень тяжело, — сглотнула я и отодвинулась, насколько это было возможно.

Сердце в груди колотилось как сумасшедшее. Неужели Фрай узнал о моих былых чувствах к нему? Только вот то было давно, и сейчас я к нему испытываю лишь товарищескую симпатию. И до начала танцев мне казалось, что и Фрай ко мне не питает ничего большего.

Однако сейчас даже в полумраке было видно, с каким неприкрытым желанием он смотрит на меня. Губы чуть приоткрылись в тяжелом дыхании, глаза, черные и жуткие, блестели от чувств, бушующих в груди. Мышцы под темной рубашкой напряглись, и Фрай чуть ослабил платок, затянутый на шее.

— Ты меня пугаешь, — честно сказала я, хотя могла свободно уйти.

От других людей нас отделяла лишь штора, и я в любой момент вольна сбежать. Однако мне нужна информация, которая есть у Фрая. Да, он ведет себя странно. Но уверена, ему просто ударил в голову напиток, подсунутый прислужгой. Только что он выпил? Сок? Вино? Пунш?

— Если ты плохо себя чувствуешь, можем поговорить позже, — попыталась отложить беседу, но парень помотал головой и вытер со лба выступивший пот.

— Нет, все нормально. Просто голова закружилась. Наверное, здесь душно.

Я прищурилась, вглядываясь в глаза Фрая. Однако ничто не выдало в его словах ложь, а Тьма не раскинула свои щупальца.

— Что ты выпил, Фрай? — воинственно скрестила руки на груди и вознаградила его ледяным взглядом.

Не хватало еще, чтобы он опьянел в самый неподходящий момент. Ладно, к демонам наш разговор. Мы можем побеседовать и в другой день. А вот церемонию отложить не удастся.

— Пунш. Просто пунш, — покачнувшись, ответил бывший охотник, а я вжалась в стену.

Фрай привалился сверху и буквально поплыл вниз. Мне пришлось ловить его под руки, наплевав на обещание самой себе не липнуть к парню, в которого раньше была влюблена. Однако ситуация вышла из-под контроля...

— Черт, Фрай! Тебе что — то подмешали?

Он пробурчал нечто невнятное мне в шею и сильнее придавил своим весом к стене. Ноги парня почти не держали, а поднять его без применения магии для меня было задачей почти непосильной. В конце концов, он на две головы выше и в два раза шире. Целая груда мышц, под которой я рисковала провести остаток вечера, если любовь моей юности вдруг не придет в себя.

Применять магию сейчас — не лучший выбор. Сомневаюсь, что в такой эмоциональной ситуации и, к тому же, под воздействием бурлящей внутри Тьмы, смогу сконцентрироваться достаточно, чтобы лишь придержать Фрая на ногах, а не оттолкнуть к противоположной стене.

Мало того, что факт нашего с Фраем уединения ни для кого не останется тайной, так еще и все гости вечера, преподаватели и стражи-охотники решат, будто я затеяла драку.

— Аста, — горячо шепнул он между приступами явного бреда, и я удрученно вздохнула.

Еще год назад я даже в самом смелом сне не могла представить подобную сцену. Фрай обнимает меня, прижимая к стене, гладит горячими ладонями по голой спине и как в бреду повторяет мое имя...

Только вот он и есть в бреду. Я больше ни капли не сомневалась, что в том бокале что-то было. Кто — то, видимо, решил подшутить над температурой или...

Или кто-то пытался его огородить? Защитить от церемонии связи с охотником?

Вселенная будто читала мои мысли и насмеялась надо мной. Стоило лишь подумать о центральном событии вечера, как общего внимания затребовал протяжный и низкий стон духовых.

— Фрай, нам надо идти, — попыталась привести его в чувства и осторожно выглянула за штору.

Разговоры в зале стихли, а все взгляды были устремлены к возвышению в конце зала. Небольшой островок сцены купался в свете, а в самом центре сияющего ореола ждал мой отец.

— Ректор уже там, — вновь зывала к Фраю, — потерпи немного. Нужно лишь переждать

церемонию. Сможешь?

Фрай расхлябанно кивнул, ударившись лбом о мое плечо. Однако прогресс в его состоянии все-таки был. Парень сам выпрямился и поплелся за мной, когда придержала для него штору.

— Приветствую в этот торжественный вечер всех студентов Академии Изгнания! — голос отца, усиленный магией, эхом прокатился по залу.

Все смиренно замерли, внимая словам ректора, а я воспользовалась этими мгновениями, чтобы незаметно смешаться с толпой. Кажется, никто не видел, как мы с Фраем выходили из-за портьеры. Но зато точно от очень многих не укрылось, как парень приобнял меня за талию. Однако, кроме нас двоих, никто и подумать не мог, что это не проявление теплых чувств или романтический жест, а просто необходимость, чтобы удержаться на ногах.

— Извини, — хриплый шепот коснулся моего виска, в который Фрай тут же уткнулся носом. — Я побуду с тобой?

«...чтобы не свалиться», — закончила мысленно, но все же коротко кивнула.

Хотя не удивлюсь, если, несмотря на мою поддержку, Фрай все равно где-нибудь рухнет. Почему-то я уверена — состояние бывшего охотника дело рук тайного доброжелателя. Ведь если Фрай потеряет сознание, ему придется с торжества отправиться прямиком в лазарет, а не на ритуал связи.

Может, кто-то хочет помочь Фраю избежать участи прислужника? Я почти не сомневаюсь, что темератов гораздо больше, чем охотников, вступающих на практику в этом году.

В конце концов, число будущих охотников на курсе статично и может меняться лишь в меньшую сторону. Зато темератов прибавляется постоянно. Наши курсы начинаются каждые две Луны, а не раз в год. И даже не считая оскверненных из других академий, неудавшихся охотников все равно очень много.

Тем более претендовать на место в связке могут не только «летние» темераты, но и все остальные, что не успели на прошлую церемонию. То есть те, кто провел в Академии меньше года. А таких их как немало...

Так вдруг кто-то попытался дать Фраю шанс избежать нелепого контракта? Или что ещё интереснее... на самом деле, его бокал предназначался мне?

Я не отрывала глаз от отца, читающего на сцене речь, которую слышала не единожды. Слова о силе взаимопомощи, о надежде и узах дружбы. О том, что в союзе можно найти не только опыт, но и исцеление.

Слушала, но смысл проплывал мимо, пока я придумывала все новые и новые версии случившегося.

Вдруг это отец попытался мне помочь?

От нелепости такой идеи хотелось смеяться, но и отпускать догадку я не спешила. Она грела сердце и внушала странное, необоснованное доверие к человеку, что все эти годы был от меня нескончаемо далек.

Однако мои детские иллюзии рухнули и застряли в горле осколками, когда отец объявил:

— А теперь попрошу темератов занять свои места!

ГЛАВА 9

После объявления ректора о начале церемонии зал быстро перестроился. Молодые охотники, которым практика лишь предстояла на следующих курсах, отступили назад, уступив место старшим товарищам и темератам. Оскверненные же разбились на два лагеря: на тех, кто до получения метки Тьмы должен был стать охотником, и тех, кто с изгнанием ранее связан не был.

Я и другие коренные ученики Академии выстроились вдоль сцены, а Эйлин и прочие темераты заняли второй ряд за нашими спинами.

Я обернулась и сразу заметила подругу, чей взгляд отражал смесь любопытства и сочувствия. Она вопросительно кивнула на Фрая, который стоял лишь благодаря мне, но я в ответ только качнула головой. Потом.

Сейчас меня знобило от урагана чувств. Все казалось нереальным, далеким сном. Я плыла сквозь толпу, тянула за собой Фрая, пропускала мимо ушей шепотки и торжественную речь ректора, что должна была воодушевлять и заставлять воспрянуть духом. Делала то, что требовалось, мыслями витая вокруг проклятого бокала, который подсунули Фраю.

— Профессор Фармон, мастер артефактов, поможет провести церемонию распределения связанных пар! — катился голос отца. Я увидела, как он взмахнул рукой, и у подножия сцены материализовалась хрустальная ваза.

— Темераты с допуском на практику должны опустить в этот сосуд свои артефакты души, — пояснил Фармон, а я крепко стиснула челюсти.

У меня такой допуск был. А вот в парк или, что важнее, в библиотеку — нет. Несправедливо!

Темераты из моего ряда по одному подходили к подножию сцены, но когда наступила очередь Фрая, я пошла вместе с ним. По толпе загулял шепот, но мне было плевать. Я помогла Фраю стянуть с запястья его браслет, затем скинула в вазу свою бархотку. Наши камни были одинакового вишневого цвета.

Уже отступая обратно в строй, заметила стальной взгляд отца и его плотно сжатые губы. Меня будто прошило молниями, а сердце подернулось морозной коркой.

— Спасибо, Аста, — слабо шепнул на ухо Фрай, и эти слова вдохнули в меня жизнь.

Быстро кивнула, крепче подхватила бывшего охотника за руку и чуть ускорила шаг, чтобы быстрее улизнуть от чужих взглядов. Но, даже снова оказавшись в общей шеренге, чувствовала, как затылок сверлят десятки глаз.

Второй ряд темератов, в котором стояла Эйлин, не тронулся с места, когда все бывшие охотники сбросили свои артефакты. Моей подруге и таким, как она, распределение не грозит. Однако и мне может улыбнуться удача — охотников последнего курса меньше, чем оскверненных. Вдруг повезет, и смогу-таки посвятить время поиску ответов, а не прислуживать ради чужих оценок?

Я держалась за эту мысль каждое мгновение, когда ректор объявлял все новые и новые имена. Охотники, мои бывшие однокурсники, по одному подходили к зачарованной вазе и слепо вытягивали случайный артефакт.

Я слушала, как Фармон убедительно говорит, будто магия сама выберет для охотника пару. Что это не просто случайность, а предназначение...

Слушала, но едва сдерживалась, чтобы не закатить глаза. Нервничала, мелко дрожала и замирала каждый раз, когда рука очередного студента ныряла в вазу. Почти все они жмурились или смотрели куда-то в потолок, будто там есть какая-то подсказка.

Мол, бери этого! Он живучей!

Когда имена в списке практикантов перевалили за половину, едва сдерживала суетливые метания. В груди будто копошился ворох насекомых, чьи крылья беспрестанно щекотали внутренности, подогревая мое нетерпение. Оно обжигало легкие, воровало дыхание и заставляло сердце холодно замирать при объявлении новой пары.

Я боялась услышать свое имя, но даже не ожидала, что испуганно встрепенусь, когда ректор объявит мою бывшую подругу.

— Вивьен Томпсон!

Силой воли заставила себя сдерживать любые проявления страха, обиды и разочарования. Не

позволила себе ссутулиться или уронить голову, не разрешила кусать от досады губы. Лишь пристально наблюдала, как Виви, широко и лучезарно улыбаясь, порхает к артефакту.

Она, как всегда, выглядела неотразимо. пышное платье-облако с иголки, безупречная прическа с кукольными кудрями и нежный макияж. Виви знала, что производит впечатление, и пользовалась этим сполна. Улыбалась до последней секунды, пока профессор Фармон, которому охотница передала извлеченный из вазы артефакт, не объявил:

— Фрай Белидор!

Я ощутила, как резко вздрогнул парень, а его рука впивалась в мое плечо. Он будто разом ожил, взгляд прояснился, а от недуга не осталось и следа.

Однако мое сердце забилося как сумасшедшее, будто назвали мое имя. Я видела, как чуть дернулась улыбка Вивьен, когда она посмотрела на своего напарника и заметила рядом меня. Наши взгляды встретились всего на мгновение, за которое я не успела прочесть ни одной эмоции на лице Виви. Она быстро отвернулась, сделав вид, что не увидела меня или не узнала.

Обида острым шипом пронзила сердце, но я забыла о ней тотчас, когда Фрай шагнул к сцене.

— Помочь? — обеспокоенно стиснула его пальцы, еще не успевшие выскользнуть из моих.

Фрай по — доброму улыбнулся, уверенно качнул головой и один продолжил путь к Виви, чтобы завершить связывание пары.

Профессор Фармон подал Фраю его артефакт, короткую ленту и стилет. Последним темерат коротко полоснул по ладони и сжал в ней ленту, которую потом преподаватель передал Виви. Она без особого восторга обернула ею фарфоровое запястье, а Фрай надел свой артефакт. Они оба вытянули руки друг к другу, почти соприкасаясь кончиками дрожащих пальцев, а ректор в очередной раз прочитал связующее заклинание. Лента вспыхнула на запястье Вивьен и рассыпалась пеплом, а камень в артефакте Фрая отозвался охровой вспышкой.

Короткий ритуал, который раньше воспринимала лишь как часть торжества, сейчас вызывал отвращение. Весь этот спектакль только для того, чтобы охотник мог подавлять заклинания своего темерата, призывать его и накладывать чары, которые бы не сработали, не будь этой злосчастной связи. очередной контроль над теми, кто и так лишен всякой свободы.

Следующее имя из уст отца зазвенело раньше, чем Виви и Фрай успели сойти с освещенной опушки сцены. Им полагалось занять места по бокам от возвышения, рядом с другими распределенными. Однако они едва ли успели спуститься с лестницы...

Фрай вдруг пошатнулся, а мне показалось, что парень просто оступился. Но, когда темерат камнем полетел к полу, сердце ухнуло к низу живота. Виви вскрикнула и, подхватив воздушные юбки, отскочила в сторону, даже не попытавшись удержать напарника.

Фрай, глухо застонав, растянулся прямо у подножия лестницы и скорчился от боли. То ли из-за падения, то ли снова подействовало подмешанное в напиток зелье...

Я с ужасом глядела, как несколько стражей-охотников поднимают Фрая с пола и первым делом проверяют камень в его артефакте. От такой бесчеловечности внутри меня заскрежетала злоба. Я не видела вокруг Фрая Тьмы, но отчетливо ощущала свою.

Кто-то постарался на славу. Все-таки, если бы Фраю повезло чуть больше, и он рухнул несколькими минутами раньше, ему бы вполне удалось избежать распределения.

Я уже не сомневалась, что цель у злоумышленника была именно такой. Или, лучше сказать, доброжелателя? В любом случае, это точно было сделано не ради шутки, а с конкретной целью, которую почти удалось поймать за хвост...

Пока стражи левитировали Фрая к выходу, чтобы доставить в лазарет, ректор продолжал церемонию, хотя тихие голоса взбудораженных студентов еще долго шелестели на фоне.

Однако даже когда они стихли, я успокоиться не могла. Все думала о Фрае, Виви и всем этом кошмаре... Внутри klokотала ярость и обида, а эгоистичное желание сбежать не утихало и оглушительно било по вискам.

Связанные пары — просто случайность, в которой нет ни капли судьбы или предназначения. Если откажусь от ритуала, на моем месте просто окажется другой темерат. Это ничего не изменит. Разве что отец выставит за двери Академии, как и обещал.

Я сильно прикусила губу и крепко сжала ладони в кулак. Не могу я сейчас покинуть Академию. Это

единственное место, где есть хотя бы призрачная возможность найти ответы и выжить.

Да и что со мной будет за стенами учебного заведения? Куда я пойду? Не имеют темераты столько свободы. Едва люди замечают в ком-то перемены, наложенные меткой Тьмы, сразу же вызывают охотников. А дальше разговор короткий и по весьма предсказуемому сценарию.

Инфектов истребляют. Темератов везут в Академию. Для оскверненных это единственное место, где есть шанс на надежду и хоть какая-то иллюзия нормальной жизни, а не глухая, навязанная страхом изоляция.

О тех, кто отказался поступать в Академию к темератам, не слышала. Знаю лишь, что их запугивают заключением. Ведь рано или поздно темерат обратится в инфекта, и проще, чтобы монстр родился в ловушке. Обычно оскверненных не радуют такие перспективы, и их истерика быстро кончается. Однако не сомневаюсь в отце: если он меня и исключит из числа студентов, то, не раздумывая, запрет в изоляторе и оставит дожидаться неминуемого обращения в чудовище.

Мысли копошились в голове мерзкими тараканами, а их тонкие лапки щекотали нервы. Я мелко дрожала, на коже выступил липкий пот. Я увязла в метаниях, в которых раз за разом билась в одни и те же тупики, застряла в тягучем болоте эмоций и даже забыла надеяться, чтобы мое имя сегодня осталось не озвученным.

А потому, когда оно донеслось до меня, будто через туман или толщу воды, даже не вздрогнула. Лишь моргнула, прогоняя слепоту из взгляда, и во все глаза уставилась на охотника, что уже стоял на сцене, дожидаясь меня.

— Аста Навье! — вновь нетерпеливо прогремел отец.

Я встрепенулась, когда кто-то легонько подтолкнул в спину. На негнущихся ногах проследовала к лестнице и как во сне вплыла в островок света. Профессор Фармон тут же вручил мне ленту и уже знакомый стилет, и я, даже не отдавая себе в этом отчет, проделала все требующиеся части ритуала.

Даже не почувствовала боли, когда железо полоснуло ладонь по старому шраму. Обмотала запястье бархоткой и, как зачарованная, вскинула глаза на парня, стоящего напротив.

Он искусно прятал волнение. Каждая мышца была расслаблена, губы сложены спокойным, мягким изгибом, а широкие брови не дрожали от напряжения. Высокий лоб, на который спадали медные пряди, что так и хотелось поправить, не блестел от холодного пота, а под острыми скулами не ходили желваки.

Но его выдавал серый, как грозовые тучи, взгляд.

Риган Дагер был напуган, и я видела, как в дыме его глаз дрожит волнение. Он смотрел на меня со смесью сожаления и удивления. Будто я мифическое существо, в которое Риган до последнего не верил. Пока не встретился лицом к лицу.

До конца церемонии я стояла рядом с Риганом в шеренге прочих охотников и темератов, что уже прошли через распределение. Дышать здесь было легче — не угнетала атмосфера неизвестности. Но и чувствовала себя среди бывших сокурсников хуже некуда.

Еще какую-то Луну назад я была одной из самых способных студенток, подавала большие надежды. Меня ставили в пример, пророчили блестящую карьеру...

А теперь я лишь расходный материал для чужих экспериментов.

Я стояла, как полагается, плечом к плечу с Риганом, вытянувшись по струнке. Держала осанку, стараясь хотя бы снаружи выглядеть спокойной. Внутри же бушевало торнадо эмоций, которое на своем пути безжалостно уничтожало все доводы рассудка и сметало крохи надежды.

Я почти физически ощущала, как время утекает сквозь пальцы. Слепо смотрела, как раз за разом сменяются на сцене охотники и их темераты. Однако видела лишь неотвратимое будущее, на которое сегодня подписала контракт собственной кровью.

Совместные тренировки и пары с Риганом сожрут все свободное время. В ту же топку — пустые пробежки от одного заказа к другому в попытках срубить как можно больше баллов. Для Ригана. Не меня.

Мне вообще плевать на баллы, на связку, на тренировки и парные занятия. Однако чертов ритуал прочно укрепил за Риганом право на мою волю.

А все для чего?

Меня уже тошнит от слов преподавателей. Я устала слышать об исцелении, что можно найти в союзе. Это просто ложь, скрывающая под собой неприглядную правду.

Связка идет на пользу лишь охотникам. Они учатся работать в команде и нести ответственность. А в случае беды всегда можно прикрыться темератом, как живым щитом, и безопасно унести ноги.

Преподаватели же лишь наблюдают за процессом связки, надеясь на чудо. Или уже даже не надеясь — просто идут по проторенной дорожке. Конечно, они ведут отчеты, пытаются отследить улучшения в состоянии оскверненных. Любая стабилизация, чуть отодвигающая смерть, — уже успех. Но временный. И очень непрочный.

Однако что получаем взамен мы, темераты, когда соглашаемся на роль подопытных?

Кров. Надежду. И, какой-никакой, круг общения. Вот, пожалуй, и все.

Все знают, что результатов в этом опыте за девять лет не было. Знают, что темераты не перестают гибнуть. Знают. Но эгоистично продолжают извлекать хоть какую-то пользу из обреченных.

ГЛАВА 10

После того, как все будущие выпускники-охотники прошли через церемонию, торжественный вечер продолжился в вольной атмосфере. Снова загремела музыка, вновь принесли свежие напитки и еду, опять под потолком заплясали искры магических шаров.

Обстановка разрядилась, ведь самое напряженное событие дня осталось позади. Шире всех улыбались трое темератов, чьи имена так и не прозвучали во время распределения.

Я смотрела на них с завистью, хоть и понимала — шататься по Академии без дела им не позволят. Однако у этих счастливиц будет куда больше времени, чтобы потратить его с пользой: пошерстить библиотеки и изучить архивы.

Только вот глядя на эту компашку везунчиков, я искренне сомневалась, что они знают дорогу до читальных залов...

Ни с одним из темератов, которым улыбнулась удача, я не была знакома лично. Знаю лишь, что один до обращения учился на моем курсе, а двое других выпустились из Академии несколько лет назад. Без понятия, какими они были до получения метки Тьмы, но сейчас, без сомнений, просто прожигали жизнь. Точнее ее остатки.

Распределенные темераты тенями кружились возле своих охотников, выглядя при этом несколько потерянно. Они, как и я, пока не знали, что делать, и не решались заговорить с напарником. Мялись рядом, слушали чужие разговоры, испуганно переглядывались и отчужденно слонялись по пятам.

Я за Риганом не таскалась. Едва торжественная часть вечера подошла к концу, к парню стянулась целая толпа студентов, среди которых больше всего было девчонок. Крутиться вокруг популярного охотника в разгар бала — самоубийство. Да и желания торчать рядом с Риганом у меня не было — нам и так предстоит много «радостных» часов, а совместные занятия начнутся уже завтра.

Да и среди охотников я чувствовала себя раздавленной, а обреченность ощущалась в разы острее. Они громко смеялись, что-то обсуждали, перекрикивая музыку и друг друга, а девушки наперебой строили глазки, кажется, затеяв целое соревнование.

Их радость была для меня ядом, который завистью отравлял рассудок. Мне не хотелось ни плясать, ни веселиться. Мысли металась от собственной безысходности к воспоминаниям о Фрае. Ни первое, ни второе облегчения после тяжелой церемонии не приносило. Меня лишь плотнее укутывало покрывало тоски, а в голову лезли навязчивые, опасные мысли. И одной из них я не смогла противиться.

Несколько раз обошла зал, чтобы убедиться — веселье ещё не достигло своего пика. Подслушивала разговоры, чтобы понять — еще несколько часов никто не планирует покидать праздник.

Уверенность во мне крепла с каждой секундой, и я не сомневалась в успехе миссии. Раз в честь торжества в корпусе охотников погасили барьерные руны, возможно, и в библиотеке их сейчас нет.

Госпожа Шерали выдавать разрешение мне не спешила, а время продолжало утекать. Ситуация накалялась с каждым днем, а отравление Фрая только подлило масла в огонь. Мне не терпелось узнать, что он собирался мне рассказать, хотелось скорее найти все кусочки мозаики, а заветные знания, спрятанные в чужой библиотеке, оглушительно манили. И я не могла больше сопротивляться.

В конце концов, никто не заметит моей пропажи. Ригану все равно, Фрай в лазарете, отцу плевать. Разве что Эйлин стоило бы предупредить, но мне едва ли удалось выловить подругу из толпы — она постоянно с кем-то танцевала, а потом и вовсе затерялась среди общего веселья.

Зато на Виви я натолкнулась не единожды, и каждый раз она делала вид, будто меня в упор не видит. Было обидно и очень больно. Хотелось демонстративно поприветствовать ее, преградив путь. Но чего бы я добилась? Только бы похоронила собственную гордость и станцевала на костях несуществующей дружбы.

Когда я в очередной раз убедилась, что Эйлин и без меня неплохо проводит вечер, было решено улизнуть с торжества. Тянуть время — опасная затея, что может стоить очень дорого. Ведь вряд ли Шерали в ближайшие дни даст мне заветный допуск, а очередного шанса пробраться в библиотеку охотников может и не выпасть вовсе.

Никто не остановил меня, когда из душного зала, забитого людьми, вынырнула в пустые коридоры. Эти мрачные, строгие ходы за три года я выучила как родные, привыкла к их холодности и сдержанному интерьеру. Однако сейчас, после цветастого и пышного бала, от опустевшего замка

все же веяло тоской и одиночеством.

Полумрак укутывал меня туманом. Мое черное платье сливалось с ночными тенями, и я чувствовала себя одной из них. Такой же хрупкой и недолговечной.

Тусклые островки света уводили вглубь одноликих коридоров, но заблудиться я не боялась. Уверенно двигалась вдоль стен, стараясь держаться в тени. Конечно, если за мной двинутся стражи, эта унылая маскировка не спасет. Но, не выходя на свет, я чувствовала себя менее уязвимой, а беспокойные мысли и вовсе утихли.

Однако мое умиротворение длилось недолго. Оставалось сделать всего один поворот, нырнуть под две арки, и я бы оказалась у дверей библиотеки. Но в паре шагов от заветной цели я напоролась на незримый барьер.

Защитная магия не обожгла, но неприятно щелкнула по носу и чуть укусила за голое плечо. Я шикнула от неожиданности и чуть попятилась назад. Досада нарастала, но я не позволяла чувствам заглушить рассудок. Приказала себе успокоиться и не опускать руки раньше времени. Чуть подобрала узкую обтягивающую юбку и с трудом присела на корточки, чтобы рассмотреть пол на предмет нанесенных рун.

Заклинание, поймавшее меня на пути к заветной цели, явно отличалось от тех, что стоят между корпусами темератов и охотников. Обычно руны, что накладывают на ходы и двери, заставляют воздух предупреждающе вибрировать. А если темерат игнорирует этот знак — больно жалят нарушителя.

Сейчас ничего подобного не было, да и отдача оказалась слабой. Может, сегодня сняли не все барьеры? Однако сомневаюсь, что на один вечер изменилась природа целой сети заклинаний. А именно с этим я и столкнулась.

Это было совершенно другое защитное заклятье. И по тому, насколько слабым оно было, я оптимистично предположила, что не составит труда его взломать. Но чтобы это сделать, нужно понять, с чем именно имею дело.

Сидя на корточках, что в вечернем платье и на каблуках было почти пыткой, я пыталась найти следы заклинания. Как раз в таком неприглядном виде меня и застали.

— Для сбежавшей с бала девушки ты выглядишь очень странно.

Я резко обернулась на неожиданный звук. Чуть не потеряла равновесие на демоновых каблуках и едва не рухнула прямо на барьерную поволоку. Это меня, конечно же, не убило бы, но ощущения точно не из приятных.

— Там было душно, — соврала первое, что пришло на ум. — Вышла проветриться.

Пучок бледного света выхватил из сумрака ухмылку Ригана, когда он нерешительно шагнул мне навстречу. Я тут же встала, выпрямилась и повела плечом, демонстрируя деланную беззаботность.

— Вышла проветриться и прошла несколько коридоров, миновала переход в корпус темератов и лестницу с балконом, где свежего воздуха сколько душе угодно? — смешливо протянул парень и снова сделал шаг в мою сторону. Мрак опять накрыл его лицо, и я не могла даже предположить, о чем он думает.

— Именно так, — неуклонно гнула свою линию. — Задумалась... немного.

Я боялась, что появление Ригана создаст мне новые проблемы. Если он решит сообщить о моем побеге и блужданиях по замку, у меня наверняка возникнут неприятности. Но и вероятность, что именно связанный со мной охотник наложил барьер, преградивший дорогу к библиотеке, вызывала мало светлых эмоций.

Однако Риган не выглядел сосредоточенным на заклинании, которое прямо сейчас удерживало магическую завесу. Он медленно брел по коридору, спрятав ладони в карманы брюк и опустив глаза к полу.

— Ты что-то обронила там? — он кивнул к носкам моим туфель, а я удивленно потупила взор.

На всякий случай чуть отвела руку за спину, чтобы убедиться, барьер никуда не пропал. Защитное заклятье снова куснуло кожу, заставляя мысли собраться в кучку.

— Да, — слишком бодро кивнула. — Выронила шпильку.

Парень задумчиво поморщился, услышав непонятное девчачье слово.

— Пойдем обратно? — мягко предложил он и украдкой взглянул на меня.

Его скромность была для меня непривычной. Риган — душа компании и знатный сердцеед. Видеть его смущение и кроткие взгляды было очень странно, а когда я поняла причину таких ужимок — больно.

Риган избегал смотреть мне в глаза открыто, но не мог скрыть интереса. Постоянные косые взгляды и острожные движения очень быстро начали выводить из себя.

Я не дикий зверь и не экспонат галереи.

— Нет, пожалуй, иди без меня, — ответила чуть резче, чем следовало.

Риган остановился в паре метров от меня и прислонился плечом к стене. Приглушенный свет слабо касался лица охотника, оставляя черные штрихи от ресниц на скулах.

— А ты? Продолжишь бродить по коридорам?

— А ты собираешься мне помешать? — подражая его тону, ответила я.

Риган заломил бровь и едва не присвистнул. Глухо рассмеялся, чем вызвал мое недоумение, но все же качнул головой:

— Не сегодня.

— Тогда зачем пошел за мной? — воинственно скрестила руки на груди.

Я вцепилась взглядом в темноту, что скрывала под собой лицо парня. Ужасно некомфортно разговаривать с человеком, когда не видишь его глаз и мимики, что порой могут выдать любую ложь и волнение. Сейчас Риган как раз прятался во мраке, а во мне зудело желание вытянуть его на свет.

Однако стоило мне задуматься над этим и чуточку внимательнее вглядеться в темноту, как тени, будто подчиняясь мне, стали расступаться. Свет все еще не касался лица Ригана, но я отчетливо видела каждую его черту, каждую прядку, непослушно спадающую на лоб. Его образ будто оказался высечен из мгли, в которой Риган надеялся спрятаться.

Но Тьма во мне, похоже, подчиняла родственную стихию, и теперь я могла видеть, как Риган взволнованно кусает губу, пытаюсь скорее найти ответ.

— Мне показался твой уход странным, — наконец, почти шепотом сказал он. А я отчетливо разобрала морщинку, что пролегла между его бровей, когда Риган задумчиво нахмурился. Рассмотрела напряженную линию губ. Заметила, как вздрогнул кадык, едва парень тяжело сглотнул.

Он врал.

Но я не стала его останавливать и сделала вид, будто внимательно слушаю.

— Девушка уходит в разгар праздника. Одна. Блуждает по замку. В поисках чего?

— Чего? — эхом повторила я, искренне желая узнать, что именно он придумал. По коже прополз липкий холодок, но я растопила его твердой уверенностью: мне нечего бояться.

Даже если Риган понял, что иду в библиотеку, это не противозаконно. Да, я нарушаю запреты, но ничем не рискую. У меня нет никаких допусков и привилегий. Даже права на собственную душу нет. Одна ее часть гниет под меткой Тьмы, а другая — теперь принадлежит Ригану.

— Ты ведь шла к башне астрологов? Так?

Я видела, как под острыми скулами Ригана заходили желваки, а губы вытянулись в узкую нить. Я понимала, что он врет, сочиняя на ходу, но все равно вспыхнула от его слов.

— Ты принял меня за самоубийцу? — выдохнула, нервно смеясь. — Ты в своем уме?

Риган развел руками и вышел, наконец, из тени:

— У тебя камень потемнел, пока мы говорили, — парировал он, а я похолодела.

Камень потемнел не потому, что я собиралась покончить с собой, или от того, что Риган раскрыл мой уход. А потому что я прибегла к темной магии, которая жила во мне. Именно Тьма позволила смотреть сквозь мрак, и этот дар оказался вовсе не бесплатным.

Однако признаваться я не спешила. Прошила парня гневным взглядом и выпалила:

— Потому что ты обвиняешь меня. Любой заволнуется, когда его станут подозревать в попытке сброситься с самой высокой башни замка!

Риган примирительно поднял ладони, а по его лицу пробежала тень сожаления. Уж не знаю, что именно привело его сюда, но теперь постараюсь извлечь максимум выгоды.

— Ты повесил на меня следящее заклятье? — подозрительно прищурилась и осуждающе сверкнула глазами. — Едва прошла церемония, уже нацеплял на меня свои метки, чтобы покрасоваться перед друзьями?

Это были не мои слова. Я знала, что на мне нет никаких заклинаний, наложенных Риганом. Но это представление было необходимо, чтобы получить кое-что взамен.

— Я просто увидел, как ты вышла из зала, и двинулся следом. Нет никакого заклинания! — оправдывался Риган, пока картинно метала взглядом молнии.

Я удивилась, что он стал отбиваться от моих нападков, но в душе заликовала. Пока все по плану.

— Докажи, — строго припечатала я. — Ты знаешь заклинание нейтрализации.

До последнего не верила, что решилась это сказать. Я затеяла странную игру с изначальным перевесом в сторону Ригана. Ведь все мои претензии — пустой звук.

Риган не должен отчитываться, не должен потакать моим просьбам. Он имеет полное право накладывать на меня любые метки, которые посчитает нужными: слежение, магическая немота, пленение... А я не могу противиться его воле. Не могу просить отменить колдовские путы и уж тем более — доказывать, что заклятий на мне нет.

Это дерзость, наглость и полный абсурд. Однако Риган ничего такого не сказал. Спокойно кивнул и протянул мне руку.

В удивлении мешкала буквально пару мгновений, а затем накрыла его ладонь своей. Когда охотник, прикрыв глаза, произнес заклинание нейтрализации, я ощутила чужую магическую энергию. Сила Ригана струилась под моими пальцами, билась горячей жилой... и никуда не сворачивала из русла, ограниченного телом мага.

Любое заклятье, наложенное чародеем и действующее в данный момент, обязательно откликнулось бы на нейтрализацию обратным током магии. Но я не чувствовала ничего подобного, как и не ощущала следов недавних чар Ригана.

Охотник все еще стоял, напряженно прикрыв глаза. Я воспользовалась этим, чтобы вновь протянуть руку к магической занавеси, закрывающей путь к библиотеке. Барьер опалил жаром кончики пальцев, я вздрогнула, и наша связь оборвалась.

— Ну? — поджав губы, спросил напарник. — Больше не злишься?

Я медленно качнула головой, думая совершенно о другом. К черту метки Ригана и его заклинания. Я провернула все это лишь с одной целью — понять, он ли наложил барьер. Однако мои подозрения разбились вдребезги: Риган тут ни при чем.

— Теперь вернешься на бал? — вновь спросил парень, а я устало вздохнула.

Все пошло наперекосяк. Фраю что-то подмешали, меня распределили в связку, в библиотеку пробраться так и не удалось, ещё и с Риганом едва не поссорилась...

— Нет, я лучше пойду к себе, — отозвалась, обхватив открытые плечи чуть дрожащими ладонями.

Разочарование топило изнутри вязкими черными волнами, от которых внутри леденело сердце. Я устала и чувствовала себя разбитой. Меня рвало на части от желаний: навестить Фрая в лазарете, все-таки попытаться пройти в библиотеку, найти Эйлин и обо всем рассказать. Но я понимала, что сил едва хватит хотя бы на то, чтобы добраться до кровати и, не раздеваясь, рухнуть на подушку вниз лицом.

— Я провожу тебя, — тут же вызвался Риган, а я перевела на него недоверчивый взгляд.

— Зачем?

— Убедиться, что все нормально.

Я прыснула, покачала головой и язвительно отшутилась:

— Боишься, что не дойду?

Риган проигнорировал едкий тон и непринужденно зашагал рядом, подстраиваясь под мой темп:

— Разве джентльмен не может просто так проводить леди?

Я шелкнула языком, закатила глаза, но все же не смогла сдержать улыбку. Этот Риган был мне знаком — мастер флирта и неразборчивых комплиментов. Однако я не стала обманываться его известным приемом.

— Да ладно. Так и скажи, что не хочешь потерять темерата ещё до начала практики. Все еще думаешь, что могу сигануть с башни?

Риган кашлянул, будто подавившись воздухом, и прижал крепко сжатый кулак к губам. До следующего поворота коридора он шел молча.

— Аста, — наконец, уронил он, когда мы вышли к безлюдному переходу к корпусу темератов, — зачем ты говоришь такие вещи?

— Какие? — развела руками и вскинула брови. — Хочешь сказать, я не знаю статистику? Самоубийства среди темератов случаются не часто, но и не так редко, чтобы этот факт ректору удалось замять.

Риган резко остановился, преградив мне путь. Я с вызовом взглянула на него и попыталась обойти. Однако он уперся ладонями о стену, поймав меня в ловушку.

— Это не шутка, — дыхание охотника защекотало висок, а я попыталась поднырнуть под его руку. Парень легко поймал меня за запястье и развернул лицом к себе.

— Я и не пытаюсь шутить, Риган, — сказала твердо и высвободилась из его некрепкой хватки. — Как и не собираюсь кончать с собой.

Его взгляд подернулся туманной дымкой тоски, и я отшатнулась. Меня пугали эмоции, что читались на лице парня. Я не понимала их, а потому боялась.

— Я хочу жить, понимаешь?

— Но при этом твои успехи на занятиях стремительно пробивают дно, — подловил Риган, а я опешила.

— Откуда ты...

— Ректор Френель подошел ко мне на балу. У нас завязалась беседа о практике и темератах.

Пока Риган распинался о том, что у ректора, разумеется, есть оценки всех студентов, я гневно скрипела зубами. Пыталась скрыть ярость и хлопала ресницами, слушая охотника.

Вот почему, когда надо, отец игнорирует меня? А когда лучше бы держался подальше, лезет в мои дела со всей прытью?!

— Понимаешь, он ведь не просто так запомнил именно твой табель, — настаивал Риган, — ты совершенно не стараешься на занятиях. К тому же сбежала с бала прямо у меня на глазах. Что ещё я мог подумать?

Уж точно не то, что ректор знает мои оценки по причине кровного родства.

Я смиренно слушала Ригана, который повторял уже до тошноты надоевшие слова преподавателей. О смирении. О гармонии. О надежде.

Слушала и не понимала, почему его это так заботит. А то, что Риган переживает совершенно искренне, не вызывало сомнений. Это там, у демонова барьера, он мне солгал, сказав, что счел мой уход подозрительным. Но сейчас он был до глубины души уверен — меня убивает Тьма и глухое отсутствие контроля.

— Я делаю все, что могу, — выдохнула как можно спокойнее. — И я, правда, хочу жить. Делаю все для этого.

— Недостаточно, — качнул головой Риган, а его взгляд уперся в бархотку на моей шее.

Я не стала спрашивать о цвете камня в артефакте. И так чувствовала бурлящую Тьму.

Риган зашагал дальше по коридору, и я двинулась рядом. В отличие от меня, у охотника было

разрешение на посещение всех корпусов, потому он свободно пересек границу между ними.

— Как ты думаешь, Аста, почему все темераты — молодые и зрелые люди? Почему среди них ни стариков, ни детей?

Я промолчала и искоса глянула на парня. Я знаю Ригана не первый год, но сейчас, наедине, он казался совершенно иным человеком. От былой маски оболстителя в нем осталась лишь внешность и глубокий, бархатный голос. Но его тон, серьезное выражение лица и задумчивый взгляд напрочь рушили тот образ, что долгие годы существовал в моей голове.

— Одним не хватает контроля, другим — веры, — ответил вместо меня Риган, когда мы уже поднимались по лестнице башни общежитий. — Поэтому ты никогда не увидишь слишком юных или старых темератов.

— Знаю, — выдохнула, перебив его лекцию. — Они слишком быстро обращаются, потому что не могут контролировать Тьму.

До моего этажа оставался всего один лестничный пролет. Нервы звенели натянутыми до предела струнами, угрожая вот-вот лопнуть. Меня мелко трясло, я чувствовала себя провинившейся ученицей, которую отчитывают за плохие оценки. Хотя... Так оно и было.

— Вот видишь, ты все сама прекрасно понимаешь. Тогда почему противишься помощи? Знаешь ведь, что не справляешься.

Я остановилась, когда мы поднялись на нужный этаж, и внимательно взглянула на Ригана. Он все ещё избегал прямо смотреть мне в глаза. Потупил взор, переминаясь с ноги на ногу, и нервно запустил пальцы в чуть спутанные короткие пряди.

Его страх перед моей сущностью мгновенно оттолкнул. Я была почти готова поделиться с ним своими мыслями и догадками, признаться, что хотела попасть в библиотеку, и рассказать о самом страшном воспоминании.

Но он меня боялся, а я не хотела навязываться.

— Зачем ты все это затеял? — вместо душевной беседы с укором сказала я. — Переживаешь, что вылетишь из соревнования слишком быстро?

— О чем ты? — он крепко нахмурился и недоуменно покачал головой.

— О практике. О баллах. Сожалеешь, что из всех возможных вариантов тебе достался самый малообещающий? — отчеканила с горькой улыбкой и начала пятиться в сторону своей комнаты.

— Аста, что ты...

— Поговори с Виви, — едко посоветовала я, вспомнив о «подружке». Интересно, попытается ли она возобновить наше общение, чтобы подобраться поближе к моему напарнику?

— Зачем? — непонимание на лице охотника мешалось с возмущением.

— Она пояснит тебе, как правильно набирать баллы за практику, — нервный смешок прятал жалкий всхлип.

Я чувствовала, что к горлу подступает мерзкий, удушающий комок рыданий. Сложила губы в дрожащую улыбку и бросила на прощание:

— Доброй ночи, Риган.

Он хотел что-то сказать, но я уже развернулась и почти бегом удалилась в свои покои. Быстро отворила закливанием дверь и юркнула в пустую, погруженную во мрак комнату. Привалилась к двери и на всякий случай заперла ее изнутри.

Затем, удостоверившись, что шаги в коридоре окончательно затихли, упала на кровать и впервые за всю учебную неделю безутешно зарыдала.

ГЛАВА 11

Невзирая на оглушительный звон колокола, первые секунды пробуждения — лучшее время за весь день. В эти мгновения в голове не копошатся мысли, а воспоминания кажутся едва уловимыми снами. Реальность предстает призрачным отголоском ночных иллюзий, и я могу дышать спокойно, не ощущая на себе давление неотвратимой гибели.

Но следующий же удар колокола беспощадно крошит хрупкое неведение. Ко мне возвращаются все самые страшные воспоминания, боль и отчаяние. Тьма эхом отзывается на мрачные эмоции, чужой магией раскатывается по телу...

Такое же пробуждение ждало меня и сегодня, но помимо прочего в памяти всплыло и другое: вместо уже привычных пар со своей группой меня ждет тренировка с моим охотником.

Я поморщилась от этой мысли. Риган — не мой охотник. Мы напарники против воли, и считать парня «своим» я точно не собираюсь.

Миновала зеркала. Заглядывать в них сейчас — плохая идея. Перед сном не умывалась и даже не сняла бальное платье. Как упала на подушки, в чем пришла, так и прорыдала до полного беспамятства. Даже не услышала, когда вернулась Эйлин.

Подруга, несмотря на зубодробительный звон утреннего колокола, спала как убитая. Чуть поворочалась, недовольная раздражающим шумом, накрывала голову подушкой, но в своем нежелании просыпаться осталась непреклонна.

Я быстро привела себя в порядок, чтобы не было стыдно смотреться в отражение, переоделась в привычную форму Академии и собрала волосы в тугий длинный хвост. На пути к двери из апартаментов вышла обратно в спальню, но Эйлин уже в ней не было.

В спортивном зале стоял ужасный шум, который услышала еще до того, как вошла внутрь. Как я и думала, преподаватель на занятие ещё не явился, зато охотники уже были на месте.

Ригана я заметила сразу, это было несложно. Достаточно найти самое большое скопление народа и посмотреть, кто стоит в центре. Дверь за моей спиной захлопнулась с гулким хлопком, но никто этого не услышал, потому что кучка охотников взорвалась безудержным хохотом.

Я закатила глаза и недовольно щелкнула языком. Чужое веселье, когда не можешь его разделить, мгновенно превращается в самый главный раздражитель.

У другого конца зала растерянно бродили темераты, иногда сбиваясь в компании по два-три человека и тихонько о чем-то переговариваясь. Я направилась к ним, стараясь не думать о том, что еще какое-то время назад мое место было среди шумных охотников, а не убитых горестями оскверненных.

— Привет, Аста, — поздоровалась девушка с моей новой группы. Имя бывшей охотницы, хоть убей, не помнила, а потому ограничилась только безликим пожеланием доброго утра и вежливым кивком.

Девчонка же продолжала кружить возле меня, а я ее в упор не замечала. Все выглядела в десятках темератов одно знакомое лицо...

— Слушай, — так и не найдя нужного человека, вновь обратилась к сокурснице.

Ее глаза засияли от проявленного внимания, но я рассмотреть этого не успела, а потому тут же прихлопнула наивную радость следующим вопросом:

— Ты Фрая не видела?

Лицо собеседницы помрачнело, а взгляд затуманился. Девушка медленно качнула головой и ушла к другой компании, потеряв ко мне интерес. Я же присела на один из тренажеров, предназначенных для упражнений на пресс, и вновь погрузилась в мысли о вчерашнем вечере.

Действительно ли Фрая отравили специально? Или это просто совпадение? Что с ним сейчас?

Цепочку моих пустых размышлений прервал преподаватель. Он телепортировался прямо в центр спортивного зала, чем заставил всех учеников удивленно охнуть. Выглядел мужчина так, будто проснулся несколько минут назад: посеребренные сединой длинные волосы торчали в разные стороны, преподавательская мантия оказалась вывернута наизнанку, а на одной ноге не было туфли.

— Доброе утро, студенты! — неестественно весело крикнул он, а по нестройным рядам охотников и темератов пробежали шепот и плохо сдерживаемые смешки.

Да уж. Бал у кого-то удался на славу!

— Ввиду непредвиденного совещания сегодня тренировку проведете самостоятельно! — уже не так уверенно объявил педагог, а студенты обменялись ехидными улыбочками.

Ага, как же. Совещание!

Даже я не сдержала кривой ухмылки, которую поспешила спрятать и прижала к губам кулак.

— Вы знаете своих партнеров. Поэтому первое занятие вам на то, чтобы сработаться и узнать техники друг друга. Этапы тренировки вам известны. Работаем!

Взбудоражив толпу своим заявлением, он тут же вновь исчез в портале. Спустя несколько секунд оцепенения студенты разбились на несколько групп. Добрая часть ребят, едва преподаватель испарился в магическом проходе, поспешила на выход из спортивного зала. Среди сбегающих с пары я без удивления заметила Виви. Она с самодовольным видом шествовала к двери и лишь перед тем, как исчезнуть в коридорах, оглянулась. Виви явно кого-то искала среди тех, кто остался в зале. И, конечно, это была не я.

Проследив за взглядом бывшей подруги, я легко нашла Ригана. Он подпирал плечом стойку с оружием, непринужденно беседуя с компанией охотников. Когда я снова обернулась на дверь, Виви там уже не было.

Что ж, это на нее похоже. Виви постоянно твердила, что девушка, чтобы привлечь внимание парня, никогда не должна душить его своим обществом. Наоборот, она должна быть «желанной добычей» в охоте, которую, на самом деле, сама и затеяла.

Меня передернуло от воспоминаний о философии Вивьен. За несколько лет совместного проживания я слышала столько советов от «подружки», что сейчас могла бы написать не один том женских мудростей. Но вопрос в другом. Работают ли они?

Несомненно, у Виви всегда было много поклонников. Но самого желанного ей до сих пор не удалось заполучить. Хотя Виви всегда старалась быть внешне безупречной, кокетливой и, как она любила говорить, «важной и неуловимой как воздух».

Вот и сейчас, немного пообщавшись с Риганом, Виви поспешила сбежать от него. Тем не менее, оставив шанс броситься следом...

Я покачала головой и в сомнениях отвернулась к тренажерам. Раньше во мне никогда не хватило бы смелости и наглости сбежать с занятия. Но сегодня меньше всего хотелось торчать в пропитанном потом зале. Еще и под колкими взглядами бывших сокурсников. У меня и без этого полно хлопот.

Резко развернулась на пятках в сторону двери, но тут же столкнулась нос к носу с Риганом.

— Привет, — выпалил он и выдавил нечто похожее на улыбку.

Против воли в мыслях тут же ожили воспоминания минувшего вечера. Назойливые наставления Ригана, его озабоченность чужими оценками и мой эмоциональный срыв, когда в слезах убежала в комнату...

Видел ли он это?

— Здравствуй, — смущенно отозвалась я и искоса посмотрела на парня. Из-за его спины на меня заинтересованно главели другие охотники. Но стоило мне с ними встретиться глазами, бывшие сокурсники тут же отвернулись.

Я прикусила губу от досады и пронизывающей обиды. Видимо, до конца дней суждено ловить на себе напуганные взгляды.

— Готова тренироваться? — вопреки всем моим ожиданиям спросил Риган, а я изумленно заломила бровь.

Нет, я не готова. Ни к тренировке, ни к связке. Однако вслух этого не сказала, а попыталась уловить во взгляде и поведении Ригана что-то, что выдало бы в нем обиду за вчерашний вечер.

Но он вел себя как обычно, не оставив от вчерашнего осторожного и несколько смущенного парня ни следа. Риган обольстительно улыбался, а в серых глазах не было ни тени недавней неловкости.

Я почувствовала себя обманутой. Будто прошлым вечером общалась совсем с другим человеком.

— Я бы лучше позанималась в библиотеке. Мне реферат задали, — попыталась обойти парня, но он тут же поймал меня за локоть.

— Нельзя пропускать тренировку, — учительским тоном пригвоздил он. — Ты должна учиться контролю, помнишь?

Мне стало не по себе от теплоты, вдруг разлившейся в груди. Обо мне никто никогда не заботился после смерти мамы. Отец бросил меня. Подруга оказалась просто соседкой. Всем всегда было плевать на девчонку-сироту. Я привыкла со всем справляться сама и брать за это ответственность.

Вчерашние наставления Ригана сначала смутили и даже несколько вывели из себя. Меня оскорбила мысль, будто он не помогает, а указывает, что делать, в погоне за баллами, и эта же идея заставила прорыдать в подушку несколько часов напролет.

Сейчас во мне очень некстати ожила слабая надежда. Вдруг он все-таки заботится обо мне? Вдруг искренне считает, что самоконтроль и выдержка, которым учат в Академии темератов, помогут продлить человеческие дни?

Я хотела в это верить, потому что нуждалась в опоре, которой ужасно не хватало. Я чувствовала себя одинокой и, как и Эйлин, хотела хотя бы ненадолго ощутить человеческое тепло.

Однако сильно обожглась наивными ожиданиями.

— Нужно обсудить тактику, — пояснил Риган. — Планирую уже сегодня отправиться на заказ, поэтому нам лучше сработаться как можно раньше.

Сердце ухнуло льдинкой в низ живота, где завязался тугой скользкий узел. Я с каменным лицом проглотила обиду, но кровь предательски хлынула к разгоряченным щекам.

Ну да. Как я могла забыть? Я всего лишь оружие для получения баллов. Видимо, не зря вчера посоветовала Ригану спросить совета у Виви. Не удивлюсь, если он прислушался, и теперь будет скопом набирать самые «дорогие» задания, чтобы компенсировать мое скорое обращение в монстра.

Молчание Риган воспринял как согласие. Встал рядом, повернулся к зеркалу и начал разминаться.

Во мне же бурлила странная обида, которую без колебаний сбросила на Тьму, что день ото дня точит душу. Моя ранимость и эмоциональность, которым раньше не было места, становились серьезной проблемой. Я не привыкла копаться в себе, но сейчас это явно входило в норму.

Риган активно разогревался перед тренировкой, пока я с лицом мрачнее тучи сверлила его взглядом. Стояла, скрестив руки на груди, и искренне не понимала, почему меня так бесят его слова.

В конце концов, знала, какая роль мне отведена во всем этом театре абсурда. Знала так же, как и то, что охотники не привязываются к темератам. Но меня огорчала потухшая искра надежды, хоть и придумала ее сама.

Я искренне хотела, чтобы во мне все ещё видели человека. Но этому желанию сбыться, видимо, не суждено.

— Ты уже размялась? — встретившись с моим хмурым взглядом в отражении, спросил Риган. — Я не видел, чтобы...

— Размялась. Подожду тебя, — отмахнулась, даже не дослушав, и направилась к матам, раскинутым в углу зала.

Мне не нравилось, как я реагирую на Ригана. Стоило всего раз ошибиться и принять простой эгоизм за заботу, как моей и без того пошатнувшейся выдержке конец. Построила какие-то иллюзии, а теперь отдуваюсь...

Я плюхнулась на мягкую подушку матов и подперла лицо ладонями. Локти поставила на колени, скрючившись в комок страха и обиды. Вот если бы Фрай был здесь... Он бы точно меня поддержал.

Еще раз прокрутила в голове всю эту нелепую ситуацию с Риганом и пришла к заключению, что зря на него дуюсь. Дагер наверняка даже не понял причину моего настроения, ведь не дал мне ни единого повода выстраивать воздушные замки и на что-то надеяться.

Он поймал меня в коридоре после бала лишь потому, что отец заботливо шепнул на ушко — Аста слаба. Вот Риган и побежал следить, чтобы не натворила глупостей. А я, дуреха, решила, будто ему не все равно.

Вот и расплачиваюсь.

Я слепым взглядом следила за студентами, что бегали туда-сюда по залу. Большинство из них не

тренировались, а занимались какой-то ерундой. Темераты, как и я, забивались в углы. Охотники мерились силой и дурачились, играя в догонялки.

Как раз за последними я и принялась следить, пока не заметила причину балагана.

— Эй! — я подскочила, резко позабыв о том, что мое место в углу, среди забитых темератов. — Это мои ножи!

Бывшие сокурсники мой вскрик проигнорировали. Девчонку, убегающую от парня с моими ножами, которые как раз и стали наградой в глупом соревновании, я знала. Лекси носилась как угорелая, громко смеясь и виляя зигзагами, чтобы противнику было сложнее ее нагнать.

Но для разъяренной темераты в этом проблемы не было.

Я без раздумий применила заклинание пут и с силой швырнула его в Лекси. Она коротко взвизгнула и рухнула, подбородком ударившись о пол. Весь зал на короткое мгновение притих, и именно в этот момент звонко клацнули зубы упавшей охотницы.

— Какого демона ты творишь? — вспыхнул друг Лекси, который еще секунду назад пытался нагнать девушку.

Он преградил мне путь, а я смерила его взглядом, бурлящим Тьмой. Парень тут же отступил, хотя я и не собиралась нападать. Да и на Лекси набрасываться тоже не планировала... Просто мрак внутри меня оказался сильнее рассудка.

— Откуда у тебя эти ножи? — носки моих туфель замерли перед разбитым подбородком Лекси.

Она взглянула на меня снизу вверх с ненавистью и отвращением и отбросила мне под ноги чехол, внутри которого холодно поблескивали метательные ножи.

— Из зала охотников, — выплюнула Лекси, поднимаясь с пола. — Нам сказали, что у этого оружия больше нет хозяина.

Слова плетью хлестнули по сердцу. Я резко втянула носом воздух и гневным взглядом прошла сначала Лекси, а потом ее друга. Вокруг уже столпилось достаточно народа, но злость слепила меня, а Тьма просилась сорваться с кончиков пальцев.

— Я сказала. Это мои ножи.

— Да забирай ты их. Забирай и вали отсюда! — прорычал дружок Лекси. Он помог ей встать и, приобнимая за плечи, отвел в сторону. Там другие девчонки-охотницы уже спешили наложить простейшие лекарские чары, чтобы затянуть рану на подбородке Лекси.

Я дождалась, когда они отвернутся, и только тогда присела на корточки. Подняла с пола темно-коричневый чехол и любовно прижала его к груди.

Этот набор ножей я купила еще на начальном курсе после первой сессии, что закрыла на отлично. Он дорог мне как память и как боевой товарищ. На каждом метательном лезвии моей рукой выведены руны и заклятья, над которыми просидела не одну ночь. Думала, как сделать их эффективнее, опаснее... Лучше.

И теперь их чуть на куски не разодрали, чтобы присвоить себе?! Как они посмели делить мои вещи так, будто меня уже и нет вовсе?

Я всегда с трепетом относилась к своим немногочисленным пожиткам. Вот и сейчас корбило от одной только мысли, что мой драгоценный набор могли растерзать, разобрать по кусочкам. Я распахнула чехол и взглядом пробежала по блестящим серебром лезвиям.

Вроде, все на месте.

На всякий случай, решила их пересчитать. Кончиком пальца пошла вдоль ряда острых ножей и случайно коснулась одного из них. На короткое мгновение кожу куснул металлический холод, а затем...

Руку прошла такая невыносимая боль, что я закричала и выронила чехол, из которого тут же посыпались маленькие ножи. Они падали вокруг меня, звонко ударяясь о пол, впиваясь в древесину острыми носиками... Но я не видела этого. Не думала ни о чем, кроме своей раненой руки, которая словно сгорала вместе со мной.

Кто-то схватил меня за плечи, пытаясь поднять с колен, на которые рухнула от боли. Огонь пульсировал в том месте, где коснулась оружия, что когда-то принадлежало мне. Кожу рвало изнутри и распирало так, будто она вот-вот лопнет.

— Держись, Аста, — бормотал мне кто-то в ухо, пока слепо загибалась в агонии боли. — Потерпи совсем чуть-чуть.

ГЛАВА 12

В лазарет я попала по — королевски, через телепорт и на руках Ригана. Мои вопли распугали народ так, что встречать нас выбежало сразу несколько лекарей, а из палат выглядывали побледневшие пациенты.

Меня сразу же закрыли в индивидуальном боксе, на который наложили звукоизолирующие чары. Две лекарки носились вокруг со скоростью света, левитируя по тесной комнатке обезболивающие и регенерирующие зелья. Хотя первым делом стоило бы дать успокоительное...

Я визжала до боли в горле, выгибалась так, что к кушетке пришлось приковывать заклятьями. С ужасом таращилась на свою почерневшую кисть и пропускала мимо ушей все назидания лекарей о том, что это поправимо, и ничего страшного не произошло. Как-то не особо думаешь о концентрации и благом исходе, когда с руки сползает обгоревшая плоть!

В конце концов, меня опоили всевозможными эликсирами и действительно привели мою раненую конечность в порядок. Она все еще побаливала, когда медики уходили из палаты, но уже имела человеческий вид.

— Побудьте здесь, пока боль окончательно не пройдет, — посоветовала молодая лекарка. — Я наложила восстанавливающее заклинание, но поражения слишком глубокие. Поэтому следите за состоянием и зовите, если вдруг что-то понадобится.

Мы с Риганом в унисон кивнули и после хлопка двери, за которой скрылась медичка, остались наедине в напряженном молчании. Меня от кушетки уже «отвязали», и я сидела на ней, нервно болтая ногами. Риган устроился в кресле у изголовья и не отрывал руки ото лба, что блестел от холодного пота.

— Что ты устроила? — он сдался первым и заговорил. Голос парня чуть дрожал от пережитого переполоха, но звучал все равно твердо и... разочарованно.

Картинно отвела взгляд к окну и потеряла все ещё ноющую кисть. Конечно, понимала, что он спрашивает о Лекси и моем подлом нападении на охотницу. Но я и сама с трудом осознавала, зачем швырнула в бывшую одноклассницу путы и опрокинула ее лицом в пол.

Я просто злилась. Потому что она и ее друг забрали то, что принадлежало мне. Потому что игнорировали. Делали вид, будто уже не существую.

Это очень обидно. Словно в сердце вонзили вилку и от души поковырялись в нем. Со мной уже не считались, хотя была еще жива и мыслила как человек. Однако, судя по моей неудержимой ярости, медленно переставала им быть.

— Я ничего не делала, — прикинулась идиоткой и недоверчиво подобралась. — Я бы не стала зачаровывать свои ножи проклятьем против себя же.

Старательно не смотрела на Ригана, чтобы не видеть огорчение и недоверие в его потухшем взгляде. Услышала тяжелый вздох, а затем охотник ожидаемо поправил:

— На ножах не было проклятья. Ты ведь понимаешь, что тебя ударило не оно?

Дергано повела плечом, демонстрируя наигранное безразличие, и предпочла промолчать. Если в моей голове и были какие-то догадки, я не хотела озвучивать их сама, будто так они стали бы окончательным, безжалостным приговором.

А вот Риган говорить не боялся.

— Тебя поразили светлые чары. Те, которые ты сама же и нанесла.

Жар стыда, охватывавший меня до этих слов, резко обратился в холод. Лед пополз по телу, постепенно заковывая в морозную броню. Сердце тревожно билось, застревая где-то в горле и мешая дышать.

Все-таки я ошиблась. Даже произнесенная кем-то другим, правда звучала обезоруживающе ужасно.

Немигающим взглядом уставилась в окно, за которым вовсю палило полуденное солнце. Несмотря на разгар учебного дня, на пары сегодня больше не пойду по официальному разрешению из медпункта. Хотя что-то хорошее в этом кошмаре...

— Ты же понимаешь, что не сможешь пользоваться прежним своим оружием? — вкрадчиво поинтересовался Риган, и я впервые за все это время, проведенное в лазарете, осмелилась на него взглянуть.

Лоб парня был изрезан напряженными складками, грозовые глаза казались темнее обычного, а идеальная осанка превратилась в сутулый и поникший силуэт.

— Понимаю, — дрогнувшим голосом отозвалась я и уронила лицо в ладони.

Меньше всего хотелось плакать на глазах у Ригана. Да вообще хоть у кого!

А слезы так и просились хлынуть из глаз. Почерневших, омерзительных глаз... Их щипало и жгло от непролитой тоски, но я до боли прикусила губу, заставляя себя хотя бы внешне сдерживать шквал эмоций.

Поверить не могу. Чары, что раньше накладывала против монстров и чудовищ, теперь срабатывали против меня самой... Собственная магия считала меня отродьем Тьмы.

— Где Лекси? — уронила дрогнувшим голосом, лишь бы отвлечься от убивающих мыслей.

— Без понятия. Может, тоже где-то в лазарете. А может, ей хватило простейших чар заживления.

После слов Ригана повисла тяжелая, густая тишина, что навалилась на плечи, мешая дышать. Я скрючилась еще сильнее, обхватила себя руками. Незаданный вопрос звенел в воздухе, а ответ уже жалил губы.

— Я не смогла сдержаться, — выдохнула и крепче стиснула себя в оковы рук. — Меня просто накрыло такой злобой, что не могла ей противиться. Словно... это вовсе и не я напала на Лекси.

Риган молчал, давая мне высказаться. Его понурый взгляд не выражал ни сожаления, ни прощения, которое почему-то так жаждала найти. Он просто кивнул и откинулся на спинку кресла.

— Тебе нужно больше заниматься, если не хочешь в скором времени...

На полуслове Риган прикусил язык, но я и без того прекрасно поняла, что он хотел сказать. Очередные наставления Дагера больше не злили, хоть и понимала — говорит он это не ради меня. И сидит со мной в лазарете тоже не ради меня. А потому что так обязывают правила — быть рядом со своим темератом, когда он ходит по грани. Ведь именно связанный охотник должен уничтожить союзника, если тот обратится в инфекта.

Или лучше сказать «когда»?

В любом случае, ответственность за меня теперь несет не Академия, а Риган. Убийство монстра, которым стану, — его обязанность и последний шанс за мой счет срубить побольше желанных очков...

— Занятия не помогут, — тихо буркнула замогильным голосом, но Риган все равно услышал мои причитания.

— Лучше не противься помощи, а прими ее. Ты ничего не теряешь.

— Теряю, — сквозь слезы, застывшие в глазах, глянула на парня и поджала дрожащие губы. — Я теряю время.

Риган выдержал мой взгляд, и мне показалось, будто что-то внутри охотника треснуло после моих слов. Надломилось совсем чуть-чуть, пошатнув его веру.

— Хочешь сказать, преподаватели ошибаются? Академия живет по мертвым законам? Зачем тогда эта система, которой идет уже десятый год?

— Потому что так удобно, — снисходительно пояснила я и грустно улыбнулась. — Неужели ты не видишь, что никто не ищет выход? Академия — просто госпиталь, куда со всей Империи свозят оскверненных, чтобы они под чутким присмотром дожидались неминуемой гибели. Нас загоняют в ловушку, чтобы удобно прихлопнуть. Чтобы охотникам было, на ком тренироваться. Все просто устали бороться и теперь, сложа руки, ждут чуда. Но чудо не случится, понимаешь? Темераты продолжают обращаться и погибать. Те, кого не смогли выловить, прячутся в подвалах и лесах, чтобы в итоге все равно покориться Тьме и стать ее источником для новых невинных душ. Это замкнутый круг, который расширяется с каждым годом. Но те, кого он пока не коснулся, почему-то твердо уверены — этого никогда не произойдет. Я тоже когда-то была такой же, а теперь долблюсь в глухие стены, пытаюсь найти дверь.

Риган ошарашено молчал. С каждым моим словом его лицо становилось мрачнее, а взгляд заволокли тяжелые свинцовые тучи. Он внимательно выслушал мою тираду, которую выпалила на одном дыхании.

Эти мысли давно не давали мне покоя. Точили днем, не отпускали по ночам, пока долго ворочалась

перед сном. Когда я облекла свою боль в слова и поняла, что меня услышали, стало немного легче. Однако я совсем не ожидала, что в конце моей пламенной речи, Риган скажет:

— Хорошо. И что ты предлагаешь делать?

В общей палате Фрая не оказалось, и мы с Риганом двинулись по индивидуальным боксам. По очереди открывали двери, заглядывали внутрь и с каменными лицами захлопывали обратно. Тревога за старого друга гремела в черепе с каждым шагом все громче. Только в конце тусклого коридора, когда мне уже начало казаться, что Фрая в лазарете и нет вовсе, Риган вдруг объявил:

— Он тут.

Я будто забыла, как дышать, и воздух застыл в онемевших легких. Меня окатило волной страха, смешанного с предвкушением. Пол поплыл под ногами, подталкивая к двери, за которой ждал Фрай. Я успела увидеть его бледное, но просиявшее улыбкой лицо. Была готова улыбнуться в ответ, но из странной эйфории вырвал звук шагов Ригана за спиной.

— Что? — короткие медные пряди, вновь упавшие на высокий лоб, задрожали, когда Риган вопросительно качнул головой.

Он смотрел на меня сверху вниз, и лицо его медленно вытягивалось, пока выталкивала охотника за дверь.

— Эй, Аста. Ты чего творишь? — под слабый и хриплый смех Фрая возмутился Риган. Я же бодро вытеснила напарника в коридор и бросила напоследок:

— Сторожи, чтоб никто не пришел.

— А если...

— Дашь предупредительный сигнал!

— И какой же?!

Дверь с хлопком захлопнулась, едва не прицелкнув чуть вздернутый нос охотника. Последним, что увидела при этом, была гроза в глазах парня.

Я ожидала, что он снова ворвется в палату и отчитает за странное поведение, или, того хуже, накажет каким-нибудь мерзким заклятьем. Однако за дверью повисла тишина, никто не пытался вломиться в бокс, а единственным звуком в палате был смех Фрая.

— Ну, ты даешь! — темерат приподнялся в кровати и сел, облокотившись на подушки. — За что ты так с Дагером?

— Мы с ним связаны. Так что око за око, — отмахнулась, хотя понимала, что не права.

Риган пока что ни разу не превысил своих полномочий надо мной. К тому же пошел на уступки и поддержал просьбу поговорить со старым товарищем. Разумеется, пришлось рассказать охотнику о подозрениях, что в напитках на балу было что-то подмешано, и Фраю не повезло угоститься из ядовитой чаши. Однако я утаила догадки о тайных доброжелателях и возможной попытке сорвать церемонию связи.

Охотник так и остался в недоумении: почему ворочу нос от занятий, которые якобы должны стать моим лекарством, но со всей прытью рвусь в мутное и, возможно, пустое расследование. Ведь как случившееся с Фраем может быть связано с поиском исцеления?

Я и сама пока не до конца понимала, за чем гонюсь. Одно знала точно: мне нужно противоядие. И как можно скорее. Но где его найти?

У меня имелось не так много: воспоминания из поместья Линетти, где произошло роковое нападение, «разбитое» заклинание крови и единственный из всех случай столкновения с чистой Тьмой.

Все.

Этого катастрофически мало, если планируешь в кратчайшие сроки разгадать загадку девятилетней давности и спасти свою жизнь. Тем более, пока что я сделала все возможное: обшарила доступную библиотеку от плинтуса до потолка, поговорила с темератами и попыталась улизнуть от связи.

Прахом пошло все.

И, по-хорошему, стоило бы явиться в бокс к Фраю, только чтобы закончить начатое — поговорить о его обращении. Но то ли я уперлась в тупик и не знала, что делать дальше, то ли мне действительно показался подозрительным и важным инцидент на балу... Но я решилась ввязать в общее полотно своих проблем ещё и эту нить.

— Поболтаем? — мягко улыбнулась и подошла к измятой постели.

Вместо ответа Фрай поймал мою ладонь и сжал в прохладных пальцах. Несмотря на недуг, ему удалось достаточно настойчиво притянуть меня ближе к краю кровати.

— Садись, — пригласил он, когда улыбка сползла с моего лица и сменилась смущением. — Не бойся, я не кусаюсь. Пока что.

Он снова засмеялся, прикусив губу, а мне стало не по себе. Тоскливо и больно.

— Отвратительная шутка, — качнула головой, но все же села на кровать поверх плотного одеяла, которым до пояса укрывался темерат.

— Да ладно, — левый уголок губ парня чуть приподнялся. — Пока я над этим смеюсь, мне легче. Без юмора, боюсь, сойду с ума.

Мои брови коротко дернулись в удивлении, но ничего ответить не успела. Фрай снова сжал мою ладонь в своей, и на этот раз деться от его касаний было некуда.

— Я так рад, что ты заглянула! — с чувством бросил он, и я окончательно стушеввалась.

— Вообще-то я зашла поговорить. Ну, знаешь, задать пару вопросов...

Он не сводил с меня глаз. Раньше от такого неожиданно пылкого взгляда я бы растеклась блаженной лужицей, но сейчас это леденило душу и, что важнее, стопорило дело.

— Я весь во внимании, — снова эта улыбка.

Если бы не знала Фрая, решила бы, что издевается. Но сейчас вариант оставался только один:

— Ты пьян, да? — выдавила, а в голосе против воли скользнула обида.

— Ни капли. Дыхнуть?

— Не надо, — попросила почти строго, но сделать ничего не успела.

Фрай легко притянул меня за руку, которую все еще держал своей. Я чуть вскрикнула от внезапности и страха рухнуть на лежащего в койке темерата, но тот поймал меня за плечо, когда между нашими лицами расстояния практически не осталось.

— Я абсолютно трезв, — его дыхание защекотало мои губы, а от близости стало жарко.

Фрай был одет в легкую белую рубашку, но ее пуговицы оказались расстегнуты до середины груди. Я не опускала взгляда от лица бывшего охотника, но все равно краем глаза видела, как под одеждой вздымается сильная мужская грудь.

Щелчок двери прозвучал в удушающей тишине громом, а от голоса Ригана я подпрыгнула на месте и чуть не отлетела к противоположной стене палаты.

— Ты там скоро? — начал напарник, но тут же, будто подавившись воздухом, умолк.

Очень медленно, избегая смотреть на Фрая, я обернулась. Коротко взглянула на Ригана, чтобы увидеть округлившиеся глаза и зардевшееся лицо, и снова стыдливо уронила взор.

— Скоро, — отозвалась чужим голосом и услышала, как снова закрылась дверь.

Отчего-то хотелось рычать и рвать на себе волосы. Я порывисто встала и отошла за изножье кровати.

— Так, на чем я остановилась? — затараторила со сбившимся дыханием.

— Могу напомнить, — улыбнулся Фрай и начал пододвигаться ко мне.

— Не надо! — чуть не взвизгнула и отпрыгнула в сторону двери.

Мой резкий тон отрезвил темерата. Улыбка растворилась, темные брови хмуро стянулись к переносице, а каскад густых ресниц прикрыл затуманившиеся глаза, в которых плескалась мгла.

Мне стало немного совестно, а потом — обидно. Не было сомнений, что кто-то сказал Фраю, как сохла по нему, пока тот еще учился в Академии. В голове зароились нестройные мысли, сменяя одна другую.

Неужели Фрай, как и Эйлин, ищет последней любви? Но не чистой и невинной, а хоть какой-нибудь. Ведь, если подумать, я для него — самый доступный вариант. Только с истекшим сроком годности, потому что чувства к Фраю угасли больше года назад, а сейчас и вовсе сменились страхом.

Он действительно пугал меня.

— Послушай, — отчеканила деловым тоном, стараясь не смотреть на парня, — мне важно знать, есть ли у тебя в Академии друзья?

— Друзья? — эхом повторил он, будто слово было незнакомым.

— Кто-то, кто мог бы желать тебя защитить, — разжевала терпеливо и крепче стиснула пальцы, которыми вцепилась в изножье.

От мысли, что бокал мог предназначаться мне, отказалась сразу же. Хоть и хотелось верить, будто это отец тайно пытался помочь мне избежать церемонии, я не могла упускать очевидные факты.

Официант первым делом обратился к Фраю. Подал ему заранее подготовленный бокал. С любимым напитком бывшего охотника!

Однако после отвратного вечера для Фрая последовало терпимое утро, а единственный отпечаток испитого накануне пунша — затянувшаяся эйфория.

Выходит, его не пытались убить или навредить, а хотели лишь временно вывести из строя. Как раз на время церемонии.

Все складывалось. А единственная часть мозаики, которая пока была для меня тайной, заключалась в том самом доброжелателе, что все еще оставался в тени. Кто приказал официанту поднести Фраю бокал?

Меня не отпускала надежда, что этот кто-то может знать о темератах, церемонии и Тьме больше, чем я. Глупая, пустая, необоснованная вера... Но пока она была, я чувствовала, что все ещё живу.

— Хорошо подумай, Фрай. Кто может дорожить тобой?

Он задумчиво притих, и я немного расслабилась. Даже начала шарить по поясу с прикрепленным кожаным кармашком. В нем должен был ютиться фолиант, но после перевода к темератам меня лишили этого артефакта, а его место, сиротливо опустевшее, заняли чистая бумага и кусочек грифеля.

Я собиралась под диктовку записать список имен. Была готова пройтись по всем его товарищам, немного поговорить. Где-то надавить. Я предвкушала разгадку и трепетала от надежды, что мигом рухнула, едва Фрай снова заговорил.

— Зачем тебе это? Ревнуешь? — он криво улыбнулся и вновь потянулся ко мне.

— Что? Нет! — всплеснула руками и досадливо уронила голову. — Дело вообще не в этом. Просто назови имена.

Однако все попытки достучаться до Фрая с треском провалились. Он вел себя как мальчишка: ужимисто хихикал, кокетливо улыбался и, о, ужас, строил мне глазки.

— Не обижайся, Аста! — проворковал он, когда, совсем отчаявшись, направилась на выход. — Я ведь шучу.

— Угу, конечно, — буркнула себе под нос, едва не скрипнув зубами.

— У меня нет друзей. Кроме тебя.

Я обернулась и уставилась на него широко раскрытыми глазами. Опять шутит? Или пытается унять мою обиду, которую сам же и надумал?

Ни на один вопрос не смогла найти ответ на его взволнованном лице. Его взгляд метался, губы превратились в бледную нить. Фрай заметно переживал, но окончательно запутался и не понимал, чего я хочу.

— Я не обижаюсь. Не злюсь. Не ревную. Возможно, кто-то пытался уберечь тебя от церемонии, вчера на балу, — пояснила, решив дать своей затее последний шанс. — Я пытаюсь понять, кто это

был. Только и всего.

Последние слова прозвучали на выдохе ровно и спокойно. Однако в моей голове они пульсировали яростным пламенем.

Только и всего? Ну-ну. На кону «только и всего» моя жизнь и ещё сотни других.

Фрай вновь нахмурился, размышляя об услышанном. Тонкие пальцы темерата впились в белую простыню, а лоб изрезали напряженные морщинки. Я вновь шагнула вглубь комнаты, надеясь все-таки услышать заветный список. Но парень лишь качнул головой.

— Не знаю, Аста. Правда. Меня зачислили на две Луны раньше тебя. Всего пара дней — и мы бы учились вместе.

— К чему ты это? — склонила голову набок и внимательно сощурилась.

— К тому, что у меня за такой короткий срок друзей не появилось. Я одиночка, каким был всегда.

Задумчиво кивнула, а в повисшей тишине мой тяжелый вздох прозвучал совсем уж отчаянно. Действительно, Фрай никогда ни от кого не зависел. У него не было своей компании, он не крутился в группах других ребят и не окружал себя толпами, как это делает Риган. Фрай со всеми приветлив и доброжелателен. Но все это — на расстоянии вытянутой руки. Решишь шагнуть чуть ближе — и рискуешь упереться в глухую стену.

Как раз в такую я билась пару лет назад, когда была во Фрая влюблена. Мы общались, но он никогда не выделял меня среди других, таких же не друзей.

Удивительно, что сейчас он вдруг причислил меня в элитный список близких, в котором, кажется, была единственным участником.

— Почему я? — спросила неожиданно даже для самой себя.

Фрай поднял безупречно черный взгляд к моему лицу, и я не стала отводить глаза. Даже когда ощутила, что начинаю мелко дрожать.

— Потому что я тебя знаю, — хрипло отозвался Фрай, но мне этот ответ не понравился.

Выходит, он не влюбился в меня спустя столько лет. Не заинтересовался, потому что я ему понравилась. А выбрал лишь потому, что в этом лагере обреченных я единственная, кто любил его до обращения.

— Выздоровливай, Фрай, — сказала тихо и выскользнула за дверь, не дожидаясь ответа.

ГЛАВА 13

— Наконец-то. Я уж думал, мы получим по шее, — бурчанием встретил меня Риган, едва оказалась в коридоре.

— И с чего вдруг мы бы получили? — постаралась, чтобы голос звучал невозмутимо, но беспокойные руки все равно выдавали волнение с головой.

Я теребила рукава форменного платья, дергала амулет, пропускала под кончиками пальцев холодные звенья тонкой цепочки. Мы с Риганом избегали смотреть друг на друга, все еще испытывая неловкость за ситуацию, случившуюся в палате Фрая. Недоразумение, но оно изрядно пошатнуло спокойствие обоих.

— С того, что ходим, где не надо. В лазарете переполох, — Риган двинулся вдоль коридора и продолжил пояснять на ходу. Чтобы слышать, что говорит охотник, пришлось следовать за ним в сторону выхода из лекарского крыла. — Ты не единственная, кто набедокурил на тренировке.

Я молчаливо закатила глаза, но встревать не стала. Быстрым шагом мчалась за Риганом, пока он говорил:

— Преподаватель на занятие так и не вернулся, и какие-то ребята умудрились опрокинуть стойку с оружием. Говорят, кого-то нехило завалило железками.

— Да уж, — покачала головой и состроила недовольную мину. Однако оценить мою гримасу возмущения было некому. Риган на меня по — прежнему старался не смотреть. — А мы-то тут причем? Стойку опрокинули они, а по шее — нам?

Риган притормозил, пропуская строй бегущих медичек. В охапках, в фартуках и в корзинках они тащили целую гору лекарственных зелий.

— Главная сестра несколько раз проходила по коридору, — тихо пояснил Риган. — Я боялся, она заподозрит, что не просто так подпираю стены в лазарете.

— Но? — уловила что-то в его интонации и подтолкнула к продолжению изгибом брови.

— Но она мне ничего не сказала. В последний раз так вообще вышла из своего кабинета и чуть ли не бегом растворилась в коридорах. Нам просто повезло, ещё чуть-чуть и...

Идея вспыхнула неудержимым пожаром, а под кожей поползло нетерпение. Мышцы от напряжения обратились в тугие пружины. Я резко развернулась на пятках и ринулась обратно вглубь лазарета.

— Аста! Стой! Куда ты?

Риган не сразу сообразил, что происходит, а потому ему пришлось догонять меня, попутно пытаясь не натолкнуться на кого-то из персонала лазарета.

— Да остановись же ты! — уже громче и настойчивее попросил он, и я впервые за все короткое время нашей связки почувствовала, что хожу по грани.

Еще немного и он накинёт на меня парализующие чары.

Боясь оказаться под воздействием неприятного заклятья, я замедлила шаг и свернула в безлюдный коридор. Кивком подозвала Ригана к себе, и он нерешительно подчинился.

— Мне нужно попасть в кабинет главной сестры, — не стала ждать вопроса и бросила сразу в лоб.

Риган ошарашено заморгал, глядя на меня с недоверием. Я видела, как он переваривает услышанное и как все сильнее стягиваются к переносице его брови. Он строго хмурился, готовясь вот-вот приказать выкинуть из головы дурную затею.

Но я опять опередила его, сказав:

— Это важно. Там должны быть истории пациентов, назначения... Мы можем узнать, что случилось с Фраем и чем его отравили.

Риган моего энтузиазма не разделял. Глядел на меня, чуть прищурившись и скрестив руки на груди, а в сером взгляде опять сгустились грозовые тучи.

Я прикусила губу и уронила взор. Кажется, он мне больше не верит. А все из-за той глупой сцены в палате Фрая. Наверняка Риган решил, будто я ходила к темерату на свидание, а поиски ответов были лишь предлогом.

— Пожалуйста, — выдохнула, глядя в пол. — Это моя последняя просьба.

Послышался протяжный вздох, а потом парень устало пробормотал:

— Сомневаюсь.

Повисло тяжелое молчание, которое разбавляли далекие голоса лекарок и собственный пульс, что частой дробью бился в висках.

— Пошли, — вдруг бросил Риган и зашагал вперед меня. Но не на выход из лазарета, а обратно в коридоры, откуда мы не так давно собирались уйти.

Я часто заморгала, не веря глазам. Риган же остановился, спрятав ладони в карманы темной форменной куртки, и обернулся.

— Идешь? — коротко спросил он.

Усилием воли сбросила оцепенение, бодро закивала и почти бегом ринулась за ним. Мы быстро миновали бледные безликие ходы лазарета, что из-за переполоха в приемных покоях резко опустели, и оказались у двери кабинета.

Пока я воровато озиралась по сторонам, Риган осторожно повернул ручку... и та легко поддалась.

— Посторожишь? — неуверенно уточнила я, а Риган твердо качнул головой.

— Нет уж. Прошлого раза с головой хватило. Я с тобой.

Хоть парень ничего такого и не сказал, от его слов я вновь залилась краской стыда. Однако смешанные чувства не заглушили голос рассудка, что приказал шагнуть внутрь комнаты, а не мяться у порога.

— Ты все не так понял, — избито оправдалась, когда мы оказались внутри кабинета.

Риган же одарил меня удивленным и несколько огорченным взглядом:

— Мы вломились сюда, чтобы поболтать? — он криво улыбнулся, и мне отчаянно захотелось, чтобы прямо сейчас пол подо мной рухнул.

Я расстроено отвернулась и решила сосредоточиться на деле. Из всех сил постаралась приглушить бурлящую от эмоций кровь и осмотрелась.

Обычный кабинет с кучей стеллажей по периметру и рабочим столом у окна. На полках полно папок с буквенными и цифровыми указаниями. Под стеклом прячутся пузатые пузырьки зелий. На некоторых прозрачных шкафчиках висят замки, на других их нет. Однако из всей обстановки мое внимание сразу привлек заваленный бумагами стол.

— Что мы ищем? — Риган бродил вдоль полок с папками, задумчиво изучая указатели на них.

— Что-нибудь на Фрая Белидора. Заметки лекарей, рецепты на зелья... Без понятия, что за бумаги заполняют в лазарете, но подойдет все, что найдем.

— Не понимаю, зачем тебе это, — отозвался парень, уткнувшись носом в серые ряды документов.

Я подхватила со стола стопку каких-то листов и принялась их бегло пролистывать:

— Говорю же, кто-то хотел его отравить...

— Чтобы выбить из церемонии, — закончил Риган, хотя о своих догадках ему не говорила.

Тут же прекратила прогонять под пальцем бумаги с коряво выведенными чужими именами и пронзила охотника цепким взглядом:

— Ты так думаешь?

— Ты тоже. Так ведь? — парировал он и отвернулся от полки.

В коридоре загремели чужие шаги, и мы оба притихли. Я даже зачем-то согнула ноги в коленях, будто готовясь прыгнуть или спрятаться под стол. Только сомневаюсь, что это бы меня спасло...

К счастью, шум снаружи стих, но разговор мы продолжили уже шепотом.

— Да, я считаю, что это было сделано специально. Поэтому и ходила сегодня к Фраю.

— Да-да, — лукаво улыбнулся Риган, а мне будто плетью ударили по щекам.

Я крепче прижала стопку бумажек к груди и впиалась в них пальцами. Наверняка останутся следы от ногтей, но я об этом и думать забыла. Внутри кипело странное, едкое чувство, которое я всеми силами пыталась заглушить, и потому вновь возмутилась:

— Я серьезно. То, что ты видел...

— Я не хочу обсуждать то, что я видел, — пожал плечами напарник и отвернулся к стеллажам. — Это ваше дело, Аста. Я ничего не имею против.

— Прекрати! — почти застонала я. — Из Фрая ещё пунш не выветрился, вот он и вел себя так. Все мои расспросы кончались его дурачеством. Он не смог мне ни одного имени назвать, а потому у меня нет подозреваемых!

Риган вновь резко обернулся, на этот раз держа в руках папку. Он в пару шагов пересек комнату и серьезно заглянул мне в глаза. От такого напора я забыла, как дышать, и нервно застыла.

— В таком случае, ты не думаешь, что он вел себя так специально? — поинтересовался Риган. — Тебе не кажется, что он пытался кого-то прикрыть?

Я тяжело сглотнула, но глаз не отвела. С достоинством выдержала ураган, бушующий под густыми ресницами парня, и спросила:

— И кого же?

Папка с тихим хлопком упала между нами на стол, о который Риган уперся ладонью и чуть склонился ко мне. Сердце тревожно забилося, и Тьма ледяными струнами потянулась по жилам.

— Себя, — уверенно ответил Риган. — Почему ты отказываешься видеть самый очевидный вариант?

Я глупо открыла и закрыла рот, слепо глядя в пол. Раз за разом прокручивала в памяти вечер церемонии, все отчетливее убеждаясь — Риган вполне может быть прав.

Его догадка сразу многое расставила на свои места. Ведь редко кто будет сражаться за нас рьяней, чем мы сами. А чтобы спасти собственную шкуру, можно пойти на любые хитрости. Уж я-то знаю это как никто другой.

Теорию Ригана нельзя списывать со счетов, однако в ней полно шероховатостей. Допустим, Фрай побоялся выпить заранее подготовленное зелье просто так, без шоу, потому что опасался наказания за уклонение от обязанности вступить в связку. Хорошо, пусть так. Выходит, темерату нужно было создать видимость отравления?

Тут и начинаются сложности. Как удалось подговорить официанта, и почему Фрай не побоялся огласки? Может, в бокале ничего и не было, а весь этот спектакль с подносом и напитками — простое совпадение?

В конце концов, Фрай мог проглотить что-то, пока мы шли к портьеру. В темноте и суматохе это очень просто скрыть, а по залу всегда ходила куча прислуги. Подойди к любой, отпей из случайного бокала, а ранее проглоченная отравка все равно начнет действовать, и откуда она взялась никто уже не узнает.

Подкуп? Иллюзия? Умелое представление и подстава?

Нет ни одной зацепки, чтобы быть уверенными хоть в чем-то. Но и теория Ригана, несмотря на очевидные провалы, все равно казалась вполне вероятной. Однако чтобы понять что-то наверняка, нужны хотя бы бумаги из лазарета.

Я пыталась продумать различные пути реализации теории Ригана, и уже неосознанно верила в виновность Фрая. В груди расцветал букет из досады и обиды. Чувствовала себя ребенком, которого водили за нос и ловко манипулировали. Как могла так обмануться? Повестись на старую привязанность и смотреть сквозь пальцы, не замечая очевидного?

— Выходит, я задавала не те вопросы, — вынесла вердикт и вновь погрузилась в тягучее болото мыслей.

Фрай ведь еще на балу настаивал, чтобы я спросила его об обращении. Уже тогда он хотел рассказать что-то важное или, может, предупредить, но я замаялась. Упустила момент и опоздала. Яд зелья оказался быстрее меня, однако от церемонии все равно не уберег.

— Хочешь снова вернуться к нему в палату? — мне показалось, что в голосе Ригана сквозило огорчение.

— Не сегодня. Подожду, пока у него мозги просохнут от алкоголя, — заключила, снова уткнувшись в бумаги, что покрыли столешницу белой скатертью. — С ним бесполезно сейчас разговаривать.

Риган усмехнулся, и сначала я решила, будто его позабавила моя неумелая шутка. Однако уже через мгновение он протянул мне вынутый из папки лист, на котором значилось имя Фрая.

— Может, расскажешь, что за «правильные» вопросы хочешь ему задать? Вместе думается быстрее.

С удивлением глядела на его протянутую руку. Несмотря на то, что парень держал в ней документ, меня не покидало чувство, будто этот жест значит кое-что гораздо большее.

Однако я не успела обдумать предложение охотника. За дверью послышались шаги, а мы с Риганом испуганно переглянулись и застыли.

— Валери, — крикнула женщина, стоящая прямо на пороге кабинета, в который мы незаконно пробрались, — ты не знаешь, где ключи?

Пользуясь замешательством незваной гостьи за дверью и ступором Ригана, я вырвала документ из его пальцев и скомкала быстрее, чем парень успел отреагировать.

— Ты что творишь? — одними губами прошелестел он, выпучив грозовые глаза.

Я же без зазрений совести оттянула воротник платья и спрятала ворованный бланк под одеждой. Глаза Ригана округлились ещё больше, а челюсть отвисла.

— Ключи? — из глубин коридора донесся второй голос, который постепенно приближался. — Они разве не у тебя?

Пока Риган бесшумно левитировал опустевшую на один лист папку на законное место, я выхватила из ближайшего шкафчика с зельями, на котором не было замка, случайный пузырек. Напарник, который неожиданно превратился в соучастника, вопросительно уставился на меня и потряс ладонью, указывая то на меня, то на прозрачный ящик.

— Нет, они не у меня! — опять крикнули под дверью, а я раздраженно закатила глаза.

Подумать только. Нашу шкуру спасает пустая перепалка, которую можно было решить в секунду. Дверь-то открыта.

И, кажется, об этом догадалась не только я.

— Тогда дерни ручку. Там открыто!

— Сюда! — шикнула, ныряя под стол.

Риган бесшумно перепрыгнул через столешницу и забился в тесное укрытие рядом со мной. Моя коленка уперлась ему в грудь, а его голова легла мне на плечо. Я попыталась сменить неудобное положение, но дверь резко отварилась.

Звуки шагов перемещались по комнате так, будто вошедший наворачивал круги просто для разминки. От одной стены к другой, от стеллажа с папками к столу. Я даже запаниковала, решив, что мы оставили какие-то улики, и тело затопил жар.

Тьма внутри взвилась от нетерпения, кончики пальцев зудели от черной магии, что рвалась наружу. Голос внутри нашептывал, что могу укрыть нас в тенях, спрятать под покрывалом мглы... Но я не рискнула испытывать судьбу и всеми силами прогоняла назойливый зов.

Пока хозяйка кабинета бродила от стеллажа к стеллажу, я боялась дышать и ловила каждый вздох, чтобы тот не разразился громом среди тишины кабинета. Страх кипел адреналином, обжигал обезумевшее сердце.

Риган, кажется, чувствовал то же самое. Я коленкой ощущала, как под ребрами трепещет его сердце. Со стыдом осознала, что и парень мое слышит просто отлично, ведь его голова покоится на моей груди.

Я вздрогнула, когда что-то с хлопком упало на столешницу, под которой мы прятались. Риган попытался повернуть голову, чтобы взглянуть мне в лицо, но малейшее движение вызвало шорох ткани. Боясь быть разоблаченной, тут же накрыла его голову ладонью, этим жестом молчаливо прося не двигаться.

Парень все понял и замер, но руку отнимать не спешила. Боялась пошевелиться лишний раз, а потому позволила пальцам зарыться в короткие жесткие пряди.

Сердце гремело громче шагов так неудачно вернувшейся медицинской сестры, но я отчетливо разбирала все ее перемещения. И когда та приблизилась к столу, оцепенело вжалась спиной в угол, будто это могло меня спасти.

Однако когда женщина, собираясь присесть, отодвинула стул, ничто не помогло скрыться. Даже чары невидимости, которые попытался наложить на нас Риган, сработали с издевательским хлопком.

ГЛАВА 14

На ковер к ректору мы направились под аккомпанемент ругательств. Крики старшей лекарки стянули к кабинету столько народу, что слабая надежда замять конфликт умерла еще в зачатке.

Всю дорогу медичка бранила нас и клялась добиться самой суровой кары за преступление, которое мы совершили. Те же гневные речи женщина толкала и в кабинете отца, при этом так яростно жестикулируя и брызжа слюной, что к концу тирады ее лицо покраснелось и заблестело от пота.

Отец слушал молча и иногда кивал, показывая, что заинтересован в беседе. Он дал пострадавшей выговориться, а затем пообещал, что накажет провинившихся студентов по всей строгости.

Едва за разъяренной медичкой захлопнулась дверь, комната погрязла в тяжелом молчании.

— Ну, — протянул ректор, переводя на нас бесцветный взгляд, — и зачем вы вломились к госпоже Брокк?

Краем глаза глянула на Ригана, и по коже тут же прополз неприятный холодок.

С того момента, как нас поймали, он не сказал ни слова. Поник, стал бледнее серых, унылых стен госпиталя, приклеил потемневший взгляд к полу и будто проглотил язык. Даже медные волосы, казалось, немного выцвели и потускнели.

Я тяжело сглотнула, ощутив укол совести. В конце концов, это ведь по моей вине Ригана поймали. Залезть в кабинет старшей сестры было моей безумной идеей.

— Вы будете стоять здесь, пока не признаетесь, — угроза зазвенела в ректорском голосе стальными нотками. — Или думали, все сойдет с рук?

От последних слов отца тут же встрепенулась и крепче сжала в ладони флакон, украденный из кабинета госпожи Брокк. Я и думать забыла о том зелье, что спонтанно и абсолютно бездумно выхватила с полки! Пузырек был настолько мал, что никто до сих пор не заметил, как прячу его под плотно стиснутыми пальцами. А сама так погрязла в мыслях о поиске выхода, что забыла о самом очевидном из них...

— Вот, — я раскрыла ладонь, явив взгляду отца прозрачный пузатый пузырек.

Мои глаза не успели даже скользнуть по бирке, привязанной к пробке, а ректор уже левитировал ворованный эликсир к себе на стол.

Краем глаза заметила, как Риган взметнул на меня удивленный взгляд. Впервые за время нашего ареста он ожил, но я не спешила отвечать на его немой вопрос. Даже голову не повернула, боясь, что в этой молчаливой беседе отец заподозрит новый обман.

— Слабительное зелье? — вслух прочитал ректор наименование украденного лекарства и окинул нас укоризненным взглядом.

Я боялась, что он догадается. Поймет, что зелье — лишь прикрытие, а настоящая причина проступка кроется в другом.

Скомканный документ на имя Фрая все ещё прятался у меня под воротом платья и обжигал кожу. Пальцы тянулись к ткани, ужасно хотелось ее расправить или накрыть ладонью. Вдруг все-таки где-то торчит клочок бумаги? Но я сцепила руки в замок позади спины и опустила голову, чтобы скрыть горящие щеки.

Отец воспринял это как проявление стыда, а не попытку утаить ложь. Довольно усмехнулся и откинулся на спинку кресла.

— Планировали вывести из строя сильных противников? Подмешать слабительное в еду?

Мы с Риганом молчали, понутив взор. Оба боялись разрушить хрупкую легенду и навлечь на себя ректорский гнев.

— Баллы нужно набирать своими стараниями, а не обманом лишать оценок других, — тем временем читал нотации отец. — Кстати, господин Дагер, сколько заказов за сегодня вы успели исполнить вместе с госпожой Навье?

Я не удержалась и вскинула на отца возмущенный взгляд. Уж очень явственно в его голосе звучали издевательские нотки. Наверняка ведь знает, что мы весь день не просто так провели в лазарете!

— Господин Френель, — вторя моим мыслям, оправдывался Риган, — Аста повредила руку на

тренировке. Я не стал рисковать и лезть в заказы.

Оценивающий взгляд ректора скользнул по мне.

— Как и госпожа Брокк, сомневаюсь, что состояние Асты настолько плачевно, и она не смогла бы взяться за простейшее задание. Скажем, первого уровня сложности.

Блеклые глаза глумливо сверкнули, а я едва не взвилась от возмущения. Именно на самом легком задании я и получила свою метку Тьмы. И отец об этом прекрасно знает!

— Надеюсь, вы понимаете, что придется понести наказание, — протянули из-за ректорского стола. — Я бы мог назначить вам отработки. Куда вам больше хочется? Мыть посуду или мести аудитории после занятий?

Издевка в голосе мужчины мешалась с неприкрытым весельем. А я тем временем ощущала себя как на иголках. Вот чего точно еще не хватало, так это по вечерам подменять уборщиц и кухарок. У меня ведь так много времени. Целое море! Почему бы не провести драгоценные минуты в компании грязных кастрюль или пыльных подсобок?

Риган моих терзаний не разделял, а потому отец быстро изменился в лице. Немногочисленные морщины вокруг глаз и на лбу стали резче, они жесткими линиями впились в кожу. Брови низко нависли над недобрыми глазами, а деланная улыбка не сулила ничего хорошего.

— Пожалуй, я сжалюсь над вами, — в голосе ректора притаилась угроза. — Не заставлю махать швабрами и метлами. И даже не запру на кухне. Обойдемся только штрафными баллами.

Риган тут же вскинул голову и едва удержался на месте, чтобы не сделать порывистого шага к ректорскому столу.

— Господин Френель, — начал он, но отец договорить не дал.

— Вы хотите сказать, что наказание несправедливое? Думаете, почему штрафую лишь охотника, но ничем не ограничиваю темерата?

Я напряглась и крепко сцепила челюсти. Меня нечем наказывать, а единственное, что можно отнять — время. Одно неаккуратное слово Ригана, и вместо поисков исцеления пойду танцевать с метлой вдоль пыльных коридоров.

Отец почувствовал мое волнение и, ухмыльнувшись, вновь обратился к Ригану:

— Я могу разделить наказание, если вдруг выяснится, что не вы виноваты в случившемся конфузе. Тогда получите в разы меньше штрафных баллов, а госпожа Навье заслуженно отправится на отработки. Вы ведь понимаете, совсем без санкций оставить вас, как соучастника, не могу. Вопрос лишь в доле вины...

Это несправедливо. Отец играл чувствами, искренне наслаждаясь чудным зрелищем — с каждым словом мое лицо все сильнее косило от гнева. Но и сделать ничего не могла, ведь ректор прав. Я зачинщица и главная виновница, а Риган — жертва моего порыва.

Всего пара слов Ригана, и баллы останутся при нем ценой моего времени, что обратится в пыль.

Риган молчал недолго, но за эти короткие мгновения сердце чуть не сломало ребра. Билось о них с такой силой, что казалось, его удары слышит каждый в этой комнате.

— Нет, господин Френель, — наконец, произнес Риган, а мое сердце утонуло в холодной Тьме, что накатывала волнами. — Я не могу сбросить свою вину на другого человека.

Я не верила ушам. Отец тоже подозрительно подобрался и прищурился. Даже чуть склонил голову набок, будто пытаясь разглядеть ложь.

— Это я попросил Асту влезть вместе со мной в кабинет госпожи Брокк. Вы правы, я собирался подкосить соперников, чтобы выиграть время и забрать лучшие заказы.

От такого поворота событий у меня даже перед глазами поплыло. Вновь увидела тени, выющиеся за спиной отца, рассмотрела его недовольный взгляд.

— Вы уверены, господин Дагер? — с нажимом уточнил ректор, подарив охотнику последний шанс на спасение своего личного дела.

Однако Риган за брошенную соломинку не ухватился. Расправил плечи и спину, вздернул подборок и решительно кивнул.

Во мне будто что-то оборвалось. Дыхание расширило онемевшие легкие, и я едва удержалась от шумного вдоха облегчения.

— Что ж, — помрачнев, заключил ректор, — тогда вам, господин Дагер, нести всю ответственность. Минус сто баллов. Свободны.

От услышанного я потеряла дар речи. Сто баллов?! Да некоторые за всю практику столько не набирают!

Метнула яростный взгляд на отца, но он уже не смотрел в нашу сторону. Опять уткнулся в бумаги и, даже не дожидаясь, пока студенты покинут кабинет, закурил.

На секунду во мне отчаянно вспыхнуло желание все исправить. Признаться, выложить на стол документы Фрая, громко заявить о своей вине и попросить снять с Ригана наказание. Но...

Отец ведь этого и добивался. И в случае моего раскаяния навесил бы дополнительные наказания, не отменяя старых. И что тогда? Самопожертвование Ригана — в пекло, и туда же мое драгоценное время.

Пока я металась в своих душевных порывах и глупо топталась на месте, Риган без слов покинул ректорский кабинет. Хлопок двери привел меня в чувства, и я бросилась следом.

Нужно извиниться перед Риганом и поблагодарить за данный шанс. Неужели он принял мои попытки найти лекарство от Тьмы?

Однако сделать ничего не успела, ведь когда вышла в коридор, Ригана там уже не было.

Рука, раненая на тренировке, больше не болела, но на пары сегодня решила не идти. Раз уж выдали освобождение от занятий, выжму из ситуации максимум пользы!

До вечера, пока у других шли пары и факультативы, я проторчала в библиотеке. Рылась в отделе по зельеварению, вытаскивая с полок книгу за книгой. Сначала ходила со стопками томов к читальному залу, но быстро устала бегать туда-сюда. Отстегнула от форменного платья черный плащ до середины бедра, подстелила его на пол и уселась прямо перед стеллажом.

Постепенно книги с полок перебирались ко мне, вниз. Я раскладывала их полукругом перед собой, и вскоре из потрепанных корешков и трухлявых страниц начала вырастать бумажная стена. Тома левитировали ко мне один за другим, но найти в них что-то полезное оказалось не так просто, как думала.

Точнее, сложно было понять, что написано на документе, украденном из лазарета. А потому не знала, что ищу.

Расправленный лист лежал на коленях, и за последние несколько часов я изучила его вдоль и поперек. Усталым взглядом сверлила неразборчивый почерк и боялась, что рано или поздно от моего нарастающего гнева страницы вспыхнут синим пламенем.

Я даже не понимала, на кого злилась больше. На человека, который изобрел такую сложную структуру документа? На лекарку, что не писала, а будто ногой карябала? Или на себя, за то, что не могу разобраться в чем-то?

Зельеварение мы проходили на первом курсе. Однако вскользь и больше для общего развития. Разбирать медицинскую документацию нас точно не учили. Я рассчитывала увидеть в записях знакомые названия эликсиров и что-то из этого понять.

Но большую часть времени я расшифровывала кривой почерк и подгоняла издевательские письма под знакомые слова. Не особо успешно.

Мне не терпелось встретиться с Эйлин и поделиться с ней найденной зацепкой. Уж студентка Академии Зельеварения наверняка должна знать, как решить эту задачку с рецептурой! Но до вечера Эйлин, как и остальные темераты и охотники, на занятиях. Расписания подруги у меня нет, и искать девушку по огромному замку — все равно что иголку в стоге сена. Бесплезно. Потому для начала и попыталась распутать непонятное дело сама.

Из-за медицинских головоломок умудрилась опоздать на ужин и явилась в столовую, когда она уже опустела. Накидала на поднос остатки, выставленные на раздаточной, и в гордом одиночестве плюхнулась за стол, усыпанный крошками. Выложила перед собой листок с немногочисленными пометками и, пока ела, прожигала его взглядом. Надеялась, что словлю озарение, но получила только новую волну раздражения.

Ну а чего можно было ожидать? Единственное, что я поняла за часы, проведенные за книгами —

Фрай принимает стабилизаторы. А их прописывают всем в лазарете. Даже мне сегодня их давали.

Пребывая далеко не в радужном настроении, я поплелась к башне общежитий. Нехотя поднялась на свой этаж и устало ввалилась в комнату.

— Где ты была весь день? — вместо приветствия выпалила Эйлин и тут же подскочила из-за стола. — Тебя не было на обеде. И на ужине!

Слабая улыбка коснулась моих губ, а на душе стало тепло. Мне будто снова лет восемь, и после долгой прогулки у порога встречает встревоженная мама...

— Я поужинала только что, — отчиталась, отгоняя приятные, но болезненные воспоминания. — А обедала в лазарете.

Глаза Эйлин медленно расширились.

— Так это ты на себя опрокинула стойку с оружием? Вся Академия только над этим и смеется!

— Что? — нахмурилась, но тут же вспомнила об апокалипсисе в лекарском крыле. Все действительно стоят на ушах из-за чьей-то выходки. — Нет, я там по другой причине была.

Избегая смотреть на подругу, прошла вглубь комнаты и, чтобы хоть как-то успокоиться и чем-то занять голову и руки, принялась наводить порядок в бумагах и на полках у стола. Взгляд Эйлин сверлил затылок, а воздух в тесной комнатке закипал от напряженной тишины.

— Ты ничего не хочешь мне рассказать? — осторожно спросила Эйлин, намекая на историю моего путешествия в лазарет.

Я медленно обернулась и кивнула. Хочу.

Но это не та история, которую Эйлин ожидает услышать.

— Ты уверена, что его отравили? — в очередной раз спросила Эйлин, бегая взглядом по украденным медицинским бумагам.

— Иного быть не может, — твердо кивнула и тоже склонилась над исписанными страницами. — Фраю после того бокала прямо на глазах стало плохо.

Эйлин задумчиво потерла подбородок, и я заметила, как на указательном пальце блеснул переливающийся камушек. Это кольцо у подруги раньше не видела. Неужели бал удался?

Уже хотела с улыбкой поинтересоваться о тайном кавалере соседки, но та возмущенно заявила:

— Тогда ничего не сходитя. При любых отравлениях обязательно выписывают антидот. Тут же все зелья — просто общеукрепляющие настойки и отвары. По логике наших лекарей, у Фрая случился голодный обморок или непереносимость духоты. Не более.

Слова Эйлин ввергли меня в полный ступор и сильно ударили по самообладанию. Тьма опасно закопошилась под кожей, подогревая гнетущую тревогу.

Неужели опять потратила время впустую? Бегала, что-то выспрашивала, торчала весь день в библиотеке и, самое ужасное, своей авантюрой подставила другого человека. Я искала зацепку в несуществующей проблеме?

— Может, они просто не знали, что Фрая отравили? — выдвинула самое глупое предположение в попытке удержать свое расследование наплаву.

Вопреки моим ожиданиям, Эйлин не отвергла идею сразу же, а притихла, вперив взгляд в почерневшее от опустившейся мглы окно. Температа вновь принялась изучать бумаги, торопливо перебирая их хрупкими пальцами.

— Наверняка ведь есть какое-то заклинание для проверки, — я пожала плечами, не припоминая ничего такого в программе охотников.

— Артефакт, — неожиданно поправила Эйлин и задумчиво прищурилась. — Выглядит как брошка, но если проколоть иглой кожу, хватит и капли крови, чтобы узнать наверняка. Камень изменил цвет — налицо недавно принятый эликсир.

— Думаешь, в нашем лазарете нет такого артефакта? — несколько подалась вперед и заговорила чуть тише.

Мы с Эйлин сидели на полу друг напротив друга, а между нами вместо ковра лежали бумаги и

книги.

— Ты что? — изумилась соседка, и ее брови полезли на лоб. — Конечно, есть. Это же мелочь. В моей прошлой академии такие броши носили все старшекурсники. Очень дешевая вещичка. Жаль, ломается быстро.

Я подтянула колено к груди и уперлась в него подбородком. Мозг закипал от раздумий, а мысли бродили по лабиринту, где каждый ход кончается тупиком. Сознание билось в глухие стены. Каждая неудача отзывалась в груди тягучей болью и очередным всплеском темной магии, что питалась негативом.

В такие моменты мне отчаянно хотелось забиться в угол и сдаться. Собственное тело казалось чужим и тесным, а мысли — навязанными. Меня затягивало в паутину самых мерзких чувств, что вгрызались в череп изнутри, топили под собой прочий мир и прошлую меня.

Страшное ощущение. Ты не можешь быть собой. Тело просит метаморфоз, а магия — поблажек на запретную силу. Дикая ломка. Но я знаю, что подчинившись, проиграю навсегда.

Поэтому, пока могу, вновь отодвигаю уныние, проясняю мысли и продолжаю бороться.

— Тогда артефакт дал сбой на Фрае? Сломался? Поэтому лекари не знали, что в крови темерата есть следы зелья? — выдвигала догадки одну за другой, но Эйлин непоколебимо качала головой.

— Сомневаюсь. Сложно не заметить, когда ломается такой артефакт. Он рассыпается пылью.

Незнание — неприятная штука. Ты пытаешься нырнуть на глубину, хотя до этого ходил у кромки воды. Вот и я хотела понять Эйлин, но не могла.

Мысли вязко тянулись одна за другой, но в каждой — огромный пробел. Я крепко сжала пальцами переносицу и закрыла глаза. Я ввязалась в дело, от которого безнадежно далека...

— Есть у меня одна идея, — наконец, робко объявила Эйлин и хлопнула тонкой ладонью по стопке листов, зачитанных до дыр. — В общем. Меня на факультативе по зельям научили одной штуке...

— Ты ходишь на факультатив? — брови стянулись к переносице, когда я удивленно отклонилась назад.

— Сегодня был первый день.

— Так вот куда ты с утра убежала, — догадалась я, а Эйлин довольно кивнула.

— Сейчас о другом, — она вмиг стала еще серьезнее. Глаза чуть сузились, черты лица заострились. — Вступительным испытанием было зелье «Ликвидум». Мне выслали рецепт и указали крайний срок. Я удивилась, что для проверочного задания выбрали такое сложное в исполнении варево...

Эйлин притихла и скривилась, явно вспоминая чудные мгновения приготовления зелья. Она заметила мое недоумение и коротко пояснила:

— Взрывоопасная вещичка. Столько колб перебила...

Мы захихикали, позволив себе немного расслабиться, что было крайне необходимо. Ведь чем больше Эйлин говорила, тем сильнее меня знобило.

— Так вот, — подруга откашлялась и вернулась к главной теме, — это зелье может маскировать все прочие. Оно блокирует проверочные артефакты, и кровь считается «чистой».

Заявление Эйлин вдохнуло в меня веру... и новые опасения. Если в деле замешан еще и этот «Ликвидум», получается нехилый снежный ком.

— Ты приготовила его до бала?

Эйлин кивнула и произнесла, предупреждая следующий мой вопрос:

— Отнесла в подвал, на стойку к другим экзаменационным зельям.

На языке уже вертелись новые обвинительные догадки, но подруга опять меня опередила:

— Говорю же. Взрывоопасно! Поэтому в подвале.

Я устало потерла лоб и тяжело вздохнула. Стоило бы радоваться — новый поворот лабиринта, и уже вовсе не тупик! Но что-то подсказывало, этот ход будет очень ветвистым и безумно длинным.

— Судя по тому, что ты бегаешь на факультатив, зелье удалось, — подытожила очевидное.

Эйлин пожала плечами и принялась наводить порядок, собирая разбросанные листы в одну ровную стопку:

— Не знаю. Может, желающих было немного, и взяли всех? Нас всего около десятка туда ходит.

Я неопределенно качнула головой и опять прижала ладонь ко лбу. Мало интересного в том, сколько народу посещает факультатив по зельям. Куда важнее, какое вступительное задание дали студентам. Но связано ли оно с отравлением Фрая? И было ли это отравление вообще? И если Фрай сам виновник случившегося, как ему удалось раздобыть «Ликвидум»? Выкрал зелье из подвала?

— «Ликвидум» можно «поймать»? — задала единственный верный вопрос.

Эйлин стукнула тонкой стопкой листов по полу, состыковывая края, и протянула, подражая профессорскому тону:

— Хороший вопрос, госпожа Навье. Обязательно займусь его изучением.

Я не понимала, шутит она или говорит серьезно, а потому даже не улыбнулась. Так и продолжила сидеть на полу в кругу разбросанных книг и бумажек, внимательно глядя на Эйлин.

— В том, что я теперь хожу на факультатив, есть явный плюс, — все-таки пояснила соседка, — доступ к новым знаниям. Поэтому не переживай, Аста. Я сделаю все, чтобы помочь, и поищу ответы на твои вопросы.

Она с улыбкой отсалютовала мне, и я не сдержалась. Тоже засмеялась и на этот раз не промолчала, заметив радужную искру на пальце Эйлин:

— Что за колечко? — игриво выгнула бровь и протянула руку к ладони подруги. — Давай, хвастайся!

Она смущенно улыбнулась и мечтательно отвела взгляд. Замялась, подбирая слова, но вся сияла от тихого восторга.

— Я не знаю, от кого оно, — довольно пискнула она. — Есть пара догадок, но наверняка не могу сказать.

В предвкушении историй с бала я потеряла ладони и чуть придвинулась к подруге. Радость за нее, искренний смех и добрые улыбки вытеснили все мрачные мысли. Я даже забыла, что мы обе — оскверненные Тьмой темераты. В эти минуты мы были простыми девушками со своими мечтами и надеждами, простыми, порой глупыми, но идущими из самого сердца.

Эйлин перечисляла имена парней, с которыми танцевала, делилась тем, какие знаки внимания они ей оказывали, и хвасталась комплиментами. Она цвела и излучала заразительную любовь к жизни. Я с интересом слушала ее и так же гадала: кто оставил коробочку с кольцом и анонимной запиской для Эйлин под дверью комнаты?

Наше с подругой расследование ничем не уступало моему. Только гадать, кто оказался воздыхателем, было куда приятнее, чем распутывать клубок мрачных тайн.

— Гляди, — Эйлин заговорщически наклонилась ко мне и покачала ладонью, демонстрируя переливающийся камень с золотой сердцевинкой. — Такая красота! Ужасно жалею, что не знаю, кто подарил. Так хочется его поблагодарить!..

Кольцо и правда было великолепно. Тонкий витиеватый обруч аккуратно обнимал круглый камень, что не имел единого цвета. Оттенки переходили один в другой, плывя, как облака по небу. Завораживающее явление!

— Что за камень? Никогда не видела такого, — восхищенно обронила я.

Эйлин только пожала плечами и вместо ответа поделилась своими надеждами:

— Я намерена найти его! — она имела в виду, конечно, тайного поклонника. — Обойду всех, с кем танцевала, спрашиваю. А потом...

Что будет потом, узнать так и не смогла. Пол подо мной загорелся цепочками символов, что быстро связались в кольцо. Красные знаки сплелись в единое заклятье так скоро, что даже пискнуть не успела и камнем провалилась в открывшийся подо мной портал.

ГЛАВА 15

Когда портал потух, а перед глазами перестали плясать краски, я поняла, что сижу на коленях в чужой комнате. Отсутствие на полках и подоконнике цветов, на стенах — картин, а у зеркала — косметических склянок мигом позволило понять, что оказалась в мужском общежитии. А дорогой интерьер и знакомый запах хвои мигом расставили все на свои места.

— Риган! — сквозь зубы прорычала я ещё до того, как хозяин комнаты показался в поле зрения.

Парень медленно обошел по периметру призывающий круг, в котором сидела, и с хлопком захлопнул фолиант.

— Привет, — огорошил спокойным тоном, но я с тропы войны сворачивать не спешила.

Рывком подскочила с колен, чтобы не сидеть перед Риганом в унижительной позе, и ощерилась:

— Какого демона ты творишь? У тебя тут дверь вообще-то имеется! — указала большим пальцем за спину и возмущенно щелкнула языком. — Ну, это я так, напоминаю.

— Тогда ты должна помнить кое-что еще: у тебя пока что нет допуска в корпус охотников, а руны на переходах никто не снимал.

Риган терпеливо ждал, пока успокоюсь. Но сложно собрать мысли в кучу, когда тебя, как какого-то низшего духа, призывают через рунический портал. Мало того, что это ужасно тошнотворная процедура, так еще и крайне унижительная.

Я готовилась распылиться новой гневной тирадой, но неожиданно для себя покачнулась. Комната пошла кругом, а к горлу подступил недавний ужин. Тут же резко умолкла и сжала переносицу пальцами, крепко зажмурившись.

— Иди сюда, — Риган, наверняка заметив мое посеревшее лицо, подхватил под локоть и вытянул из магического круга. Тот со щелчком разомкнулся.

Интересно, смогла бы выйти из цепи заклятья сама? Или Риган поверх призыва наложил пленяющие чары?

Демонова связка. Если бы не она, в жизни бы не столкнулась с такими рабскими заклинаниями!

— Садись, — Риган помог мне опуститься на кровать. Широкую, пружинящую, и мягкую словно облако. Не то что моя узенькая досточка под тоненьким покрывалом!

Голова кружилась чуть меньше. От грубого переноса мутило уже не так сильно. Но пакостные мысли и грубые слова продолжали топить сознание, и отличить собственную ярость от навязанной черной магией была не в силах.

— Уверен, что собираешься использовать меня по назначению? — кривая ухмылка изуродовала губы, голос скрипел от обиды.

Глаза Ригана заметно расшились. Он поджал губы и чуть отступил, когда я легко сбросила туфли и легла поверх бордового покрывала:

— Можешь убить меня сразу, как закончишь. Тогда никто ни о чем не узнает.

Меня тошнило от самой себя. В крови бурлила обида и тоска по утраченной воле. И без того было мерзко: проиграть часть души Тьме, а другую — охотнику, и знать, что ничего не можешь сделать. Так еще и этот грубый призыв через портал, что окончательно стер грань между моей чудовищной сущностью и ее человеческими остатками.

Это заклинание будто обесценило меня как человека, и я решила подыгрывать до конца, за язвительными словами пряча сжигающую боль.

— Прекрати, пожалуйста, — Риган отвернулся, чтобы не видеть моего спектакля.

— Тебе нравится, когда молчат? — поддела его тут же и сама скривилась от разъедающего сердце яда.

Видела, как тяжело поднимаются и опускаются плечи парня, пока он пытается прийти в себя. Слышала тяжелое дыхание, но не понимала причины столь бурной реакции Ригана.

— Зачем ты говоришь такие вещи? О чем ты думаешь?!

— О том, что после встряски у ректора тебе нужна разгрузка. Разве не за этим ты меня призвал,

будто я не темерата, а суккуб?!

Он обернулся и прошил меня хмурым взглядом, в котором плескалось столько скорби, что стало холодно. Я первая отвела глаза. Села на кровати и сцепила дрожащие руки в замок.

Если мое выступление было лишь приступом взбесившейся черной магии, то сейчас он подходил к концу. Тьма быстро отпускала, и взгляд будто прояснялся. Оставалась только боль, раздирающая грудь, и обжигающий стыд.

Ненавижу такие моменты. Я будто перестаю быть собой. Не контролирую ни мысли, ни слова. Наружу выходят самые низменные демоны моей души, о которых никогда даже не догадывалась.

Эта новая Аста мне не нравится. Она пугает и противна до тошноты. Но чем больше я боюсь своей темной стороны, тем чаще она захватывает рассудок и прячет в себе прежнюю меня.

— В чем-то ты права, — Риган пересек комнату и опустился за стол, не желая садиться на кровать рядом со мной. — Я действительно призвал тебя из-за сегодняшнего выговора.

Наступила моя очередь таращиться на Ригана, пока он старательно прятал глаза. Бездумно перебирал страницы учебника, глядя сквозь книгу. Я напряглась и чуть ссутулилась.

— Хочешь забрать свои слова обратно? — сразу же вспомнила его геройство в кабинете отца, и сожаление за грубые слова стало в разы сильнее.

Он прикрыл меня. Не стал говорить, что бродила после бала в запретном для темератов крыле замка. Не выдал драку с Лекси, о которой сама охотница, видимо, не заявила, иначе проблем было бы не избежать. И самое главное — взял мою вину за проступок в кабинете старшей лекарки на себя.

— Нет. Это было мое решение, и я не жду от тебя какой-то платы за него, — он многозначительно окинул меня взглядом от стоп до растерянного лица. — Любой платы.

От стальных ноток в его голосе по коже вновь поползли липкие мурашки. Невольно расправила юбку, хоть она и прикрывала ноги почти до колена.

— Спасибо, — виновато уронила я. Понимала, что момент выбрала отвратительный, но иначе поступить не могла. — Мне очень жаль, что так вышло с твоим наказанием...

Слова были абсолютно искренние. Я прекрасно знала, как охотникам дороги баллы за практику. Особенно тем, кто в Академии не ради поисков респектабельного жениха и не для того, чтобы получить хоть какую-то корочку.

Баллы за последний год — самый мощный трамплин, альтернативы которому на карьерном пути может и не быть. Хорошо покажешь себя в связке — получишь высокую оценку и в первый же год завоюешь престижную должность. Провалишься — займешь место простого исполнителя-боевика.

До обращения я хотела быть следователем. Далеко не все нападения тварей случайны, и именно следователи распутывают самые сложные дела, попутно изничтожая чудовищ. Такие охотники ищут причины атак и тех, благодаря кому они произошли. Однако стремилась на труднодостижимое место по одной причине.

Хотела найти истоки Тьмы и искренне надеялась, что следователем у меня будет больше шансов отыскать лекарство. Но теперь, похоже, все надежды пошли крахом.

— Мне тоже очень жаль, что так вышло, — резко отозвался Риган и впился тонкими пальцами в короткий ершик волос. — Поэтому ты здесь.

Я подозрительно подобралась, чувствуя, как мышцы завибрировали от напряжения.

— Прости, что пришлось так грубо призвать тебя. Не хотел, чтобы кто-то видел, какходишь в мою комнату вечером.

Грустная улыбка скрывала нарастающую тревогу. Я поняливо кивнула и прикусила язык, чтобы с него не сорвались новые язвительные замечания. Не стоит заикаться о ревнивых подружках. И так ясно, что в этой шутке огромная доля правды.

— Я рассказал отцу о своем штрафе, — признался Риган, а я занервничала ещё больше.

Глава семейства Дагеров — известная шишка. Старший в совете охотников, влиятельный и сильный человек. Что он предпримет, чтобы вытащить сына из неприятной ситуации? Заявится в Академию? Устроит разгром ректору?

— И что? — горло резко пересохло, и голос показался охрипшим.

Вместо ответа Риган коснулся взглядом моей раненой ладони, чуть нахмурился и спросил:

— Как рука?

Я удивленно вскинула брови и картинно перебрала уже абсолютно здоровыми пальцами в воздухе. Изобразила ими веер и подвела итог скромного эксперимента:

— Нормально. Еще в лазарете болеть перестала. Сейчас вообще отлично.

Парень, удовлетворенный таким ответом, загадочно кивнул. Подхватил со стола фолиант, предмет моей бесконечной зависти, и направился ко мне.

— Отец придержал для меня одно задание, — страницы зашелестели под пальцами Ригана и замерли, когда он нашел нужную. — Оно не для студентов. Было...

Я, одереженев, таращилась на охотника и глупо хлопала ресницами. Вот это я понимаю — подход. Мне не придется таскаться с Риганом на десятки заданий в день. Мы просто расшибемся в пыль на одном.

Витиеватым почерком на строке заказов было красиво выведено краткое «Глаза онейры». Меня едва не вывернуло наизнанку, но Риган не заметил накотившего на напарницу приступа тошноты и невозмутимо продолжил:

— Я уже договорился с заказчиком, поэтому соперников у нас нет. Однако тянуть не стоит. Крайний срок — утро.

Я, не веря в происходящее, как оглушенная качала головой и не сводила глаз с распахнутого разворота. Он серьезно? Правда, не шутит?!

— Выступаем ранним утром. За каждый глаз — десять баллов. Если постараемся, можем даже выйти в плюс.

— Или подохнуть прям там, — не сдержала нервное замечание и гневно уперлась взглядом в недоумевающего союзника. — Как ты себе это представляешь? У меня больше нет оружия. Да и вдвоем мы...

— Вполне одолеем онейру, — оборвал парень и сел рядом. Наши локти соприкоснулись, и меня будто обожгло. Яростью.

Я чуть отодвинулась, чтобы лучше видеть непроницаемое лицо Ригана. Дыхание сбилось, сердце танцевало по ребрам, а кровь лавой бурлила в венах.

— Я достал для тебя ножи, — успокоил парень и, заметив, что мои черты лица чуть смягчились, заверил, — абсолютно новые. Без меток светлых заклинаний.

От последних слов меня покорило. Губы плотно сжались, глаза сузились. Неприятное напоминание.

— Хочешь другое оружие? — неправильно расценил мое огорчение Риган. — Меч? Лук? Арбалет? Булава?

— Ножи подойдут, — метнула холодно и вновь насупилась.

Куда больше амуниции меня интересовал сам заказ. Допустим, ножи у меня есть. Амулет-усилитель всегда со мной. Но как мы победим онейру вдвоем? На нее обычно собирают немалые рейды. А тут еще и нужно постараться добыть как можно больше глаз!

Самоубийство.

— Почему? — выгнул брови Риган, а я не сразу сообразила, что последнее слово приговором произнесла вслух.

— Как ты себе это представляешь? — спросила прямо. — Ладно бы просто убить онейру, но...

— Мы справимся, — заверил охотник, оборвав мои метания. — Ты ведь знаешь что-нибудь об этом монстре?

— Поверь, я знаю достаточно, чтобы не питать надежд.

Онейры живут, как правило, в подвалах, канализациях и пещерах, где до них не доберутся ни

солнечные лучи, ни человек. Хотя с последним диковинные существа вполне могут ужиться, если исключить одну маленькую деталь...

Магия для онейры — деликатес, за который чудовище готово сражаться. Едва учуяв поблизости любые, даже самые слабые чары, онейра открывает глаза — один из мощнейших естественных артефактов, создающий иллюзии.

Жертва видит мираж, что невозможно отличить от реальности. В попытках убежать, маг сыплет все новыми заклятиями, но развеять галлюцинации не может. Чудовище прячется за дымкой лживых картинок, подкрадывается к добыче и питается магической энергией, которая заполняет пространство. Очень быстро монстр впадает в иступление и сжирает недогадливого чародея.

От воспоминаний о парах по монстрологии кожа покрылась морозной коркой, а дыхание застыло в горле. Да, убить онейру сложно, а заказ, на который подписался Риган, выполнить вдвоем вообще нереально.

Глаз у онейры — несколько десятков. Но все они закрыты, если тварь спокойна и не получила парой-тройкой заклятий по своей морщинистой морде. Однако даже если успеть метнуть в монстра несколько заклинаний до того, как онейра скроется за завесой иллюзий, в лучшем случае откроется два-три глаза. А нам, чтобы вытащить Ригана из штрафной ямы, нужно как минимум десять!

— И кто из нас будет приманкой? — догадливо спросила я и тяжело сглотнула, когда Риган виновато потупил взор.

Нервный смешок сорвался с искусанных губ, что задрожали в неестественной улыбке. Я спрятала лицо в ладонях и пальцами надела на веки. Перед закрытыми глазами, будто насмехаясь, тут же заплясали цветные кляксы.

— Чудно, — протянула елеинным тоном. — Просто волшебное! А тебе не кажется, что нам лучше поменяться ролями?

На онейру не просто так ходят рейдами. Один человек вручную наносит заклинания-ловушки, чтобы не приманивать монстра следами магии. Еще один участник команды, не попавший под иллюзорные чары, наставляет союзников, что играют роль приманок. Он координирует ослепших в галлюцинациях товарищей, направляет их и подсказывает расположение врага.

Большая часть команды — наживки, чья задача «нафаршировать» онейру чарами. Ведь чем больше заклинаний попадет в цель, а не в очередного призрачного противника, тем больше глаз раскроет чудовище.

Очень мило, что на такое серьезное дело мы идем вдвоем. И, конечно же, роль пушечного мяса отведена мне.

— Я думал над тем, чтобы поменяться...

— Но? — подначивала, воинственно скрестив руки на груди.

— Но ты не можешь наносить светлые заклятия, — нехотя напомнил Риган, а мне пришлось смириться с проигранным спором и отведенной ролью наживки.

Однако успокоиться все равно не могла, и когда парень решительно поднялся с края кровати, рывком усадила его обратно.

— Мы не готовы! — настаивала с нарастающей тревогой. — Мы пропустили тренировку. Я даже не знаю, каким оружием ты дерешься. У нас нет стратегии. Уже почти ночь, мы выбились из сил...

— Кнут, — невпопад вставил Риган, а я удивленно свела брови на переносице. — Мое оружие — это кнут, — спокойно пояснил парень.

Я сразу вспомнила, что на редких совместных тренировках видела Ригана, когда он упражнялся с кнутом. Тогда ужасно бесилась из-за шумных ударов и вздохов девчонок...

Но что толку от воспоминаний и теории без практики? На деле мы далеки от слаженного дуэта, и это может стоить нам обоим жизни.

Нет, онейры или другие чудовища не носят в себе Тьму и не способны множить ее в новых душах. Однако монстры не лишены острых когтей, тяжелых лап, а онейра — частых и тонких, как иглы, зубов.

Кажется, впервые за всю жизнь смотрела на кого-то с мольбой. Я не готова вновь ставить на кон жизнь. Тьма научила ценить ее и хвататься за каждую секунду.

Знаю, я темерата, и мои песочные часы уже перевернуты. Но Риган... Зачем ему эта убийственная затея, обреченная на провал? Зачем этот риск ради будущего, что может даже не наступить, если наша команда проиграет?

— Если что-то пойдет не так, я открою для нас портал, — он словно прочитал мои мысли. Голос Ригана звучал мягко, почти заботливо. — У меня как раз осталось два артефакта быстрого переноса. Туда и обратно.

Сердце болезненно сжалось, когда поняла, что Ригана не переубедить. Я не стала говорить, что портал может сработать для онейры приманкой, и тогда мы оба погрязнем в иллюзиях, а потом — сгинем обедом чудовища. Не стала спорить и противиться.

Риган уже все решил и по какой-то причине готов идти на риск. Что-то подсказывало, дело не только в баллах. Но тогда в чем еще?

— Если устала, можешь вздремнуть, — вежливо предложил парень и ненавязчиво поднялся с кровати. Воздушный матрац качнулся, и я, как назло зевнула.

Риган тепло улыбнулся, и на его щеках залегли ямочки. Тут же отвернулась, ощутив непривычное смущение, и буркнула:

— Ты говоришь, припас для меня ножи? Давай сюда.

Очень скоро у меня в руках оказался совершенно новый набор метательных лезвий. Он ничем не уступал моему старому, даже в чем-то оказался лучше и явно дороже. Но в душе все равно притаилась тоска.

С помощью магии вывела на гладкой поверхности каждого ножа нейтральные руны. Это заняло совсем немного времени, и буквально через несколько минут уже любовалась результатами своей работы. Заклятья на новом наборе пусть не так эффективны, но зато можно не бояться, что от одного касания к оружию кожа покроется волдырями и почернеет.

— Мне пока нужно закончить с некоторыми делами, поэтому время есть. Если хочешь, вздремни. Я разбужу, — благородно предоставил свою кровать Риган, и я, к собственному удивлению, не стала отказываться.

Денек действительно выдался еще тот. Голова будто налилась свинцом, а под веки насыпали песка. И хоть знала, что уснуть не смогу, все равно прямо в одежде забралась на покрывало и прикрыла глаза.

Риган за столом шуршал страницами книг. Я повернулась к нему спиной и пыталась хоть сколько-нибудь отдохнуть. Однако мысли метались, как напуганные птицы.

В голову взбрела глупая затея — отказаться идти на задание и таким образом спасти и себя, и Ригана. Но у парня по праву связанного с темератом охотника есть свои рычаги давления: заклинания повиновения и, в крайнем случае, ректор. А там и до изолятора недалеко.

— Аста? — сквозь легкую дремоту послышался голос парня, но я не открыла глаз и промолчала. — Я давно хотел спросить. Ты, правда, меня не помнишь?

Хорошо, что Риган не мог видеть моего лица. Потому что после его слов резко открыла глаза, а сонливость как рукой сняло. Веки широко распахнулись, с лица будто ушли все краски. Сердце билось так быстро и гулко, что, казалось, этот стук громом раскатывается по комнате.

Молилась, чтобы глупое сердце успокоилось. Затаила дыхание и крепко зажмурилась, боясь выдать себя.

— Аста? — вновь позвал парень, а я до боли прикусила губу.

Услышала, как заскрипел стул, и ярко представила Ригана, что, сидя за столом, обернулся. Спустя мгновения тишины шелест возобновился, и охотник больше не пытался заговорить. Повисло напряженное молчание.

Знала, что больше парень спросить не решится, а я никогда не признаюсь, что слышала вопрос, который Риган так долго боялся задать.

Просто сейчас случился странный момент откровения. Может, ночь располагает к раскрытию секретов? Или кровь бурлит в страхе ожидания перед заданием?

Даже если так, на мне магия спонтанной близости не сработала. Иначе не смолчала бы, когда нужно говорить. Но я боялась и не понимала, что стоило сказать.

«Конечно, помню. Мы в одной Академии уже четвертый год!»

Нет уж, как-то совсем не то. Явно ведь Риган спрашивал о чем-то другом. Ведь столько надежды и скрытой боли звучало в его голосе! Казалось, он коснулся самой души, заставив ее встрепенуться.

Но тогда откуда я должна помнить Ригана?

Ворочаясь с этими мыслями, даже не заметила, как прошло время. Парень осторожно коснулся моего плеча и прошептал:

— Пора.

ГЛАВА 16

Солнце еще не взошло, когда мы с Риганом выпрыгнули из портала посреди пустынной улицы торгового района. Черные окна спящих домов ловили отблески последних звезд. Каменная кладка гулко отзывалась на каждый шаг, что разрывал предрассветную тишину.

Я слепо следовала за Риганом, пока он уверенно вел меня по безлюдным улицам. Мы петляли между безликими домишками с обветшалыми крышами и косыми окнами. Перелезли через забор и оказались у железного люка, с которого заранее был снят замок.

Риган дал мне несколько секунд собраться с духом, а затем поднял железную крышку. Зев подземелья озарился тусклыми огнями настенных ламп, и я тут же заметила лестницу, ведущую вниз.

Охотник спустился первым, а затем попытался помочь слезть по лестнице мне. Однако я проигнорировала протянутую ладонь и увильнула от мужских рук, когда Риган собирался придержать на последних ступенях за талию, подстраховывая.

— Здесь планировали развернуть строительство подземных дорог, — пояснил парень, пока брели по широкому коридору с каменным сводом.

— Не хватило денег? — попыталась угадать, но напарник качнул головой.

— Мозгов. Чуть подальше от центра на одной из первых заложенных станций обвалился потолок. Несколько экипажей провалилось в яму.

— А! — протянула, хлопнув себя по лбу.

Я помню эту историю, случившуюся несколько лет назад, и ажиотаж, который развернули вокруг рухнувшего проекта. Хорошо, что случилось все ночью, когда и в подвалах никого не было, и в экипажах. И просто чудо, что над подземной дорогой не оказалось жилого дома, иначе жертв было бы не избежать.

Кажется, тогда инженеров обвинили в недоработанном плане и даже в намеренном преступлении против Империи. Поэтому строительство остановлено, подвалы опечатаны, а авторы затеи если и обдумывают новые изобретения, то уже в темнице.

— Тоннели иногда проверяют, где-то латают, чтобы не было новых обвалов. Так здесь и обнаружили онейру, — пояснил Риган шепотом.

— Хорошо, что никто не догадался использовать магию и нападать на чудовище.

— Точно. Как сказал заказчик, те работники просто сбежали. Но трусость спасла им жизнь.

Наши тени искаженными силуэтами тянулись вперед, словно указывая путь. Под ступнями шелестел песок. Воздух был напитан сыростью и прохладой.

Я старалась концентрироваться на деталях. Лишь бы мысли не возвращались к неизбежному будущему, что с каждым шагом становилось все ближе.

Краем глаза взглянула на Ригана, надеясь увидеть на лице охотника хотя бы призрачный намек на желание отступить. Но парень по — прежнему оставался непоколебим, а волнение выдавали лишь крепко стиснутые челюсти.

Мы услышали онейру раньше, чем заметили. Шаги монстра, тихие, но пугающие, эхом отразились от стен, и мы замерли. Риган красноречиво прижал палец к губам и прислушался.

Редкие, отчетливые звуки повторились. Сомнений больше не оставалось — мы у цели.

За последние часы не раз представляла момент, когда встречу с врагом лицом к лицу, но и не думала, что приму его так спокойно. Смирненно.

Риган внимательно заглянул мне в глаза и вопросительно выгнул брови, словно спрашивая: «Готова?». Медленно кивнула, опустив веки, и почувствовала прокатившуюся по телу волну адреналина.

Сердце тут же ускорилося, слух обострился, а все мысли обратились в пыль. В голове остался лишь наш план и глупая надежда победить.

— Я постараюсь начертить как можно больше ловушек, — едва слышно заверил Риган. — Так будет проще загнать онейру в одну из них.

Снова послушно кивнула. Парень осторожно, будто преодолевая страх перед диким зверем, коснулся моего плеча, и я не стала стряхивать его руку.

— Просто слушай мой голос, — одними губами произнес он и сделал шаг мне навстречу, сильно сократив расстояние между нами. — Не верь глазам.

В горле пересохло, а в памяти так некстати опять всплыл недавний вопрос.

«Ты, правда, меня не помнишь?»

Мой короткий ступор завершился, когда Риган ободряюще улыбнулся и отступил. Я оттаяла и попыталась повторить мягкое выражение лица парня. Получилось не очень искренне. Губы дрожали, ноздри ширились от тяжелого дыхания.

Развернувшись на пятках и уверенно, будто кто-то вместо меня овладел телом, двинулась туда, откуда доносился шорох зверя. По коже пополз липкий ужас, когда впервые вживую увидела морщинистую морду с редким щетинистым мехом. Между жесткими иглами грязно-белой шерсти виделись выпуклости закрытых глаз. Они выступали по всему телу волдырями, прикрытыми сальной кожей. На голове, туловище и даже на тонких и длинных лапах виднелось несколько плотных пузырей.

Пока что слепое чудовище повернуло ко мне морду, учуяв чужой запах. Все глаза были закрыты, и онейра выглядела спокойной. Она невозмутимо отвернула зубастую пасть и побрела дальше вдоль стены.

Отвращение смешалось с жалостью. Я не привыкла нападать на тех, кто не проявляет агрессии. Но сейчас знала — это необходимость.

Ведь тем работникам, случайно столкнувшимся с онейрой, просто повезло. В другой раз такого может не случиться. Кто-то использует в подземелье магию, и монстр, тут же учуяв добычу, ринется убивать.

Я обернулась и столкнулась взглядом с Риганом. Он ещё не начал чертить рунические ловушки и дожидался первого шага в бой от меня. Иначе нельзя — руны всегда излучают слабый след магии, но во время моих атак энергия знаков просто затеряется в потоке заклятий, и Риган будет вне опасности.

Охотник кивнул, подавая знак готовности. Я набрала полную грудь воздуха, вынула из напоясной сумки метательный нож с выведенным на нем заклятьем цели и швырнула его в чудовище, сразу же послав ещё и боевое заклинание.

Онейра взвыла, когда лезвие впилося в шею. Из раненого закрытого глаза, пятная мех, поползла темно-красная струйка. Я увидела, как в оскале разинулась широкая пасть, над которой медленно проснулось сразу два глаза. Они переливались множеством цветов, а зрачок блестел жидким золотом. И это было последнее, что я успела заметить.

Онейра подернулась пеленой, растворившись в иллюзии. Я нервно обернулась и с ужасом поняла, что в тоннеле нахожусь одна. Быстро перебежала в сторону, помня, что нельзя стоять на месте, и взволнованно стала озираться по сторонам.

— Прямо перед тобой! — донесся голос Ригана, хотя самого парня видеть не могла. — На двенадцать часов!

Уверенно вскинула руку и послала всплеск энергии вперед. Искра заклятья сделала слабую дугу, притянувшись к рунам цели. Они были выведены на лезвии, что до сих пор занозой вонзалось в плоть чудовища. Раздалось разъяренное рычание, а стены задрожали, будто были отражением на воде.

Я поняла, что попала, и ощутила прилив уверенности. Не так сложно, как боялась!

Побежала по «пустому» коридору, огибая его полукругом, лишь бы не стоять на месте. Дожидалась новых указаний Ригана и готовила следующее заклинание. Однако уже в следующую секунду самоуверенность растворилась в страхе.

Прямо над моей головой из потолка, ломая камни, показались грязные, изъеденные язвами руки. Несмотря на царящий полумрак, видела каждую деталь: обломанные ногти, под которыми полулуниями залегла земля, кожа с глубокими ранами, порванные рукава домашнего платья...

Я едва сдержала крик, рвущийся из горла. Не помня себя, вскинула ладонь, готовясь швырнуть испепеляющее заклинание, но услышала голос Ригана:

— Это иллюзия! Не делай этого! Враг позади тебя!

Тихо всхлипнула. Хотела зажмуриться или отвернуться, но не могла. С замиранием сердца смотрела, как из-под камней выбирается моя мать.

— Шесть часов, Аста! Шесть часов! — ревел Риган, пока, остолбенев, таращилась на монстра из своего детства.

В инфекции все еще угадывались родные черты, которые никогда не выцветали в памяти. Отчетливо видела мамины губы, высокие скулы и глаза... беспросветно черные.

— Аста! — с отчаянием крикнул Риган, и только тогда, наконец, пришла в себя.

Резко развернулась и метнула новый всплеск магии. Послышался рык, но больше него меня напугал другой звук...

Лязг металла.

Онейра сумела стряхнуть с себя занозу-нож с заклатьем цели. Теперь мне нельзя ошибиться, ведь если промахнусь заклинанием, только накормлю монстра, приблизив его исступление, но ничего не выиграю для себя.

Движение на мрачном своде притянуло взгляд и отвлекло от боя. Я закричала, когда поняла, что инфект уже вырылся из-под камней и теперь, словно мерзкий паук на изломанных ногах, ползет по потолку. Риган пытался достучаться до меня, но ужас сковал разум, и я могла только бежать.

Слепо ринулась вдоль тоннеля, сдерживаясь изо всех сил, чтобы не начать сыпать пустыми заклатьями. Я понимала, что все это — иллюзия, но страх перед прошлым был сильнее.

С мерзким хрустом инфект полз по потолку, повторяя мой маршрут. Мне на макушку сыпались обломки камней, и это лишь сильнее пугало. Все выглядело слишком достоверно!

— Аста, вернись! — с отчаянием бросил Риган. — Наши ловушки в другой стороне!

Попыталась отогнать пленяющий ужас и достучаться до рассудка. Обернулась и увидела, как в протяжном крике рвется кожа на лице моей матери, а под лоскутами оборванной плоти зияют гниющие мышцы...

«Вот, что тебя ждет!» — будто говорило это видение.

Ноги безвольно подкосились, и я упала, ударившись правым бедром и плечом. Широко распахнула веки, глядя, как прямо на меня с потолка прыгает родное чудовище.

Глаза наполнились слезами, а в ладони сгустилась Тьма. Сотканное из теней заклатье рвалось с кончиков пальцев, но в самый последний момент кто-то незримый перехватил мою руку.

Заклинание рассеялось, а иллюзия с визгом разбилась о землю, на которой я лежала. Меня окатило холодом, но обдумывать случившееся времени не было.

— Спокойно, я рядом.

Я не видела Ригана, но слышала его голос над своим ухом. Он помог мне встать, а затем я спиной почувствовала мужское тело и ощутила теплые пальцы на своих запястьях.

— Я буду направлять тебя, — шепнул над ухом и повел мою руку в сторону пустого коридора. — Доверься мне.

И я доверилась. Бросила одно заклатье, затем другое. Игнорировала темный поток, просящийся выбраться наружу, но смело обращалась к помощи амулета-усилителя.

Магические искры пронзали темноту и разбивались о невидимую преграду. Онейра, таящаяся за иллюзией, скулила и редела, посылая все новые видения.

Я вновь встретилась с Тьмой, что черным дымом вилась у моих ног. Видела и Томмена Линетти, тело которого разрывал мрак. Сердце защемило, когда среди галлюцинаций заметила Фрая. Парень с нахальной улыбкой приближался ко мне, с каждым шагом теряя человечность. Его лицо вытянулось, зубы заострились, растущие кости рвали кожу и неестественно выгибались.

Дрожащее дыхание сорвалось с пересохших губ. Сердце тяжело ухнуло в груди.

— Закрой глаза, — шепнул Риган, развернул меня в противоположную сторону и дал сигнал к действию.

Послушно зажмурилась и швырнула очередное заклатье. На этот раз монстр пронзительно завопил.

От этого звука по коже пробежали колючие мурашки, но я не позволила себе вновь поддаться страху.

— Идем со мной, — Риган потянул меня за руку к месту, где началось сражение. — Пора загнать его в ловушку.

Я бегом двинулась за незримым союзником, а сердце затрепетало от предвкушения. Вот-вот все закончится!

— Я подскажу тебе, куда целиться, — спешно диктовал охотник. — Потом дождемся, когда онейра побежит на нас, и в последний момент я помогу тебе отскочить. Хорошо?

Быстро кивнула и слепым взглядом обвела опустевший коридор. Подозрительно и жутко.

— Позади тебя круг-ловушка. Он запечатает чудовище, и все будет кончено.

Кровь пульсировала в висках. Мне не терпелось расквитаться с ужасным заданием. Повисла давящая тишина, а затем ее взорвал вскрик Ригана:

— Сейчас!

Он поднял мою руку, направив ее ровно вперед. Я послала последнее заклинание и застыла, ожидая развязки.

Гулкий топот катился прямо на меня. Он становился громче, ближе, и все сложнее было оставаться неподвижной. Когда мои нервы были готовы вот-вот лопнуть, словно порванные струны, Риган приказал падать в сторону.

Дальше все случилось всего за пару мгновений, но мне они показались мучительной бесконечностью.

Я готовилась прыгнуть, но, когда ноги уже оторвались от земли, ощутила сильный толчок, а затем — удар. Меня окатило невыносимым жаром. Таким, будто я заживо горела. Горло засадило от пронзительного крика боли, уши глохли от рыка.

Иллюзии в один миг лопнули, как мыльные пузыри. Зрение прояснилось, и я увидела нависшую надо мной онейру. Ряды острых, как бритва, зубов блестели от слюны так близко, что могла коснуться их рукой.

В лицо ударил смрад раскрытой пасти, и меня замутило от гипнотического перелива в десятках глаз. Все они были направлены на меня. Тело жгло от магии пленяющего круга, в который угодила вместе с врагом. Отчаяние окутывало сердце, а боль глушила разум.

Тьма была сильнее ужаса. Не отдавая отчета в своих действиях, выкинула руку перед собой. Из середины ладони вырос черный шип, сотканный из мглы, и пронзил один из раскрытых глаз чудовища.

Онейра зашипела, но не отступила, а, кажется, разозлилась ещё больше. Однако короткое замешательство противника подарило мне шанс на спасение.

Риган, сразу понявший, что произошло, рывком ринулся ко мне. Легко стер носком ботинка один из рунических символов, и круг разомкнулся. Нестерпимая боль угасла, но я не спешила выдыхать с облегчением.

Онейра тоже ощутила свободу, и готовилась разорвать меня на части.

Риган в одно мгновение прижал меня к себе. Достал второй рукой зачарованный кнут и с силой ударил по морде монстра так, что онейру отбросило назад. Следующее заклятье Ригана было направлено на свод потолка.

Я успела только вскрикнуть, но не сумела остановить охотника. Разрушающие чары нашли свою цель — по потолку пробежала трещина, увесистые камни посыпались на онейру, хороня чудовище.

Монстр жалобно заскулил, и я увидела, как один за другим тухнут и стекленеют разноцветные глаза, обращаясь в сморщенные серые пузыри. Артефакт иллюзий из таких при всем желании не изготовить...

Рассвет мы встретили, глядя в разлом рухнувшего потолка. Нас чудом не задело обломками, но я не могла успокоиться и дрожала всем телом.

И хуже всего, что все было зря.

Задание мы провалили.

ГЛАВА 17

Что что-то не так, я поняла, когда озноб, ледянящий кожу, стал забираться под нее. Холод тянулся к сердцу, и меня не переставало колотить. Мышцы налились свинцом и звенели как струны.

Я сидела на земле в объятьях Ригана, и сознание стремительно покидало меня. Стеклянным взглядом глядела в разлом на светлеющее небо и видела, как медленно уходят из моего мира краски.

— Аста? — дрожащий голос над моим ухом звучал будто издалека. — Очнись!

Охотник бесполезно вцепился в мои плечи и чуть встряхнул, пытаясь привести в чувства. Но меня и без того колотило. Крупная дрожь билась тело, которое не могла больше контролировать.

Меня снова прижали к груди, обхватили руками и крепко обняли. Риган, кажется, дрожал вместе со мной. Его сбившееся дыхание щекотало макушку, ладони гладили онемевшие от холода плечи. Я беззвучно хватала пересохшими губами воздух, но его катастрофически не хватало.

Я задыхалась, а перед глазами темнело. Мысли потухали в голове, как задутые свечи. Последние огоньки сознания цеплялись за жизнь, но силы утекали, и я теряла контроль. Мне уже не хватало воли на сопротивление, и я была готова просто плыть по течению. Отдаться жгучему холоду внутри себя, чтобы он скорее затопил душу, забрав ее без остатка. Лишь бы скорее эта боль и полное отчаяние прекратили терзать сердце, что билось все слабее и реже.

Неужели такова цена за короткое использование темной магии?

— Аста, — голос Ригана сел и сорвался на шепот. Парень укачивал меня на руках, как сломанную куклу. — Глянь...

Голос дрогнул и стих. Риган усадил меня так, чтобы могла видеть его трясущуюся руку, которую вытянул перед собой. Он щелкнул пальцами, и над его ладонью раскинулось звездное небо. Волшебные искры тянулись млечным путем, сверкающие пылинки зачаровывали... И казались до невозможного знакомыми.

Сердце болезненно сжалось, а взгляд чуть прояснился. Холод, окутавший тело, прекратил ползти и замер под ребрами.

Я знала это заклинание. Сама его придумала ещё ребенком.

Вместо слов с моих губ сорвался тихий вздох, но Риган заметил в этом жесте проблеск борьбы и пробормотал:

— Красиво, правда?

Я помнила, что должно случиться дальше. Щелчок — и бриллианты звезд стянулись в призрачную бабочку. Ее крылья переливались светом, блестели в лучах солнца, что заглядывало через разлом.

Не веря своим глазам, смотрела на безупречную, чарующую магию и была готова расплакаться. Вместе с нахлынувшими чувствами в тело возвращалось живительное тепло, а мир вновь обретал краски.

— Когда мне было одиннадцать, я встретил на ярмарке девочку из приюта, — дрожащие пальцы Ригана ласково гладили мои спутанные волосы. — Она научила меня этому заклинанию.

Меня все еще трясло, но это уже была приятная дрожь волнения. Тьма постепенно отступала, оковы холода и мрака ломались. Я снова ощущала, что принадлежу себе, что могу пошевелиться... Но не хотела разрушать волшебный момент и не разрывала объятий.

— Ты все ещё не помнишь меня, Аста?

Показалось, будто в его голосе таилась надежда, переплетенная с тоской. Звездная бабочка сорвалась с пальцев Ригана, облетела нас на своих невесомых крыльях и упорхнула через разлом навстречу розовеющему небу.

— Помню, — слабо отозвалась я и прикрыла веки, чтобы стряхнуть с ресниц крошечные бусинки слез.

В памяти ожили давние воспоминания одинокого детства, что провела в пансионе. Редкие путешествия по городу в театр, на выставки или ярмарки были для меня отдушиной, глотком свежего воздуха. И я помню, как однажды, дожидаясь наставниц у палатки со сладостями, баловалась красивым заклинанием.

Люди просто проходили мимо, не обращая внимания на потерянную девочку. Но один мальчик долго смотрел, как колдую, и не решался подойти.

— Научить? — тогда спросила сама, заметив интерес незнакомца.

Еще совсем нескладный мальчишка бодро закивал, и следующий час мы провели вместе. Сначала развлекались простыми чарами, а потом гуляли вдоль палаток и магических аттракционов, пока за мной не пришли наставницы. Тогда они были ужасно разозлены моим самовольным уходом, и я не успела спросить имя нового друга. Зато он мое, похоже, хорошо запомнил.

Мягкая улыбка рисовала под скулами Ригана неглубокие ямочки. Его яркие серые глаза сияли от воспоминаний.

С тех пор, как мы были детьми, Риган сильно изменился: вытянулся и из неказистого ребенка превратился в стройного и сильного парня. Круглое лицо заострилось. Ярко-рыжие взлохмаченные волосы стали заметно темнее, но все еще отливали медью, особенно на солнце.

Как я могла узнать в Ригане того мальчишку?

— Ты тоже изменилась, — угадал он мои мысли и улыбнулся, задумчиво глядя куда-то в сторону, — но ты росла у меня на глазах, и я не мог тебя не узнать.

Мои брови удивленно поползли на лоб, а губы беззвучно открылись. Недоуменно качнула головой, не понимая, о чем Риган говорит. Но он лишь загадочно приподнял уголки губ и помог мне встать.

— Пора возвращаться, — не дав сказать ни слова, напарник расколол о землю артефакт быстрого переноса и вместе со мной шагнул в зияющий портал.

Артефакты быстрого переноса — удобные штуки, но не всегда точные. В этот раз портал был настроен на общежитие темератов, но выплюнуло нас почему-то в столовую. Причем мне повезло чуть больше, чем Ригану.

Я упала на пол, а Риган рухнул прямо на чей-то стол. Завтракающие темераты завизжали и подскочили со стульев, испуганно вцепившись друг в дружку.

Риган тяжело вздохнул и окинул взглядом свою форму, изуродованную столовской кашей. Попытался стряхнуть ошметки еды с колен и рукавов. Черной рубашке, может, удастся избежать незапланированной стирки, а вот брюки и куртку точно придется отдавать прачкам...

— Держи, — протянула парню несколько салфеток, что без зазрений совести стянула с ближайшего стола.

Риган благодарно кивнул, но ситуацию предпочел не комментировать.

— Пойдем, провожу тебя в комнату, — спокойно, будто ничего не произошло, предложил он. — Или хочешь сначала позавтракать?

— Я не голодна, — сказала честно.

Меня до сих пор мучило от пережитого в подземных тоннелях. Перед глазами стояли страшные образы, навязанные онейрой, а одежда словно пропиталась смрадом, исходящим от монстра. К тому же ещё не пришла в себя после ужасного приступа, во время которого ходила по грани между своей человеческой и темной сущностями.

Осознавать, что стояла на краю пропасти, было до тошноты неприятно и страшно.

Не задавая лишних вопросов, Риган двинулся рядом со мной на выход из столовой. По пути я успела заметить Эйлин. Подруга таращилась на нас во все глаза и даже ложку до рта так и не донесла. Когда наши взгляды встретились, она лучезарно улыбнулась и помахала тонкой ладошкой, и я сделала то же самое.

Коридоры оказались под завязку забиты студентами, что спешили кто куда. На завтрак, на факультативы, в библиотеку, чтобы доделать забытое домашнее задание... Жизнь кипела, несмотря на раннее утро.

А меня бесила толкучка, в которой поговорить шанса просто не было.

Украдкой глянула на Ригана и задумчиво нахмурилась. Что он имел в виду, сказав в пещере, что выросла у него на глазах? Казалось, он жалел о случайно брошенной фразе и не желал обсуждать странное признание.

Однако было еще много вопросов, которые хотела ему задать. Например, зачем он так рвался

сразиться с онейрой, но сам же довел почти выигранную миссию до полного провала? Ведь монстр уже был в ловушке. Ригану оставалось не так много — дожидаться, пока руническое заклинание ослабит чудовище, прикончить его и собрать глаза.

Он бы легко закрыл свои штрафы и, скорее всего, даже набрал бы баллов на несколько Лун вперед. Цена вопроса — жизнь неудачливой темераты, угодившей в одну с монстром ловушку.

Любой другой охотник даже не ставил бы такую грандиозную победу и оскверненного, все равно обреченного на ужасную смерть, на чаши весов. Выбор слишком очевидный, и я сама не сомневалась — Риган просто дождется, когда все кончится, и уйдет с мешком магических глаз.

Но я сильно ошиблась и не могла понять, почему охотник поступил иначе. Его решение казалось нелогичным и абсолютно бессмысленным.

Хотела спросить об этом Ригана, но не успела. Он первый застал меня врасплох.

Когда по пути к башне общежитий мы проходили мимо библиотеки темератов, которую не раз перевернула с ног на голову в поисках полезной информации, Риган резко спросил:

— Я тут кое-что вспомнил, — тоном, обещающим не особо приятную беседу, начал он. — Признайся, тогда на балу ты ведь шла в библиотеку охотников?

Почти не удивилась, услышав столь прямой вопрос. Еще в вечер бала понимала, что Риган мог догадаться. В том крыле кроме библиотеки не было больше помещений, куда можно стремиться попасть, а отговорка с прогулкой была уж слишком неправдоподобной.

Чуть пораскинув мозгами, повела плечом и кивнула:

— Ага. Но давай так. Честность за честность, хорошо?

Риган удивленно приподнял одну бровь, но отнекиваться не стал. Сделал короткий жест рукой, словно прося продолжить.

— Это ты наложил барьер перед библиотекой? — вспомнила о преграде, в которую уперлась, почти достигнув цели. Тогда я проверила Ригана заклинанием нейтрализации чар, но все равно хотела спросить прямо. Казалось, я смогу почувствовать, если охотник попытается что-то утаить.

Напряглась, дожидаясь ответа. Встала на одну ступеньку выше Ригана, преградив ему путь, и взгляделась в красивое лицо.

— Зачем мне это? — искренне удивился парень. — Да и ты ведь знаешь, что в тот вечер я не колдовал.

Справедливо. Я кивнула и отступила. Хотела продолжить подниматься к своей комнате. Тем более другие студенты, обходя нас, уже возмущенно щелкали языками и недовольно фыркали. Однако теперь дорогу преградили мне.

— Может, скажешь, что ты хотела найти в библиотеке? — заглянул мне в глаза Риган, а я задумалась.

Что я теряю, если попрошу достать информацию, к которой сама не имею доступа? К тому же Дагер уже не единожды доказал — он на моей стороне. Ведь какой охотник в здравом уме променяет пару сотен баллов на жизнь крайне нестабильной темераты?

— Я хотела достать книги по чарам крови, — выпалила, боясь, что вдруг передумаю.

Брови парня взметнулись ко лбу, а губы в удивлении чуть приоткрылись.

— Зачем? — не понял Риган, а я замялась.

Выкладывать ему все свои мрачные тайны не хотелось. Боялась, что, как и отец, не поверит, засмеет и отвернется. Потому лишь бросила размыто:

— Нужно узнать, когда и почему магия крови может не сработать. Поможешь?

С надеждой взглянула в потемневшие в раздумьях серые глаза. Сейчас они были похожи на тучи, низко нависшие над землей, и готовые вот-вот разразиться громом. Я почти чувствовала, как шевелятся мысли в голове парня, пока он безуспешно пытается найти ответ на мой вопрос.

— Хорошо, я помогу тебе, — наконец, согласился он, а я облегченно выдохнула. — По крайней мере постараюсь.

Мы продолжили подниматься по лестнице и, прежде чем опять остановиться, успели преодолеть лишь пару пролетов. На этот раз причиной заминки стали магические послания, которые будто из воздуха материализовались перед нашими лицами.

Едва завидев плотную глянцевую бумагу, обреченно закатила глаза, а Риган нервно сжал переносицу пальцами. Сомнений не было.

Нас опять вызывают к ректору.

Бесцветные глаза отца метали молнии. Жесткий подбородок дрожал от сдерживаемой ругани, а ноздри ширились от тяжелого дыхания. Казалось, у него из носа вот-вот повалит раскаленный пар.

— Правила Академии были установлены не для того, чтобы вы их нарушали! — процедил ректор и гневно хлопнул широкой ладонью по столу.

Я вздрогнула и крепче стиснула зубы, чтобы случайно не сболтнуть лишнего. Уж очень мне хотелось напомнить отцу о недавнем абсолютно несправедливом наказании, не будь которого, мы бы не отправились выковыривать у чудовища магические глаза!

Отец расплылся нравоучительными речами, но при этом ругал только Ригана. В мой адрес не прилетело ни одного упрека, и я даже начала думать, что случайно скрылась за чарами невидимости. Однако иногда недовольный взгляд отца все-таки касался моего лица, чтобы увидеть желанную покорность.

Ригана же обвинили во всех смертных грехах. Отец начал со справедливого замечания: охотник потащил на задание, непредусмотренное программой, слабую темерату. А закончил отвратительным переходом на личности...

— Я бы с удовольствием выставил вас, господин Дагер, из Академии, — зло сверкнул глазами старший охотник, — но, боюсь, ваш отец вновь вмешается не в свое дело.

Риган беззвучно открыл рот, но ректор тут же его перебил:

— Думаете, я не понял, откуда у вас доступ к заказу, который никогда бы не прошел проверку в Академии? Ни координаторы, которые присваивают заданиям сложность, ни охотники, которые ее утверждают, ни я — никто бы не позволил студентам идти на онейру даже целым курсом!

Отец резко встал из-за стола и уперся двумя руками о столешницу из темного дерева. С края стола съехало несколько книг, что с хлопком рухнули на пол, но никому до этого не было дела.

Понимала, что сейчас разразится гром, а потому не стала задавать вопрос, что горел на устах. Где же были хваленые координаторы и оценщики заданий, когда в конце лета я шла на верную смерть?!

— Вам повезло, господин Дагер. Авторитет вашего отца непоколебим, и даже в такой вопиющей ситуации я не могу наказать ни вас, ни его. Хотя, поверьте, очень бы этого хотел.

Губы отца нервно дернулись, когда он попытался сдержать улыбку. Он поправил темно-коричневый пиджак и вновь опустился в кресло. Ректор уже чувствовал себя победителем, но Риган вдруг вскинул подбородок и, скопировав нехороший изгиб губ оппонента, спросил:

— Вы имеете что-то против моего отца? Или хотите уличить в нечестной игре, которую сами же и ведете?

Я испуганно обернулась на Ригана, но что делать, не знала. Видела, как обезоружило отца такое заявление, но боялась, чего подобная смелость может стоить.

— Может, напомнить, господин Френель, кто помог вам занять пост ректора Академии? — выгнув бровь и шагнув вперед, протянул Риган.

Ситуация накалялась, и в воздухе пахло надвигающейся бурей. Не думая о том, что делаю, схватила Ригана за ладонь и потянула обратно. Он тут же замер и озадаченно взглянул на меня сверху вниз.

— Оно того не стоит, — сказала чуть слышно.

К моему удивлению, Риган сдержанно кивнул. Яростный огонь, что пылал в его глазах, утих, плечи расслаблено опустились, а кулаки разжались. Охотник отступил, но ему в спину донесся унижительный хохот ректора.

— Сразу бы так, Дагер, — выдал отец, а мне захотелось плюнуть ему под ноги. — Штраф за обвал в тоннеле сам оплатишь. Я не собираюсь выделять на устранение твоих глупостей деньги из бюджета Академии.

Риган плотно сжал губы, но промолчал. Проигнорировал насмешливый тон и неуважительное обращение и, не дожидаясь разрешения, направился к выходу из кабинета.

— Передавай папе привет, — бросил ему в спину ректор, и от его мальчишеского поведения, которое просто недопустимо для взрослого мужчины, занимающего такой серьезный пост, меня едва не вывернуло наизнанку.

Дверь шумно захлопнулась. Мерзкая ухмылка тут же стекла с лица отца, и он прошил меня укоризненным взглядом:

— А ты что стоишь? Не побежишь успокаивать друга?

— Ты ведешь себя несерьезно! — выплонула, больше не сдерживая эмоций.

Лицо скривилось от злости и обиды за себя, за Ригана. Вздернула дрожащий подбородок и бросила в сердцах:

— Это ты виноват! Если бы не тот дурацкий штраф!..

— То он бы никогда не вспомнил, что во время практики нужно выполнять заказы и набирать баллы, — спокойно парировал отец. — Я бы обнулil штраф, начни Дагер заниматься делом. Но он, кажется, решил пойти легким путем... Такое в Академии не приветствуется.

Язык прилип к небу, а все слова куда-то испарились. Если все действительно так, мы с Риганом и правда сильно оплошали.

— Но это не повод разговаривать со студентами как с отбросами, — проблеяла уже не так уверенно.

— Как и статус семьи — не повод угрожать ректору, — справедливо отметил отец и вытер со лба выступивший пот. — Радуйся, Аста, что пережила выходку богатенького мальчика, а не умерла где-то в подвалах. Тебе просто повезло.

Я не стала говорить, что как раз тот самый «богатенький мальчик» спас мою шкуру. Проглотила комок обиды за другого человека и уронила взор к ободраным после сегодняшней вылазки носкам ботинок.

Молчание отец расценил как повиновение. Он довольно хмыкнул и добавил:

— Цени, что я благосклонен к тебе, — я прикусила язык, чтобы с него не слетело язвительное замечание, и продолжила слушать высокомерную речь. — Я ведь мог возложить штраф не на него одного, но и на тебя. Где бы тогда искала деньги?

Колкость сдержать не удалось. Воинственно скрестила руки на груди и процедила:

— Так и скажи, что не хочешь своими деньгами помочь Ригану закрыть штраф!

Отец отложил в сторону бумаги, задумчиво потер подбородок и выдал:

— Не понимаю, о чем ты.

Я картинно рассмеялась и с наигранной улыбкой покачала головой. Уже несколько лет, начиная с последних годов учебы в пансионе, и по сей день каждую Луну мне приходят анонимные поступления на банковский счет. Я всегда знала, что деньги переводит отец, чтобы не донимала лишняя раз своим присутствием.

Меня не смущало, что зачисления всегда анонимные. Ведь глава расколотого семейства однажды скрыл свою дочь явно не для того, чтобы через банковский чек раскрыть тайное родство!

Мы никогда не обсуждали денежный вопрос, и это устраивало обоих. Однако сейчас актерская игра отца действовала на нервы.

— Я о деньгах, которые ты мне переводишь, — пояснила раздраженно.

Но лицо отца оставалось непроницаемым, а во взгляде не было ни единой искры понимания. Уголки моих губ поползли вниз, когда он признался:

— Все еще не понимаю, — пожал плечами и спрятал глаза за бумагами. — Я никогда не переводил тебе никаких денег. Это ни к чему. В пансионе, как и в Академии, у тебя было и есть все необходимое. Ты везде поступила бесплатно. Так к чему лишние расходы?

Меня будто окатили ледяной водой. Одеревенев, стояла посреди кабинета, пока изнутри рвали смешанные чувства. Обида, что отец никогда мне не помогал. Злость на него. Недоумение и шок,

ведь я долгие годы была уверена в его поддержке.

На негнущихся ногах вышла из кабинета, даже не попрощавшись, и слепо двинулась по коридорам. Я брела без цели, а внутри все горело от бушующих эмоций. Не понимала, что делать дальше, но точно знала, кто все это время приглядывал за мной.

И стоило бы его за это поблагодарить.

ГЛАВА 18

В тот день, как и в следующие, Ригана я не видела. Совместных занятий и тренировок по расписанию не стояло, а между корпусами путь преграждали рунические барьеры, на пересечение которых доступа до сих пор не имела.

Встретиться с напарником шанса не было, а писать парню весточку побоялась. Что скажу ему?

«Привет, Риган! Я знаю, что это ты, а не ректор, пополнял мой счет в банке. Спасибо!»

Нет уж. Полная ерунда.

Пусть у меня не было сомнений, и я нутром чувствовала, что права, поговорить с парнем не решалась даже на бумаге. Хотелось для начала все хорошенько обдумать и попытаться понять мотивы Дагера. Однако в голове была одна солома, а мысли отказывались складываться в здравые идеи.

Размышления над открывшейся правдой отвлекали от прочих проблем, но радости не приносили. Каждый раз я сгорала от стыда и вины, ведь целых три курса намеренно избегала Ригана и думала о нем предвзято. А он тем временем берег в памяти воспоминания из детства о нашем знакомстве и каждую Луну жертвовал мне часть своих карманных денег. И, нужно сказать, далеко не маленькую! Примерно за пять лет его анонимной помощи у меня скопилась приличная сумма.

Я думала о Ригане все чаще, пытаюсь разгадать его мотивы. Почему предпочел серьезной вырубке жизнь темераты? Зачем все эти годы присматривал за мной? И почему делал это тайно?

Парень возвращался в мои мысли сначала только перед сном, но постепенно прочно засел в голове и не покидал фантазий даже во время занятий. Я парила в облаках, выдумывая все новые невероятные теории, строила нелепые догадки и искала скрытый подвох.

Но какие бы сказки ни придумывала, пытаюсь понять Ригана, ответ всегда маячил где-то рядом. Он метался бабочкой вокруг липкой паутины нелепых идей, а я все так же оставалась слепа.

Ведь не смела поверить, что в этом мире кто-то может меня любить.

На занятии профессора Фармона я в очередной раз слушала, как создавать из одинаковых артефактов нейтрализаторы. Этот несложный навык по замене сути вещи на обратную освоила еще на первых курсах, будучи охотником.

Сегодня моей задачей было создать нейтрализатор для крикуна — простого и не особо полезного артефакта. Такие обычно ставят на порогах домов, чтобы побрякушка в виде стеклянной птички оповещала о приходе гостей. Издаст пташка при этом крайне неприятные звуки: лязг и скрежет стоит такой, будто с лестницы спустили сервант.

С заданием управилась быстрее остальных студентов, ведь в отличие от большинства уже знала это заклинание и даже пользовалась пару раз, чтобы зачаровать самопишущую кисть на удаление пятен.

Профессор Фармон проверил мою работу при всей аудитории. Щелкнул первую птичку по клюву, призывая артефакт разразиться ужасной серенадой, но ее пернатая близняшка, зачарованная мной, поглотила магический импульс и приглушенно засияла изнутри. Шума не последовало. Один артефакт подавил силу другого.

— Превосходно! — довольно протянул старик, поставил в таблице наивысшую оценку и благодушно отпустил меня с пары.

Так что я вышла из кабинета с хорошим баллом и большим запасом времени до обеда. Однако по пустому коридору брела не в самом лучшем расположении духа.

Причиной тому был разговор с Эйлин. Точнее, переписка в уголке тетрадного листа.

Дело, которое поручила Эйлин, не сдвигалось с мертвой точки. Про эликсир «Ликвидум» все ещё было известно лишь то, что соседка уже успела мне рассказать. Новых сведений подруге пока что раздобыть не удалось, и моя надежда на свежие зацепки медленно растворялась. Блокирующее зелье, похоже, нельзя было нейтрализовать. А значит, узнать, что было (и было ли?) в бокале Фрая не суждено.

Однако я не спешила опускать руки, а потому, прежде чем уйти из аудитории, криво вывела в тетради Эйлин: «Поищешь еще?»

Подруга бодро кивнула и одарила меня несколько удивленным взглядом, будто я спросила какую-то

очевидную глупость. Я благодарно улыбнулась, собрала вещи и оставила Эйлин наедине с двумя артефактами левитации. Надо сказать, для первого раза у девушки получалось весьма неплохо, а потому я ожидала, что Эйлин немного погодя тоже отпустят с занятия.

Не стала отходить далеко от кабинета. Прошла в конец коридора, чтобы видеть дверь аудитории, и запрыгнула на подоконник. Решила, что дождусь Эйлин, а потом мы вместе спокойно поболтаем. Может, сходим в библиотеку, посидим над домашкой и вновь попытаемся решить уравнение с зельями в бокале Фрая.

Едва успела устроиться на подоконнике, нагретом солнечными лучами, как меня окликнул знакомый голос:

— Аста? Ты почему не на занятиях?

— Могу задать тебе тот же вопрос! — закинула ногу на ногу и изображала деланное спокойствие, хотя на самом деле сердце с бешеной силой заколотилось о ребра.

Даже издалека увидела, как Фрай, улыбнувшись, прикусил губу. Пока он вразвалочку двигался по пустому мрачному коридору ко мне, пыталась собраться с мыслями и успокоиться.

С нашей последней встречи прошло около шести дней. Тогда Фрай меня изрядно напугал своим порывистым и несколько глупым поведением. Его попытки приударить за мной оказались провальными настолько, что оттолкнули. Однако старалась убедить себя, что как в прошлый раз не будет. Ведь сейчас Фрай здоров и абсолютно трезв.

— У меня освобождение от тренировок, — с довольным видом заявил темерат. Встал возле меня и подпер плечом стену. — В лазарете выдали.

Солнце, заглядывающее в окно, искрой пробежало по серебряным кольцам в ухе, подчеркнуло высокие скулы и блеснуло в маслянистых черных глазах, что взирали на меня с неприкрытым интересом. Я отвернулась и крепко сцепила руки в замок.

Из мыслей все никак не уходили воспоминания из лазарета. Не могла смотреть на Фрая, не вспоминая наши переплетенные пальцы и тот момент, когда едва не упала на его грудь. Но эти картинки из прошлого не приносили томной радости или трепета. Меня лишь корбило от стыда, а душу не покидала надежда — Фрай был не в себе, и сейчас ничего не помнит.

— От заказов в связке тоже освободили? — спросила первое, что пришло в голову, лишь бы развеять тяжелую тишину.

Краем глаза увидела, как Фрай, не сводя с меня пристального взгляда, пожал плечами.

— Без понятия. Я Виви после церемонии ни разу не видел. Она и не стремится общаться со своим темератом.

— Классика, — прыснула тихо, но парень меня услышал и заинтересованно чуть подался в мою сторону.

Темерат задумчиво потер подбородок, сверля меня цепким взглядом, но я настойчиво игнорировала его внимание. Старалась держать дистанцию, а Фрай наоборот стремился ее преодолеть.

— Вы, вроде, раньше дружили? — вспомнил он.

В ответ неразборчиво мотнула головой. Я сама уже не уверена в том, что мы с Виви дружили. Делили одну комнату, да. Но, как оказалось, на этом наш общий путь завершился.

Длинная и тонкая ладонь Фрая легла на подоконник прямо возле моего бедра. Я тут же подобралась и, как мне казалось, незаметно сдвинулась. Однако парень прищурился, и в его глазах блеснула обида.

— Избегаешь меня? — спросил слишком резко.

Вскинула на него ошарашенный взгляд и, прижав ладонь к груди, не особо искренне выпалила:

— С чего бы?

Фрай сразу же распознал фальшь в моем голосе. Тяжело вздохнул, понуро уронил голову и убрал руку подальше от моего бедра. Без единого укола совести испытала волну облегчения, что тут же прокатилась по телу. Любая близость с Фраем сейчас нервировала, а под его взглядом чувствовала себя как на иголках.

Хотя парень не делал ничего такого. Не был напористым, как в лазарете, не нарушал личных

границ. Однако что-то в нем меня все равно настораживало и казалось наигранным, ненастоящим. Может, его неожиданные попытки сблизиться со мной?

Ведь Фрая всегда отличали от остальных не только самобытность и некоторая замкнутость, но и холодность к окружающим. Сейчас же охотник явно набивался в мою компанию.

Мы словно поменялись местами. Раньше я сохла по Фраю, а он меня игнорировал. Теперь же настала моя очередь играть недотрогу, но не из мести, а из-за банального предчувствия.

— Не хочешь разговаривать? — заломив бровь, поинтересовался темерат, а я уверенно качнула головой.

— Вообще-то очень даже хочу. На балу ты просил задать вопрос, — напомнила, пользуясь моментом.

Стоило спросить об обращении Фрая еще в лазарете, но тогда я сильно разнервничалась и сбежала. Да и смог бы темерат в том состоянии дать дельный ответ?

Фрай задумчиво потер затылок, взъерошил короткие темные волосы и тяжело вздохнул. Я не поняла его реакции, но интуитивно решила, что мои слова парня огорчили.

— Сначала нужно поговорить о другом, — настоял бывший охотник и посмотрел мне прямо в глаза. Сейчас, потому что сидела на подоконнике, наши лица были на одном уровне, а из-за солнца, бьющего в окно, скрыть эмоции в тени не было ни единого шанса.

Уголок губы нервно дернулся, но я заставила себя спокойно кивнуть. В груди зародилось нехорошее предчувствие. Однако если хочу узнать про то, как Фрай стал темератом, придется собраться с силами и вынести беседу, которая очевидно будет малоприятной.

— Пойдем, — он галантно протянул мне ладонь, чтобы помочь слезть с окна.

Я же благородный жест проигнорировала и сама соскользнула с возвышения. Вскинула голову и воинственно скрестила руки на груди:

— Куда? Мы не можем поговорить здесь?

Фрай опешил от моих слов. Оглянулся на пустой, утонувший в непривычной тишине коридор, и непонятливо насупился.

— Тут никого нет, — добавила твердо, но парень оказался в своем решении непробиваем.

— Пока что. Не хотел бы, чтобы нам кто-то помешал.

Тревога усилилась, и я неосознанно коснулась амулета, что покоился на груди. Металл ответил легкой прохладой, что чуть успокоила мои метания. Если что-то пойдет не так, уверена, смогу сбежать.

Нерешительно кивнула, сгребла в охапку учебники с подоконника и двинулась за Фраем, который повел по коридору. Мы миновали лестницу и прошли в следующее крыло с учебными аудиториями.

Во мне крепили сомнения, но заговорить не решалась. Даже интересно, что собирается предпринять Фрай, и чего от меня ждет?

Еще по — прежнему казалось, что передо мной не тот Фрай, которого всегда знала. А новый и совершенно незнакомый.

Мы остановились возле кабинета экономики Империи. Предмет далеко не самый популярный, и аудитория, как обычно, пустовала. Фрай придержал дверь, пропуская меня вперед, а потом сам скользнул внутрь.

Едва дверь со щелчком закрылась, темерат наложил на нее блокирующие чары. Ручка загорелась спокойным ровным сиянием, но я знала, что оно обманчиво. Заклятье неприятно опалит любого, кто попытается выйти или зайти.

Тяжело сглотнула, а тревога во мне забилась жилой черной магии. Фрай окинул взглядом пустой кабинет, будто собираясь с мыслями. Я же осмотрела аудиторию, чтобы найти наиболее выгодное положение для защиты, если она вдруг понадобится. Предчувствие беды висело надо мной черной тучей.

Амфитеатр столов уходил вверх. Кое-где на партах валялись забытые листы, исписанные какой-то очевидной ерундой скучающих студентов. У доски и кафедры было немного свободного места, но я предпочла чуть подняться по ряду и сесть на одну из парт.

По полу перед первой ступенью амфитеатра полз прямоугольник света, и Фрай шагнул прямо в него, приближаясь ко мне. Застыл, упершись ладонью в самый низкий стол, и потупил взор.

Шумный вздох эхом прокатился в тишине пустого зала. На душе стало тяжело, а сердце будто обратилось в камень. Мне было одновременно и не по себе, и жаль Фрая. Что-то в его образе вызывало сочувствие вперемешку с желанием отдалиться, спрятаться. Странный коктейль эмоций, но избавиться от чувств и страхов не получалось.

— Прости за то, что было в лазарете, — выпалил он на выдохе и одарил меня взглядом, полным боли и сожаления.

Брови удивленно поползли на лоб, а губы беззвучно приоткрылись. Камень в груди треснул, и под его тяжелыми оковами беспокойно забилось испуганное сердце. Мысли спутались, а меня окатило одновременно облегчением и тоской.

— Хорошо, — уронила охрипшим голосом и даже не заметила, как впилась пальцами в столешницу под собой.

Фраю мой ответ, кажется, не понравился. Он горько усмехнулся и коснулся пальцами лба, на котором под солнцем блестели мелкие капельки пота. Что было странно, учитывая, что в замке всегда, независимо от времени года, царит холод и гуляют сквозняки.

— Что-то не так? — спросила, чуть склонив голову.

Парень ссутулился, а я цепко следила за каждым движением, что могло выдать боль, слабость... или враждебность. Пыталась читать язык тела, но упускала очевидное.

Спустя какое-то время с ужасом заметила, что камень в браслете Фрая горел густым темно-бордовым цветом. Тут же спрыгнула с парты и подлетела к старому другу, отбросив все предрассудки и страхи. К демонам недоразумения и неловкость!

Отняла ладонь Фрая от его лица и увидела, как дрожат губы парня, пока он безуспешно пытается сложить их в привычную улыбку. Сердце болезненно сжалось и ухнуло в низ живота. В груди все похолодело, когда направленные на меня безупречно черные глаза заблестели от подступивших слез.

Я охнула и отшатнулась.

— Что стряслось, Фрай? — голос дрожал, кровь стучала в висках, а мышцы налились свинцовой тяжестью.

Боялась, что ему плохо, что он вот-вот потеряет человеческое лицо. В памяти уже пульсировали недавние воспоминания о видениях, навязанных онейрой. В них я убегала от Фрая, что быстро оборачивался инфектом и обретал чудовищные черты...

— Аста, — выдохнул он, и в груди защемило от голоса, пропитанного печалью.

Прикусила губу и сделала еще один шаг назад. Я боялась, что прямо сейчас он не вынесет натиска Тьмы, не справится с захлестнувшими мрачными эмоциями, поддастся порыву чуждой силы. Затаила дыхание и мысленно взмолилась, чтобы человечность Фрая оказалась сильнее и не дала трещину так рано...

Ведь у нас ещё может быть шанс! Мы найдем лекарство!

Заледенев, с ужасом наблюдала за Фраем и вспоминала, как не так давно сама ходила по грани. Но тогда рядом был Риган, и вопреки всему он не отвернулся в самый страшный момент, не испугался и не достал оружие... Он буквально вытянул меня обратно из бездны Тьмы, нырнув в которую однажды, обратного пути уже не будет.

Риган смог найти верные слова, чтобы спасти меня. Но что сейчас говорить Фраю, не имела ни малейшего понятия. Окаменела от страха и слепо смотрела на вьющуюся вокруг нас черную дымку Тьмы.

— Ты в порядке? — задала самый глупый вопрос, но на большее была не способна. Я даже не понимала, что происходит. Фраю больно? Он вот-вот обратится в инфекта? Может, позвать на помощь? Но как, если дверь зачарована?!

Я задыхалась от беспомощности. Не знала, как выручить парня, но и сражаться, оказалось, тоже была не готова. Во Фрае видела воскрешенные воспоминания из детства, когда так же смотрела на маму, что вот-вот была готова раствориться во Тьме.

Но оказалось, Фрай просто не мог набраться смелости, чтобы сказать:

— Я люблю тебя, Аста.

Под его внимательным, полным надежды взглядом, я не смогла сдержать нервной улыбки. Казалось, что темерат шутит или издевается, а все происходящее — неудачный розыгрыш.

— Да ладно, не говори ерунды, — отмахнулась и неестественно, хрипло засмеялась.

Наши глаза встретились, и улыбка тут же сползла с моего бледного, заострившегося от волнения лица, а зародившийся вздох облегчения так и не сорвался с губ. Фрай был серьезен, а по его щекам катились крупные капли слез...

Стыд жаром пополз от груди по всему телу. Он обвил шею тугими путами жгучей крапивы, ударил в лицо. Я изумленно уронила челюсть и застыла.

Фрай плачет? Из-за меня? Из-за чувств ко мне?!

Я не верила собственным глазам. Происходящее казалось полным абсурдом, и, несмотря на ужасное смущение, не могла убить в себе скептика.

— Ты не можешь меня любить, — сказала спокойно и ровно, будто нащупывая границы дозволенных действий.

Фрай поджал губы и запястьем утер слезы, что стекали по его посеревшему лицу. Это зрелище было каким-то неестественным, а парень передо мной казался далеким и чужим.

Это не тот Фрай, которого знала. Теперь уже я в этом ни капли не сомневалась. После бала его будто подменили.

— Ты мне не веришь, — выдохнул с обидой, и на его губах расцвела тоскливая полуулыбка.

Смотреть на него сейчас было больно, поэтому опустила глаза к носкам ботинок. Лишь бы не видеть дрожащих губ и влажных глаз!

Все это ненормального. Такого не должно быть!

— Это все из-за твоего охотника? — с ядом в голосе спросил Фрай, и эти слова глубоко царапнули по сердцу.

— Это потому, что ты не в себе, — проигнорировала вопрос, что задел за живое, но все равно сказала правду. — Фрай, тебе что-то подсыпали...

— Я люблю тебя! — снова сказал он, и я вздрогнула от злобы, что сочилась в этих, казалось бы, прекрасных словах.

Вскинула на него холодный взгляд и встала в проходе между рядами. Больше не сомневалась, что теперь наверняка знаю один из элементов зелья, которое Фрай выпил в вечер бала.

Не может спокойный, замкнутый парень в одно мгновение начать сгорать от любви, для которой не было причин. А неуместное поведение, излишняя эмоциональность и всплески необоснованных чувств?

Видимо, Фрай хлебнул немалую дозу любовного зелья. И это открытие полностью ломало предположение Ригана о том, что темерат сам подстроил свое отравление.

Зачем искусственно привязывать себя чувствами к другому человеку? Но и зачем это делать кому-то третьему? Тому, кто остается за кулисами этого театра абсурда.

— Почему ты молчишь? — сквозь ком обиды, застывший в горле, выдавил Фрай. — Ты меня не любишь?

Резко втянула носом воздух и прикрыла глаза. Как же успокоить Фрая сейчас? Нельзя дать ему удариться в злые чувства, нельзя кормить его Тьму разочарованиями. Но и играть любовь не собираюсь.

Почему-то от одной только мысли, будто клянусь Фраю в чувствах, на душе стало мерзко, а перед глазами застыл образ Ригана. Я мотнула головой, прогоняя незваное видение, и попыталась взять себя в руки.

— Ты мой друг, — сказала спокойно и шагнула навстречу обезумевшему от искусственных эмоций парню. — Конечно, я тебя люблю.

— Но не так, как я тебя, — продолжил за меня Фрай, а я едва не закатила глаза.

Это будет тяжелый бой.

— Ты нуждаешься в помощи.

— Я нуждаюсь в тебе! — взревел он и впился пальцами в мои запястья.

Я шумно охнула, когда Фрай дернул меня к себе, но вырываться не стала. Нужно успокоить его. Только так есть шанс достучаться до настоящего Фрая, а не его изнывающей от яда пародии.

Видя, что не сопротивляюсь, Фрай облегченно выдохнул. Медленно, будто боясь спугнуть, притянул к себе. Он все еще крепко держал мои руки, но когда сама потянулась к его лицу, удивленно отпустил.

— Фрай, — сказала почти шепотом, и он прикрыл глаза, слушая шелест своего имени.

Мне стало больно от этого зрелища. Он просит то, чего дать не могу. Изнемогает от чувств, которые рассеются без подпитки.

— Ты ведь знаешь, что это неправда, — попыталась воззвать к рассудку. — Понимаешь, что это не любовь, а лишь чары?

Он накрыл мою ладонь своей. Вздохнул, приоткрыв мягкие губы, и взглянул на меня из-под густых темных ресниц.

— Разве могут чары сделать так, чтобы человек был важнее воздуха?

Я крепко стиснула челюсти и прикусила язык. Спорить бесполезно. Зелье его ослепило.

Насколько же мощным было демоново варево?!

— Я постоянно хочу смотреть на тебя, обнимать, — он показательно прижал меня к своей груди, а его пальцы запутались в моих волосах. — Хочу, чтобы ты была только со мной. Не с этим охотником... И не с кем-то еще. Только со мной.

«Это не любовь», — просилось сорваться с губ, но не смогла. Побоялась снова его разозлить. А сейчас, пока Фрай спокоен, есть шанс уговорить его на...

На что?

Я не знаю ничего о приворотных зельях, кроме того, что от них случается искусственная, болезненная любовь. Даже не имею понятия, можно ли приготовить варево на кого-то конкретного, или выпивший влюбится в первого встречного? Как лечить от эйфории чувств? И лечится ли это вообще?!

— Пойдем со мной, — поднырнула под локтем темерата, схватила его ладонь и потянула к выходу. — Хочу тебя познакомить со своей подругой.

— Зачем? — насторожился парень и дернул меня обратно к себе.

Резкое движение выбило из легких воздух, а в нос снова ударил терпкий запах тела Фрая. Приятный, но из-за страха он казался удушливым.

— Думаешь так избавиться от меня? — с ноткой волнения упрекнул Фрай, а я, уткнувшись носом ему в грудь, закатила глаза.

Как можно додуматься до такой глупости?

Возможно, я ошибаюсь, но в лазарете Фрай был не настолько безумен. Сейчас у него словно совсем крышу снесло: страх, ревность, злость... Как он с таким коктейлем в душе еще удерживает человеческое обличье?!

— Хочу познакомить двух самых дорогих мне людей, — соврала, не глядя в глаза, и взмолилась, чтобы Фрай поверил.

Нужно как можно раньше показать его Эйлин. Без нее не смогу вытащить Фрая из болота навязанной зельем любви.

К моему счастью, Фрай спорить не стал. Поймал мой подбородок пальцами и настойчиво поднял его так, чтобы видеть мое лицо. Я ужаснулась, когда поняла, к чему все идет.

Парень осторожно убрал выбившуюся прядь с моего лба, провел ладонью по волосам. Он медленно наклонялся, глядя в глаза, пока меня мелко колотило.

Хотелось исчезнуть, раствориться в воздухе, лишь бы не искать выхода из сложившейся неловкой ситуации. Ведь если оттолкну темерата, он опять выйдет из себя, рискуя обезуметь. А если отвечу на поцелуй...

Я не могла этого сделать.

Застыла, не зная, как увильнуть. Заледенела, затерявшись в переплетенных мыслях и страхах. И просто надеялась провалиться сквозь землю.

И когда наши губы должны были встретиться в нежеланном поцелуе, случилось невероятное. Мои молитвы были услышаны! Под ногами засияли уже знакомые цепи рун, что заключили меня в магический круг.

Я успела только облегченно выдохнуть в чужие губы, а затем провалилась в портал.

ГЛАВА 19

Риган встретил в своей комнате с книгой в руках, а я его — с ужасом на лице. Меня заметно трясло, дыхание сбилось, а в глазах стояли слезы страха и облегчения. Я стыдилась того, что радуюсь удачному побегу, но боялась, что с Фраем теперь может случиться что-то нехорошее.

Я не понимала своих чувств, и душу грызли сомнения.

— Все нормально? — наконец, решился заговорить Риган. Он осторожно коснулся моего плеча, выводя из странного оцепенения, а я качнула головой.

— Фрай наглotalся любовного зелья, — сказала без капли сомнений и без сил рухнула в кресло, к которому меня под локоть подвел Риган.

Охотник отложил в сторону пухлый томик практической защитной магии и осторожно опустился передо мной на корточки.

— Уверена? — в тумане его глаз дрожало волнение.

Трагически кивнула, вновь ощутив, как сердце опустилось в желудок.

— Я его совсем не узнаю, — уронила тихо, спрятав лицо в ладонях. — Фрая будто подменили. А если ему сейчас плохо? Вдруг из-за меня он обратится в инфекта?

Риган сжал мои плечи, и в этом жесте ощутила невероятную поддержку. Подняла глаза к его лицу и слабо улыбнулась в знак благодарности.

— С ним все будет в порядке, — заверил парень, но я все равно не могла успокоиться.

— Почему ты так думаешь? Мы только что виделись. Он не в себе, а камень души в артефакте горел темно-бордовым.

— Как у тебя сейчас? — взгляд Ригана опустился к моей шее, которую привычно обнимала бархотка с зачарованным камнем.

Я не стала снимать украшение, но прикрыла маленький камушек дрожащими пальцами.

— Не волнуйся за него, — попросил парень и осторожно поймал мою ладонь. Ободряюще сжал ее в своих пальцах и мягко улыбнулся. — Уж поверь, я знаю об этом зелье достаточно.

Брови изумленно взметнулись ко лбу, а глаза расширились. Я не спешила выдергивать ладонь, а наоборот, крепче вцепилась в руку парня, словно боясь вновь провалиться в портал и оказаться наедине с чужим, жутким Фраем.

— Приходилось его глотать однажды, — невесело ухмыльнулся Риган и отвел затуманенный воспоминаниями взгляд. — Ужасное чувство. Но, поверь, ломает только рядом с объектом «любви».

— А в остальное время?

— Думаешь об этом человеке, но без крайностей. В них бросает, только когда видишь того, к кому приворожили. У меня сразу башню сносило, — покачал головой Риган, а у меня по коже проползли липкие мурашки.

Хуже всего — терять волю и не контролировать себя. Зелий, что превращают личность человека в пыль и подчиняют себе разум, немного, но все они крайне мерзкие. Любовное — как раз одно из них.

— Хочешь сказать, Фраю легче, если рядом нет меня? — спросила с надеждой.

Несмотря на то, что переживаю за темерата, брать на себя ответственность за его душу не хочу. Я, честно, не знаю, как выветрить из его головы эту дурь. Да и пока в крови Фрая бурлят искусственные чувства, пытаться что-то донести до него бесполезно. Он слеп и глух.

— Да, Аста, я думаю, что тебе не стоит сейчас попадаться ему на глаза. Лучше дождаться, пока эффект зелья пройдет.

— Он может пройти сам? — нахмурилась, пытаюсь вспомнить то, чего не знаю. Все-таки на первом курсе стоило записаться на факультатив по зельям, а не по истории существ...

— Выветрится через пару дней, если не подливать добавки.

Мы все еще держались за руки, и Риган осторожно погладил указательным пальцем мое запястье.

Этот крохотный жест не успокоил, а наоборот заставил сердце трепетать. Дрожащий вздох ворвался в легкие, а в лицо ударил жар смущения.

Я ведь так и не сказала Ригану, что догадалась обо всем. Не призналась, что поняла — это он приглядывал за мной все эти годы. Он, а не отец, которого незаслуженно мысленно благодарила за помощь и все ещё считала близким человеком.

— Не волнуйся, — парень оборвал поток запутанных мыслей и сам отпустил мою руку. — Зелье противное, но оно не убивает. Сейчас главное дать Фраю остыть.

Риган прошел по комнате и остановился у стола, на котором лежал оставленный ранее учебник. Пальцы пробежали по строкам, взгляд парня потерялся между букв, а я, как замороженная, смотрела на его профиль, обрисованный лучами солнца, льющимися из окна.

— Когда это случилось? — поднялась с кресла и чуть приблизилась к охотнику. Сцепила руки в замок позади спины, чтобы пальцы не выдавали волнения, и прикусила губу, дожидаясь ответа.

Несмотря на размытую формулировку, Риган легко понял, о чем спрашиваю. Он оторвал взгляд от книги и устремил его в распахнутое окно, через которое в комнату задул ветерок, принося с собой запах утреннего дождя.

— Два года назад, — окунувшись в воспоминания, отозвался Риган и подошел к окну. Его силуэт затерялся за шторами, что вздымались от ветра подобно парусам, но знакомый образ все ещё вырисовывался тенью под полупрозрачной красной тканью. — Какая-то девчонка угостила кексами. А они, как оказалось, были с сюрпризом...

Бесшумно приблизилась к парню и встала рядом, повторив позу собеседника. Мы оба оперлись локтями о подоконник и устремили взгляды на лес, что плотным кольцом обступал замок Академии.

— Так себе сюрприз, — сморщилась, представив подарочную коробочку с отравленными вкусами. — И что было потом?

— Я на какое-то время свихнулся, — грустно засмеялся Риган и стыдливо накрыл лицо ладонью. — Не понимал, что творю, когда был рядом с ней. Даже сорвал все цветы в теплице, лишь бы угодить той девушке...

— А! — протянула тут же и залилась смехом. — Помню! Я тогда тебя жутко возненавидела, потому что этот глупый «подвиг» сорвал все занятия в тот день.

Риган развел руками и насупился:

— Приятно знать, что нас с тобой связывают столь теплые чувства!

Я картинно закатила глаза, но не стала говорить, что тот прокол — не единственная причина, по которой все курсы избегала Дагера. Парень частенько зависал в компаниях, бывающих в эпицентре разной степени разгромов. Неофициальные вечеринки, сорванные пары, глупые розыгрыши...

Многочисленные друзья Ригана презирали скучную жизнь ботаников и заучек, а потому мы всегда были по разные стороны одного сражения. За исключением первого курса, когда компания Дагера настойчиво пыталась затянуть к себе нас с Виви.

— Ты понимал, что это ненастоящие чувства? — спросила немного погодя.

Риган задумчиво потер подбородок, глядя куда-то вдаль:

— Сначала, когда эффект зелья, наверное, был максимальным, нет. Хорошо, что кто-то из студентов решил, будто я пьян, и пожаловался зрителям.

— Чего хорошего? — оторопела тут же и повернулась к парню.

Он мельком взглянул на меня и слабо улыбнулся:

— А то, что упекли в лазарет и посетителей не пускали. Та девушка не смогла снова опоить меня приворотной гадостью, и ко мне вернулся рассудок. Понимаешь, к чему я?

Я оперлась на оба локтя и уложила подбородок на переплетенные в замок пальцы:

— К тому, что Фрай излечится сам. И для этого нужно две вещи: дистанция со мной и отсутствие новых доз зелья.

— Именно, — щелкнул пальцами Риган, и с карниза сорвалось несколько птиц.

Хлопая крыльями, они взвились в пронзительно голубое небо и исчезли, петляя меж остроконечных башен замка. На фоне лазурного холста Академия, выстроенная из черного камня, выглядела устрашающе и мрачно. И, надо сказать, этот облик идеально соответствовал действительности.

Академия не просто место, где готовят будущих охотников. Это еще и госпиталь для одержимых душ. Ловушка для тех, кому суждено обратиться в монстра.

— Кому это может быть нужно? — бросила с отчаянием и прикрыла глаза. — Зачем кому-то привязывать ко мне Фрая?

Я чувствовала на себе взгляд Ригана и отчаянно хотела, чтобы парень снова коснулся меня. Ободряюще сжал плечо или накрыл ладонь своей. Меня удивляли, но нисколько не пугали эти новые желания.

Чувства, вспыхнувшие к Ригану, не были неожиданностью. Они стали закономерным исходом нашей связи, за короткий срок которой мне уже удалось понять, как сильно ошибалась в Дагере.

Меня тронула его забота, которую так давно никто ко мне не проявлял. Удивила самоотверженность. И покорила верность чувствам, ведь Риган пронес тепло ко мне через года. А я его даже не узнала.

Время не на моей стороне. И если уж мне правда начинает нравиться Риган, лучше принять это, а не бегать от самой себя, терзая душу и сердце.

— Думаю, тебе не о чем волноваться, Аста. Наверняка кто-то хотел подшутить над темератами и устроить представление.

Я помнила прошлую теорию Ригана — якобы Фрай сам подстроил свое отравление. Она, кажется, не увенчалась успехом. Вот и сейчас, несмотря на мои теплые чувства к охотнику, верила ему слабо, хотя искренне этого желала.

Будь все обычной шуткой, ситуация стала бы в разы легче. Но в душе неприятно копошились сомнения. Куча вопросов мельтешила в мыслях, и ни на один не было точного ответа.

Запуталась. Потерялась в паутине странных событий.

Кто-то будто специально заваливал меня проблемами, лишь бы отвести внимание от главного. Но... от чего?

— Зачем ты меня призвал? — резко выпрямилась, повернулась к распахнутому окну спиной и приковала взгляд к спокойному лицу Ригана. — Не думаю, что просто поболтать. Хотя, знаешь, мне понравилось.

Последние слова обронила, не подумав, но запретила себе за них смущаться. Я не в том положении, чтобы цедить чувства, фильтровать эмоции и утаивать хорошее. Мне незачем думать о репутации и о будущем, ведь последнего просто не имею.

Если даже Риган сочтет мои слова за неумелый флирт, пусть так. Я ничего не теряю.

Однако парень улыбнулся, и на его щеках залегли неглубокие ямочки, а в серых глазах, смотрящих на меня, зажглись веселые искорки:

— Рад, что ты начинаешь видеть во мне человека, — мягким, бархатистым голосом отозвался Риган.

— Аналогично, — не сдержала самоуничижительной шутки и прикрыла нечеловеческие, черные глаза.

В вечер бала Риган боялся меня, и это сильно ранило. Я хотела, чтобы меня считали человеком, ведь все ещё была им. Однако стоило самой смириться со своей чудовищной сущностью, как Дагер о ней напрочь забыл.

— На самом деле я и правда хотел поговорить. Но немного о другом.

Он прошел вглубь комнаты и поманил за собой. Взял со стола какой-то блокнот, страницы которого оказались исписаны мелким почерком, и развернул ко мне.

— Как ты и просила, искал про магию крови, — он вручил мне блокнот, и я бегло просмотрела аккуратные строчки. — Книг на эту тему оказалось немного, а найти что-то по твоему вопросу так и не вышло.

Смирненно кивнула и вернула вещичку хозяину. Все, что нашел Риган, уже и так знала сама. Парень добросовестно законспектировал важнейшие выдержки, а в конце размашисто написал: «Как

сломать чары?»

Этим же вопросом задаюсь и я уже не первую неделю. Что ж, теперь нас двое.

— Книг по этому виду магии катастрофически мало, — пожаловался Риган и махнул рукой в сторону стола, на котором красовалась башня из томов с темно-бордовыми и черными корешками.

Нужно признать, книг действительно было немного. Примерно столько же нашла в библиотеке темератов, но оставалась уверена, что в основном корпусе учебников будет больше.

Похоже, магия крови не настолько популярна, ведь тома по ней можно пересчитать по пальцам.

— Совсем ничего про то, как расколоть защитную магию? — со слабой надеждой все-таки спросила я.

Риган качнул головой и поправил несколько упавших на лоб прядей. Я прикусила от досады губу и потупила взор, пока охотник в очередной раз пролистывал свои записи.

— Знаешь, Аста, может дело в том, что я не знаю, что ищу? — захлопнув маленькую книжечку, заявил он. — Ты ведь так и не пояснила, зачем тебе все это.

От его пристального взгляда меня будто молниями прошило, а в груди завязался тугой узел волнения. Душа металась, а воспоминания оживали жуткими темными картинками.

Что изменится, если поделюсь с Риганом историей своего обращения и расскажу, как получила злосчастную метку Тьмы? Возможно, я обрету союзника. А даже если нет... Хуже все равно уже не будет.

— Присядем? Это долгая история.

ГЛАВА 20

Один из явных плюсов быть в связке с охотником — пока ты рядом с напарником, его допуск становится твоим. Поэтому хоть у меня и не было разрешения на вход даже в общий парк, в зал порталов вместе с Риганом пустили без вопросов.

Координаты ненавистного поместья Линетти, кладбища моей нормальной жизни, накрепко засели в памяти. Именно эти ориентиры мы с Риганом выдали порталщику и шагнули в сияющий магический зев.

Яркая вспышка выплюнула нас на знакомой поляне. Только под ногами больше не мельтешили цветы, а зеленая трава не щекотала лодыжки. Все вообще выглядело иначе: луг иссох и пожелтел, цветы увяли под дыханием осени, а здание поместья издалека и вовсе казалось заброшенным.

Заметив мое волнение, Риган молчаливо протянул руку в знак поддержки. Я смотрела на его ладонь, а сердце жалобно защемило.

Имею ли право сблизиться с тем, кому суждено меня вскоре убить? Смею ли оживлять в Ригане старые воспоминания и вселять надежду, которой не имею сама?

Я больше не сомневалась, что небезразлична Ригану, как не задумывалась и о том, нравится ли он мне. Знала, что эти чувства взаимны, и свои Дагер пронес через года, доказав их не единожды.

Он был на моей стороне даже тогда, когда я об этом не знала. Он разменял свое будущее на мою, уже проигранную, жизнь. Без лишних вопросов исполнил все мои просьбы. Не думая, ввязался в глупое, возможно, бессмысленное расследование, чтобы найти лекарство, которого нет.

Так могу ли позволить этим чувствам цвести, хотя знаю, что очень скоро им суждено погибнуть? Погибнуть вместе со мной.

— Не бойся, я с тобой, — теплые пальцы Ригана нашли мои и крепко сжали.

Он, конечно же, даже не догадывался о том урагане чувств, что бушевал в моей душе, а сам подобные мысли в свою голову вряд ли пускал. Риган жил сегодняшним днем. Или верой в светлое будущее?

Так или иначе, но наши пальцы переплелись, и мы оба шагнули навстречу жуткому поместью и его странным хозяевам.

— Говорить буду я, — успокоил Риган, и я благодарно кивнула.

Вести новую беседу с госпожой Линетти, мягко говоря, не хотелось. Одно только воспоминание о хозяйке поместья, похожей на печального призрака, прогнало по коже волну липкого страха. А ведь я так и не помогла ее сыну, не вернула мальчика домой и даже не поинтересовалась, что стало с Томменом.

Вины не было. Все эти дни после трагедии я думала о семье Линетти лишь как о посредниках Тьмы. А как можно сострадать ножу, которым тебя режут?

Чем ближе мы подходили к дому, что высился посреди поляны одинокой серой скалой, тем меньше я узнавала в здании поместье Линетти.

Вместо величественного строения нас встретили руины. От высокого забора остались лишь накрененные прутья и обломки камней. Не было ни калитки, ни ворот, а в широкий разлом могли проехать сразу несколько экипажей. Ухоженный сад обратился в заросли густой, колючей травы, достающей до пояса.

— Мы ошиблись? — опешил Риган, издали завидев останки поместья.

Язык прилип к небу, мозг отказывался верить глазам. Я крепко зажмурилась и нажала на веки, будто это могло помочь прогнать иллюзию. Но, похоже, иллюзией было само поместье и его обитатели. А то, что мы видели сейчас, как раз и являлось неприглядной правдой.

— Нет, все верно. Я помню этот луг и дом узнаю, — потерянно отозвалась я. — Просто он был... живее.

— Если он и был живее, то лет двадцать назад, — подметил Риган, но его словам верить отказывалась.

Если охотник прав, выходит, все, что случилось со мной, не было ошибкой или случайностью. Нападение было спланировано и жестоко исполнено.

Я была готова смириться с тем, что сама угробила свою жизнь, но знать, что ее отобрали намеренно...

От злости и отчаяния меня бросило в мелкую дрожь, а перед глазами поплыло. Дыхание застряло в горле, а легким вдруг стало тесно из-за обезумевшего сердца, что тревожно билось о ребра.

Я вырвала руку из ладони Ригана и почти бегом двинулась к поместью. Ветер срывал с ресниц капельки выступивших слез, уносил прочь мои всхлипы. В виски оглушительно била бурлящая кровь, и я не слышала голоса Ригана, который просил меня остановиться.

Колючие сухие ветки цеплялись за волосы, царапали кожу, мертвая трава опутывала ноги. Бежать перестала, лишь оказавшись посреди пустынного, заброшенного двора, где, казалось, десятилетиями не ступала нога человека.

Я оглядела останки сада и безвольно уронила голову. Все здесь лишь призрачно напоминало то поместье, в котором была в конце лета. Каменные дорожки скрылись под толстым слоем пыли и песка. Клумбы задохнулись под сорняками. Землю усыпали осколки стекла, щепки и обломки камней. На своем месте была лишь качеля — под ветвями раскидистого, но дряхлого дерева.

Тело колотило, как от ужасного холода. Легкие горели то ли от бега, то ли потому, что забыла, как дышать. Слезы жгли глаза, но я не позволяла им пролиться.

В приступе слепой ярости швырнула энергетическую вспышку в сторону здания, и одно из уцелевших стекол разлетелось на осколки. Мне хотелось разнести здесь все. Не оставить камня на камне. Уничтожить ненавистное место, стереть его в пыль.

Я знала, что могу, и заветная сила обжигала кожу, просясь наружу. Из горла вырвался надсадный крик, и уже успела вскинуть руку для темного заклинания, но обмерла, когда Риган заключил меня в крепкие объятья.

— Не делай этого, — попросил он, обхватив меня руками. — Оно того не стоит.

Слепо смотрела на убитое временем здание и задыхалась от пульсирующего темной жилой отчаяния. Боль обжигающей лавой растекалась по венам, горькая тоска душила рассудок. Но заклинание так и не срывалось с кончиков дрожащих пальцев...

Чувствуя мое смятение, Риган крепче прижал к себе. Меня укутало теплом и знакомым хвойным ароматом, а перед глазами все поплыло. Я не верила в происходящее, не понимала, почему Риган пытается успокоить меня, вместо того, чтобы готовиться к сражению. Ведь очевидно, что прямо сейчас хожу по грани.

Я остро чувствовала беснующуюся темную магию, торжествующую на пепелище моих надежд. Боль питала Тьму, демоны в моей душе крепили, пока та стремительно обращалась в пыль.

И сейчас, когда я так близка к своей чудовищной сути, Риган обнимает меня, а не достает оружие. Прижимает к себе, а не готовится убить.

Безвольно уронила голову и уткнулась носом в плечо парня. Глаза щипало от подступивших слез. Чувства сплелись гремучей смесью: страх за свою жизнь, ярость из-за обмана, беспомощность перед неизбежным, уважение и благодарность Ригану. А ещё этот пожар в груди, в котором я больше не боялась сгореть.

— Надо осмотреть здесь все, — благоразумно решил Риган, а я часто заморгала, чтобы поскорее прогнать слезы.

Отстранилась первой и спокойно кивнула, будто не было никакой истерики. Риган внимательно заглянул мне в лицо, словно проверяя, все ли со мной хорошо. Его взгляд скользнул по бархотке и камню на ней. Только тогда парень отпустил мои плечи и оглянулся на заброшенный участок:

— Поищем в доме и на улице. Если здесь кто-то был, наверняка остались хоть какие-то следы.

Молчаливо согласилась с решением напарника и обернулась на здание, нависающее над нами темной рваной тенью рухнувших стен и обваленной крыши. Косые оконные рамы черными пастями выдыхали прохладу пустого дома.

— Разделимся?

— Лучше держаться вместе, — к моему облегчению решил парень, и я послушно кивнула.

Отходить от Ригана не хотелось. Особенно в этом жутком, гиблом месте.

Первым делом с помощью простого заклинания мы проверили поместье и его окрестности на следы

магии. Но на призыв отозвались лишь мои собственные чары, что использовала, когда пыталась выполнить заказ в конце лета. Больше никакая магия не откликнулась на наше заклятье, хотя провели его несколько раз, обойдя участок по периметру.

Такой исход эксперимента был ожидаем. Если кто-то решился подставить охотника, каким-то образом натравив на него Тьму, то уж наверняка позаботился о следах преступления.

Разочарование мы выказали раздосадованным вздохом и молча двинулись дальше. Вернулись в заброшенный сад, но найти что-то среди зарослей высокой травы и юрких сорняков оказалось сложной задачей. Полазив в кустах добрый час, мы сдались и решили в качестве передышки изучить здание изнутри.

Лезть в полуразрушенный дом было страшно. От монстров и чудовищ хотя бы можно отбиться, а вот рухнувшая балка или потолок — мера более радикальная.

Дверь оказалась завалена обломками второго этажа, поэтому пришлось лезть через окно. Риган снес энергетическим заклинанием остатки осколков в одном из проемов и залез первым, а потом протянул руку и помог забраться мне.

Внутри все оказалось таким же разбитым, как и снаружи. Полупустые комнаты будто спали под покрывалом паутины, немногочисленная мебель покоилась под толстым и ровным слоем пыли. Такая же пелена серой грязи покрывала пол. И ни единого следа чьего-то присутствия.

Мы бродили из одной пустой комнаты в другую. Осматривали голые полки сервантов, сбрасывали с диванов набитые пылью подушки, переворачивали покосившиеся столы и скрипучие стулья. И всюду за нами оставалась цепочка отчетливых следов.

Лестница на второй этаж, которая начиналась от главного входа, оказалась перекрыта досками обваленного потолка. На ее ступенях все так же покоилось никем не потревоженное пыльное покрывало.

Мы начали терять всякую надежду найти хоть какую-то зацепку. Риган наворачивал по комнатам не первый круг, осматривая уже вьевшиеся в память унылые интерьеры. Я же устало опустилась на ступеньку лестницы, даже не думая о пыли, которая наверняка оставит заметный след на черной ткани форменного платья. Спрятала лицо в ладонях и попыталась понять, что делаю не так.

В очередной раз прокрутила в голове все события, произошедшие в проклятом поместье. В голове звенел вопрос — почему здесь не было следователей? Почему никто не занимается делом, в котором налицо признаки подстроенного нападения?

Шумно выдохнула и вперила пустой взор в пол. Цепочки наших с Риганом следов путались между собой, петляли туда-сюда, и объединялись в тропинки, протоптанные в пыли.

Где я ошибаюсь? Что упускаю?

Что-то гроыхнуло в соседней комнате, но я даже не вздрогнула. Лишь вяло перевела взгляд на кучу досок, похоронивших под собой дверь. Перед глазами встала серая пелена, мысли погрязли в трясине тоски и отчаяния. Еще немного и, казалось, легкие, пропитанные пылью, начнут скрипеть при каждом вдохе.

Крохотные остатки надежды утекали, забирая с собой жизненную силу. Руки опускались, глаза стекленели. Но вдруг мой взгляд зацепился за крошечную деталь, совсем неуловимую и очевидно пропущенную нами...

— Риган! — тихо, но настойчиво позвала я, будто боясь, что удивительная находка испарится. — Гляди сюда!

Когда охотник с растерянным видом появился в дверном проеме, я уже указывала пальцем под доски, грудой сваленные у порога. Там из тени показывался маленький, но очень четкий отпечаток, чернеющий на фоне серой пелены.

Мы, не сговариваясь, сели на колени перед перекрытой дверью и пригнулись к самому полу, стараясь не дышать.

— Подошва? — предположил Риган, глядя на полукруглый след.

— Ее часть, — кивнула и пальцем указала на отпечатки ботинок, которые оставили сами, гуляя по заброшенному зданию.

— Пятка? Носок? Совпадение? — почесал бровь парень, а я в задумчивости повторила его жест.

Вгляделась в наши следы, пристально изучая сначала свои, а затем — Ригана. Немного пораскинула

мозгами и выдвинула предположение:

— Может, и случайность, но лучше учитывать все варианты. Поэтому... думаю, пятка.

Риган поджал губы и понятиливо кивнул:

— Если так, то тот, кто оставил этот след, выходил из здания через дверь. Причем это случилось не слишком давно.

Если за срок следа отвечала его четкость и совсем небольшой слой пыли сверху, то расположение находки и отсутствие других отметин на полу явно вызывало вопросы.

— Тогда дверь завалило позже, чем здесь кто-то был, — высказала очевидное. — Но как тут мог кто-то быть, если...

— Если нет других отпечатков? — выгнул бровь Риган и щелкнул пальцами.

Цепочки от подошв, оставленные нами, вдруг начали таять. Пыльные проталины быстро затянулись серой пеленой, уничтожив следы нашего присутствия. Но не все.

В этот раз пальцами щелкала уже я. В воздухе повисли тусклые искры — отголосок чар Ригана. Имея специальный артефакт, такие следы можно легко изучить и даже выявить, кто наложил заклятье. Однако есть и другой артефакт...

— Он использовал амнезис, — догадка озарила сознание, как вспышка молнии ночное небо. — Поэтому мы не можем ничего найти! Артефакт стер магический след владельца!

Риган сначала нахмурился, затем его глаза округлились, а широкие брови дернулись, выдавая удивление.

— Это очень дорогой артефакт, — напомнил парень, чуть понизив голос, а я лишь пожала плечами.

Помнится, на одном из занятий профессор Фармон ни секунды не думал о стоимости амнезиса. Преподаватель использовал его впустую лишь для демонстрации студентам. И, видимо, урок удался — амнезис я запомнила просто отлично.

— После использования артефакт рассыпается песком, — произнесла тихо, а сама витала в своих воспоминаниях и ярко представляла, как небольшая вазочка на столе профессора, поглотив остаточную магию из пространства, обращается в горку пыли.

Мысли сменяли одна другую, крутились, как шестеренки, пока пыталась поставить себя на место другого человека. Того, что был здесь в тот роковой вечер и дергал за ниточки из тени.

— За мной следили со второго этажа, — без капли сомнений выдала я и тут же напоролась на взгляд, полный недоумения.

Риган смотрел на меня страшными глазами. Наверняка казалась ему сумасшедшей: ходила туда-сюда, массируя виски, и выдавала одну безумную теорию за другой. Однако мне эти мысли абсурдными не казались.

— Я стояла у ворот, — пояснила, глядя в окно первого этажа, — потом под тем деревом, рядом с качелей. С первого этажа наблюдать сложно — трава слишком высокая, кусты густые и посажены плотно. А вот со второго этажа...

— Допустим, ты меня убедила, — примирительно поднял ладони Риган, но на его лице все равно отгадывалось смятение. — А дальше-то что?

Я перестала наворачивать круги по комнате, поднимая в воздух пыль, и озадаченно почесала затылок. У меня полно догадок и теорий, но все они не имеют никаких доказательств. Разве можно раскрыть дело, имея лишь сомнительный отпечаток на полу?

Но я попытаюсь сделать хоть что-то.

— Тот, кто следил за мной, накладывал и контролировал иллюзии поместья, сидя на втором этаже. Было достаточно заставить меня использовать заклятье поиска, чтобы я увидела отголосок Томмена во времени.

— Томмена? — не понял Риган, и я быстро напомнила:

— Тот мальчик, который, якобы, страдал от фуги. Но не было ни фуги, ни мальчика. Томмен был иллюзией, которая привела меня в ловушку.

Я сразу вспомнила ленту, которую «госпожа Линетти» предложила для обряда как личную вещь сына. Именно ленту использовала для активации заклинания. Но...

Выходит, и лента, и якобы мое заклинание тоже были лишь искусственной картинкой?

Шумно выдохнула и, схватившись за голову, снова опустилась на уцелевшую ступеньку. Столько вопросов, и ни единого ответа!

— Думаешь, потом этот человек специально обрушил лестницу? — предположил Риган вместо меня и присел рядом.

Шумно втянула носом воздух и покачала головой. Я ни в чем не уверена. Не верю ни одной своей догадке. Горький опыт научил, что мои теории частенько оказываются провальными.

— Не знаю про лестницу и второй этаж, но вряд ли нам стоит туда ходить, — отозвалась слабым, хриплым от волнения голосом. — Мы не нашли следов нигде, кроме этого места, — я кивнула подбородком в сторону парадного входа. — Думаю, другие зацепки нужно искать не внутри дома, а за его пределами.

Риган задумчиво потер подбородок и тяжело вздохнул, не глядя в мою сторону:

— Так. Давай сначала подведем промежуточные итоги. Хочешь сказать, этот Кто-то следил за тобой со второго этажа, затем спустился вниз и для отвода глаз разгромил лестницу? Потом стер магией свои следы, уже на выходе запустил заклятье в потолок, чтобы завалить дверь, и сразу же использовал артефакт-амнезис?

Я слушала его, заломив одну бровь, но в конце тирады, чуть подумав, ободряюще кивнула:

— Типа того. Про потолок, конечно, перебор, но зато так можно пояснить тот след — он был оставлен второпях, после того, как рассеялись прочие чары.

— А в этом был смысл? — развел руками Риган. — Разве не разумнее бы было сделать все спокойно и по порядку? Следы. Потолок. Артефакт.

Вновь стрельнула глазами под доски, где явственно выделялся пяточок, не укрытый толстым слоем пыли. Чем дольше мы обсуждали вероятные сценарии, тем меньше я была уверена в своих словах.

— Может, этот Кто-то торопился догнать меня, когда побежала за иллюзией Томмена на холм? Поэтому и оплошал с этим следом?

Все казалось слишком притянутым за уши. Но мне ужасно хотелось верить, это расследование — не детская игра и не агония перед неизбежным обращением. Я старательно искала любые, даже самые невероятные доводы, лишь бы оправдать свои метания и построить хотя бы призрачный маршрут к следующей цели — исцелению.

А ведь все могло быть куда прозаичнее моих фантастических суждений. Завалы — ерунда. Все поместье — один сплошной завал. След на полу — да хоть от спящей крысы!

Но как объяснить отсутствие чужого магического отголоска? Ведь иллюзии были, и главное доказательство тому весь день перед глазами. Мы на руинах! Никакого поместья здесь нет уже лет двадцать!

— Голова кипит, — простонала, сжав пальцами переносицу.

Перед закрытыми глазами вились концы оборванных нитей, каждая из которых отвечала за свое воспоминание. Казалось, достаточно их лишь правильно связать друг с другом, и я все пойму. Но только и делала, что вплетала в полотно новые нити, не находя концов старым.

— Сомневаюсь, что здесь мы найдем что-то еще, — ладонь Ригана легла мне на плечо и крепко сжала его в знак поддержки.

Я шумно выдохнула, распахнула глаза и подняла их к лицу Ригана. Он выглядел обеспокоенным, встревоженным и очень уставшим. Волосы будто потускнели, напивавшись пылью. Взгляд потемнел.

— На самом деле, мы уже знаем достаточно, — ободрительно улыбнулся парень, но я его неловкой радости не разделила.

Плотно сжала губы и поникла. Риган же унывать не спешил.

— Да, это не точно, но мы можем подозревать, что здесь кто-то был. Что он следил за тобой и мог накладывать достаточно мощные иллюзии. Еще у него, вероятно, был амнезис.

— Не густо. И слишком много «не точно», — отозвалась замогильным голосом и поднялась на ноги, уже собираясь покинуть проклятый дом.

Риган тут же вскочил рядом, встал передо мной и крепко стиснул мои плечи:

— Ошибаешься, Аста. Это может нам очень сильно помочь, — твердо заверил он, и я увидела, как в серых глазах сверкнули искры надежды. Будто яркая звезда своим сиянием разогнала грозовые тучи.

Я постаралась перенять энтузиазм напарника и задумалась. Что могут нам дать полученные сведения? Пусть они пока еще под знаком вопроса, но даже так стоит разобрать варианты.

Во-первых, о моем приходе знали и, похоже, готовились к нему. Выходит, задание, которое возникло в моем фолианте, изначально было ловушкой? Тогда стоит заподозрить любого, кто имеет доступ к подбору заказов для студентов.

Во-вторых, такие масштабные иллюзии под силу далеко не каждому чародею. Мой противник очень силен. Либо имеет серьезных союзников.

И, в-третьих, скорее всего, у врага есть доступ к редким артефактам. Или же огромные средства на их покупку.

Наверное, что-то изменилось в моем лице, выдав мысли, потому что Риган мягко улыбнулся и чуть крепче сжал мое плечо. Похоже, он думал о том же и в отличие от меня полученными выводами был доволен.

— Наше путешествие сюда — уже сдвиг с мертвой точки, — сказал он и потянул за собой к окну, через которое не так давно влезали внутрь дома. — Просто нужно понять, как использовать полученные знания. Они станут нашим козырем.

ГЛАВА 21

Риган спрыгнул на улицу первым и подал мне руку, чтобы помочь спуститься. Без раздумий схватилась за его ладонь и осторожно выбралась из здания. На улице уже сгущались сумерки, а воздух дышал прохладой надвигающейся осенней ночи.

— Надо успеть на холм до темноты, — пробираясь через густую поросль сухой и кусачей травы, поторопил Риган. — Осмотрим там все. След от защитного круга не должен был исчезнуть.

Знала, что ошибки, о которой столько твердил отец, в заклинании быть не могло. Однако унижительные слова зародили в душе сомнения, и потому мне не терпелось убедиться в своей правоте наверняка. Изучить выжженный на земле пентакль, проверить все знаки и остаться при своем — что-то разбило чары крови.

Преодолевав заброшенный сад, мы повторяли тот же маршрут, по которому в конце лета шла я. Миновали разбитые ворота, перелезли через разваленные клумбы, выложенные камнями, двинулись мимо качели...

И как раз в этот момент под моей подошвой что-то звонко хрустнуло.

— Ты чего застыла? — обернулся на меня Риган, по пояс стоя в траве.

Я же присела на корточки, в потемках ища взглядом источник звука.

— На стекло наступила? — приближался голос напарника, пока тот пробирался обратно ко мне.

Риган опустился рядом, и мы оба уставились слепыми взглядами под ноги. Разобрать что-то в потемках было сложно. Дагер простым заклинанием призвал световой шар и мягко опустил его на уровень наших лиц.

Рассеянное белое сияние коснулось земли, и в магических лучах радужным переливом сверкнул осколок. Он был похож на пустую ореховую скорлупу, очень тонкую и невероятно красивую. Цвета переходили один в другой, постоянно меняясь, а во мне зародилось странное чувство. Будто нечто подобное уже видела.

— Отец был прав, — выдохнул Риган, а я вскинула на него удивленный взгляд.

Свет магической сферы выделял ровные контуры лица парня и чертил на скулах тени от длинных, густых ресниц. При таком освещении особенно четко было видно, как дернулся кадык, и Риган поджал губы.

— В чем? В чем был прав твой отец? — незнание грызло изнутри, и я чувствовала себя слепой. Риган знал что-то, чего не знала я, и это ужасно нервировало.

Мышцы налились сталью, нервы звенели от напряжения, а в висках стучала похолодевшая от дурного предчувствия кровь.

— Скажи мне, — сказала с нажимом, хотя старалась, чтобы просьба звучала спокойно и ровно. — Я думала, мы можем доверять друг другу.

В глазах Ригана от моих колких слов сгустились тучи. Он тяжело сглотнул, не сводя с меня затуманенного тоской взгляда, и осторожно, на кончиках пальцев поднял с земли перламутровый осколок.

— Разве ты сама не видишь?

Я нахмурилась и впиалась взглядом в хрупкую находку. Чем дольше смотрела на переливчатую гладкую поверхность, тем быстрее билось напуганное сердце.

Когда сознание, наконец, нащупало болезненные воспоминания, и я все поняла, глаза округлились. Рот беззвучно открылся, а с лица сошла вся краска.

— Да, — верно понял мою догадку Риган и грустно улыбнулся. — Это глаз онейры. Вот откуда здесь были такие мощные иллюзии.

Охотник вынул из напоясной сумки небольшую колбу и опустил туда осколок артефакта. Я же таращилась на находку во все глаза, путаясь в вопросах, утопая в догадках.

— Ты что-то сказал про отца? — вскинулась, едва Риган поднялся на ноги, и почти бегом ринулась за ним.

Парень шел впереди, раздвигая руками заросли травы, ломая сухие ветки мертвых кустов. Сфера летела рядом с нами, освещая путь.

— Да, Аста, — мне показалось, в его голосе сквозила вина. От этого сердце в груди болезненно сжалось, и я приготовилась услышать малоприятную правду. — Наш с тобой рейд на онейру был не ради баллов и не для того, чтобы покрыть штраф ректора. Я бы никогда не пошел на такой риск ради оценок и личного дела.

Риган придержал передо мной ветку и пропустил вперед. Через достаточно крупную дыру в заборе я выбралась из сада поместья и оказалась на уже знакомом лугу. Вдалеке волной вздымался холм, на котором все и случилось какую-то Луну назад.

По коже прополз мороз, и я обхватила себя руками, дожидаясь, пока Риган тоже пролезет через разлом.

— Я ничего не понимаю, — заявила тоном упрямого ребенка. — Твой отец о чем-то знал и отправил сына в компании нестабильной темераты на самый сложный заказ. Не за баллы. Не за деньги. В чем смысл?

— Смысл в том, — Риган уже стоял рядом со мной и отряхивался от грязи и сухих листьев, приставших к одежде, — что пару Лун назад было выявлено незаконное убийство онейры. Тело с вырезанными глазами нашли в подвале нежилого дома.

— Это не объясняет моего вопроса, — запротестовала неполному ответу и воинственно скрестила руки на груди.

Риган осторожно коснулся моего локтя и потянул за собой, в сторону холма. На ходу он продолжил:

— Глаза онейры — мощный артефакт, который без лицензии и разрешения купить просто невозможно.

— Знаю. Но браконьерам закон не писан, — фыркнула угрюмо, шагая рядом с охотником. — Пусть их поимкой занимаются легионеры.

Риган спрятал ладони в карманы куртки и слабо качнул головой, бросив на меня взгляд из-под опущенных ресниц:

— Я тоже так подумал сначала, но, по словам отца, артефакторы Совета уловили мощный магический всплеск на территории Академии. Как раз незадолго до того, как было найдено тело онейры.

Отец Ригана — глава самой влиятельной организации в Империи, в которую входят сильнейшие маги. На стороне Совета деньги, власть и знания, а на их совести — огромная ответственность за народ.

Совет создает законы, следит за их соблюдением и встает на защиту Империи там, где легионеры и охотники по отдельности бессильны.

Задумчиво прикусила губу и набрала полную грудь холодного и влажного воздуха. Ночная свежесть не успокоила, мысли не прояснились. Лишь под ребрами словно залегло огненное тугое кольцо, и дышать стало тяжелее.

— Нет доказательств, что эти артефакты активировали где-то в нашем замке. Но и обратное утверждать нельзя, поэтому, пока такая вероятность есть, мы все слепы, — серьезно заявил Риган, а мне оставалось лишь молча согласиться. — Ты сама испытала на себе влияние глаз онейры, и не раз. Эти видения невозможно отличить от реальности. Так как же нам быть уверенными, что можно доверять собственному зрению?

— Создать контр-артефакт. Нейтрализатор, — догадалась тут же, вспомнив одно из последних занятий у профессора Фармона. — Только вот чтобы сделать подобную вещичку, необходим артефакт-близнец.

— Именно, — бодро кивнул Риган и подал мне руку, помогая взобраться на холм. Я с радостью приняла поддержку и вложила в теплую мужскую ладонь свои холодные, дрожащие от волнения пальцы. — Почти две Луны отец искал онейру. Никто не должен был знать о том, что Совет попытается создать нейтрализатор, Аста. Поэтому отец послал меня: вмешательство других охотников лишь привлечет ненужное внимание, а я могу действовать изнутри Академии.

Я задумчиво опустила взгляд, а Риган продолжил:

— К тому же мы не можем быть уверены, кому стоит верить. Даже среди членов Совета.

Я понуро кивнула, а потом уточнила:

— Выходит, та онейра, на которую мы с тобой ходили?..

— Не было никакого заказа. Отец знал, что в тоннелях живет монстр, но не мог убить его сам — раскрытие правды лишило бы его поста в Совете. Зато он помог нам с тобой, и уже, как смог, замел наши следы. Хотя это было сложно — разлом в тоннеле тяжело не заметить. Да и ректор уже в курсе наших дел.

В слова Ригана верилось с трудом, они не укладывались в голове.

— Глава Совета рискнул жизнью сына, чтобы...

— Чтобы, возможно, спасти сотни других, — в голосе Ригана звенела холодная сталь. — Если кто-то сумел провернуть такое дело в одиночку и оставил глаза себе, то вся Империя под огромной угрозой. Через иллюзии можно навязать любые образы, диктовать новые правила и все время прятаться в тени.

— Радиус действия этого артефакта не так велик, как ты рисуешь.

— Но мы ведь не знаем, сколько глаз задействовано наверняка. А надрезов на найденном теле было больше пятидесяти.

От этих слов по позвоночнику остро царапнула тревога. Если Риган прав, а его отец не лжет, и у кого-то без ведома властей есть целый набор глаз онейры... Мы все в большой опасности. И самое худшее — мы все абсолютно слепы.

— Глаза онейры очень прихотливый и хрупкий материал. Далеко не из каждого добытого глаза может получиться рабочий артефакт, — напомнила я.

— Именно поэтому мы с тобой и пытались добыть их как можно больше, — пояснил парень, и я задумчиво поджала губы.

Так вот зачем все это было! Ригану доверили создание нейтрализаторов. И даже не так важно, спрятаны ли контрабандные артефакты в Академии или нет. На первый план встает самооборона перед иллюзиями, за которыми может прятаться враг.

И Риган мог бы добиться успеха. Обезопасить себя и выполнить наказ отца. Наверняка господин Дагер надеялся не привлекать к делу легионеров и следователей. Ведь куда логичнее сделать все тихо, без шумихи, чтобы не спугнуть противника.

Но теперь дело зашло в тупик. А все потому, что Риган разменял успех и доверие отца на мою жизнь.

Чем выше мы поднимались к гребню холма, тем хуже мне становилось. Воздух замирал в легких. Сердце то обращалось камнем, то вдруг билось напуганной птицей.

Место, где все началось, звало и одновременно отталкивало. Извращенное желание вновь вернуться сюда быстро обращалось леденящим ужасом. Но только благодаря Ригану я могла держать себя в руках.

Рядом с ним чувствовала себя почти спокойно, потому что была уверена в охотнике больше, чем в себе. Даже когда сдамся, опущу руки и буду ходить по грани, Риган продолжит сражаться за мою душу. Он не достанет оружие и не примет мое обращение, как неизбежный, известный конец.

По какой-то причине Риган готов биться за мою жизнь ценой своего будущего.

— Здесь, — остановилась на верхушке холма и замерла, глядя на край обрыва.

Именно там пыталась спрятаться от Тьмы за завесой магии, но потерпела поражение. Именно оттуда камнем бросилась в реку, надеясь спастись.

Риган крепче сжал мою ладонь и шагнул навстречу выжженному на земле заклятью. Глубоко въевшиеся в почву знаки черными метками выделялись в свете магических шаров. Заклинание было настолько мощным, что по периметру пентакля и внутри него не осталось даже сухой травы.

Тяжело сглотнула и опустилась на корточки. Коснулась пальцами холодной земли, кончиками ощутив глубокие бороздки рун.

— Хочешь перерисовать? — Риган вышагивал вдоль края пентаграммы, изучая каждый элемент разбитого круга.

Качнула головой и отмахнулась:

— И без того помню наизусть. Здесь нет ошибки, — от этих слов в душе смешались торжество правоты и испепеляющая боль отчаяния.

Я не виновата в том, кем стала, и пыталась бороться изо всех. Выходит, мою встречу с Тьмой действительно подстроили. Более того, каким-то образом предугадали, что буду защищаться чарами крови, и нашли способ их сломать.

— Ты права, — заключил Риган, сидя напротив меня у края круга, — заклинание начертано верно. Да и судя по оставленному следу, чары крови сработали успешно.

— А мы по-прежнему не знаем, как можно их обмануть, — грустная полуулыбка коснулась губ, и я отвернулась от круга.

Если у поместья нам удалось узнать хоть что-то новое, то проклятый холм так и оставил стоять в тупике.

Не оборачиваясь на чернеющий в темноте контур бесполезного пентакля, подошла к краю обрыва. Застыла, глядя вниз, где в темноте плескалась черная вода.

— Не понимаю, как я не погибла, — уронила вслух, смотря, как в беспокойном потоке дрожат отраженные звезды и тусклая луна.

Хотела сказать, что жизнь в вечном страхе, в метаниях, в отчаянном поиске выхода — это не жизнь. Но слова застряли в горле, когда Риган осторожно нашел мою ладонь, погладил пальцем запястье и произнес:

— Тем ценнее твоя жизнь. Чудо ее спасло или случайность, но это знак — нужно бороться.

В груди болезненно защемило, а на глазах выступили слезы. Хорошо, что в темноте Риган не мог видеть чувств, которые вдруг оказалось так сложно скрыть.

Все из-за этого места. Здесь все началось, и, не будь рядом Ригана, боюсь, могло и закончиться. Ведь с каждым днем все невыносимей жить с гнетущим грузом на душе. Просыпаться с мыслями, что любой день может стать последним. Корить себя за совершенную ошибку и бояться сделать новую. Сойти с ума, поддаться Тьме и, лишившись всякой человечности, забрать с собой другие невинные души.

Не проще ли сделать всего шаг и освободить от страха и ответственности столько сердец?

Вместо ответа на свой вопрос кротко взглянула на Ригана, и моих губ тут же коснулась улыбка. Несмотря ни на что, вместе мы уже прошли немалый путь. Откопали новые зацепки, научились понимать друг друга и, кажется, влюбились.

Слишком быстро? Возможно. Но разве у меня достаточно времени, чтобы отрицать очевидное и бегать от самой себя?

— Ты прав, — прошептала, проглотив слезы. — Нужно бороться.

Как и в тот раз, когда я была на этом холме одна, мы запустили в небо сигнальное заклинание. И так же, как в прошлый раз, порталщик проигнорировал просьбу об открытии обратного прохода.

Нам оставалось только ждать, когда служитель Академии соизволит заметить наш сигнал, и верить, что случится это чудо раньше, чем окоченеет под пронизывающим осенним ветром.

Укутавшись в плащ, я села на край обрыва и свесила ноги. Было в этом хождении по грани нечто чарующее и символичное, отчего в душе все переворачивалось, а грудь изнутри щекотали бабочки.

Риган застегнул под горло плотную кожаную куртку и опустился рядом. Наши плечи соприкоснулись, а взгляды устремились в ночное небо.

Мы сидели, не говоря ни слова. Болтали ногами над пропастью, искали звезды и иногда ближе склонялись друг к другу, чтобы согреться. Но ни я, ни Риган не пытались предпринять что-то большее. Хотя мне ужасно хотелось спрятаться в объятиях парня.

Что-то изменилось во мне, в нас в ту ночь, когда Риган ценой всего спас меня от онейры. Тогда он рассказал, что помнит меня с детства, а его заклинание, звездная бабочка, стало самым искренним признанием в чувствах.

— Почему ты решил стать охотником? — спросила, глядя в черную бездну, раскинувшуюся под нашими ногами.

Риган вскинул голову к небу и чуть наклонился назад, опершись руками о землю. Его грудь вздымалась от глубокого дыхания, а лицо в лунном свете казалось сотканным из звездной пыли.

— Отец всегда говорил, что я должен быть мужчиной, и что он хочет гордиться мной, — окунувшись в воспоминания, проговорил Риган.

— Ты хотел ему угодить? — спросила осторожно, заслужив слабую улыбку в ответ.

— Конечно. Я уважаю своего отца и всегда мечтал быть хоть капельку похожим на него. Даже хотел поступить в Имперскую Академию, чтобы войти в Совет. Так же, как отец.

Я смотрела на Ригана с восхищением и завистью. Столько любви и обожания было в его словах, что невольно задумалась о своей семье. Точнее, о ее осколках — ничтожных и бесполезных.

— Да, мой отец охотник и в Совет попал случайно. Но я жаждал пойти по его стопам и занять место среди самых влиятельных людей Империи.

— И вот ты здесь! — не удержалась от комментария. Мы оба тихо прыснули, обменявшись улыбками.

— Только потому, что понял, что значит быть мужчиной, — даже в темноте заметила ямочки, которые залегли под острыми высокими скулами. — Не власть делает тебя мужчиной и не сила, а способность защитить и стать опорой.

Задумчиво кивнула, поправила выбившуюся прядь за ухо и тяжело сглотнула. Риган говорит правильные вещи, но, выходит, мой отец настоящим мужчиной никогда не был.

Бросил нас с мамой, когда мы нуждались в нем больше всего. Выбросил из семьи меня, чтобы не мозолила глаза и не терзала сердце ужасной схожестью с погибшей женой.

Я крепко стиснула челюсти, сжала кулаки. Магические сферы давно потухли, и Риган не заметил во мне перемен. Он смотрел в чистое небо, и отражения звезд яркими искрами танцевали в его глазах.

— Однажды к нам в дом ворвался взбешенный крикун. Это сейчас я понимаю, что есть твари гораздо опаснее, но когда был ребенком, ужасно напугался. Поэтому отец, в одиночку отбившийся от чудовища, стал для меня героем и примером настоящего мужчины. Я понял, что хочу защищать людей, и именно в этом видел свой долг. Вот почему я поступил в Академию Изгнания.

Притихла, не сводя глаз с парня. Слушала, затаив дыхание. Риган будто открывался для меня с новой, казалось, никому неизвестной стороны. Дагер больше не казался ветреным прожигателем студенческих лет. Я понимала, что этот образ выдумала ему сама и была ужасно неправа.

Меня обманули внешность, статус и богатство, за которыми к Ригану тянулись столь многие. Глядя на вечные толпы вокруг Дагера, на его популярность, к которой он даже не стремился, я нарисовала свой облик Ригана и заведомо вычеркнула его из своей жизни.

Как же я ошибалась! Сама создала маску для другого человека и даже не попыталась заглянуть под нее, чтобы увидеть истинное лицо.

Кто знает, если бы я не стала темератой, если бы не наша связка, сумела бы разрешить себе разбить все маски, стереть иллюзии и взглянуть правде в глаза?

Вряд ли. Я бы так и продолжила избегать Ригана, считая его популярной и симпатичной пустышкой. Мы бы закончили Академию и разбрелись по миру, а я бы так никогда и не узнала, что мальчик с ярмарки вырос и стал мне лучшей опорой, чем родной отец.

А даже если бы Риган признался, не поверила бы. Махнула бы рукой и уехала, куда глаза глядят.

Но теперь у меня нет причин сомневаться, даже несмотря на то, что вслух никто из нас ни в чем не признался. Мне слова Ригана не нужны — за него сказали поступки. Да и Ригану мои исповеди ни к чему — если мы не найдем лекарство, чувства умрут вместе со мной, едва родившись.

— Он гордится тобой, — произнесла едва слышно.

Риган перевел на меня взгляд, сияющий от звезд, и улыбнулся:

— Знаю. И бесконечно это ценю.

Повисло молчание, а воздух вокруг будто сгустился. Сердце в груди затрепетало, словно вот-вот должно было произойти что-то очень важное. Я застыла, глядя, как Риган медленно наклоняется ко мне. Наши глаза встретились, и парень замер.

Даже в темноте я видела каждый миллиметр его лица, что вдруг оказалось так близко к моему. Мне ужасно хотелось коснуться его. Очертить кончиками пальцев высокие скулы, волевой подбородок, дотронуться до мягких губ и густых ровных бровей. Меня тянуло к нему, тело просило тепла.

Хотелось податься вперед и спрятать лицо на груди охотника, прижаться к нему и хотя бы ненадолго забыть, что без лекарства, как цветок без воды, все это обречено на гибель.

Но я не могла сделать первый шаг. Стыдилась, что так долго была слепа и предвзята. Боялась дать надежду, а потом ранить своим уходом.

— В кабинете ректора ты говорил, что твой отец оказал Френелю какую-то услугу, — голос вспорол ночную тишину и разрушил магию момента. — О чем шла речь?

Риган отпрянул, а я прикусила губу. Вот и зачем это сделала? Ляпнула, не подумав!

— Ничего такого, — вяло отмахнулся парень и стыдливо отвернулся.

Я ощутила укол совести и горькое сожаление. Сама ведь хотела его обнять! А теперь растоптала чудесную атмосферу, испугавшись первого поцелуя!

Руки чесались хлопнуть себя по лбу от негодования, но Риган не дал мне с головой нырнуть в самоуничижительные мысли и продолжил неловкую беседу:

— У ректора Френеля были проблемы в семье. Ты, наверное, знаешь, — сказал он между делом, а я натянута кивнула.

Уж я-то знаю об этом как никто другой!

— Время, когда он стремился занять ректорский пост, как раз совпало с появлением первых жертв Тьмы. Его семья, жена и дочь, погибли, и это вызвало шумиху.

— Вот как, — протянула, ощутив, как тело начинает крупно колотить.

Значит, жена и дочь?

Риган, к счастью, мое удивление расценил как неведение. Он не понял, почему оказалась так шокирована, а я не пыталась пояснить. Это никому из нас не нужно.

— Ясное дело, что с таким пятном на прошлом сложно самому занять управляющий пост, — продолжил пояснять Риган. — А во время учебы в Академии мой отец и господин Френель, так уж вышло, были дружны. Когда старый товарищ обратился за помощью к отцу, он уже состоял в Совете. Дальше дело за малым — замолвить пару слов нужным людям. Вот и все.

Я обдумывала каждое слово, сказанное Риганом. Сознание затуманилось, мысли сплелись в тугой комок.

— Выходит, твой отец помогал ректору ещё и с документами? — спросила, пытаюсь выровнять сбившееся от волнения дыхание.

Риган бодро кивнул, глядя куда-то вдаль:

— Разумеется. Поэтому, можно сказать, ректор в долгу у моей семьи.

Сцепила дрожащие пальцы в замок и постаралась успокоиться. Я гнала от себя навязчивые догадки и старалась не думать о том, кто именно помогал господину Френелю стереть мое имя из семейного древа.

О том, кто заменил мои документы и кто знает, что Аста Навье на самом деле — Аста Френель.

— Риган, — позвала чужим, скрипучим голосом.

Парень обернулся, быстро стянул с себя куртку и накинул на мои плечи.

— У тебя голос осип, — пояснил он быстрее, чем успела протестовать.

Не стала отнекиваться, тем более мне выгодно, чтобы охотник мое волнение не замечал. Однако теплее от дополнительного слоя одежды не стало. Я мерзла изнутри.

— Ты бы смог отказаться от своего ребенка? — слова снова сорвались с пересохших губ быстрее, чем успела прокрутить их у себя в голове.

Риган непонятливо нахмурился и застыл, глядя на меня цепким взглядом. Он ждал пояснений.

— Ты бы стал менять имя, допустим, своему сыну и делать вид, будто его не существует? — казалось, каждая фраза все глубже зарывает меня.

Боялась, что лицо Ригана так и останется непроницаемым, пустым. Еще больше пугало, что он догадается и осудит.

Но я никак не ожидала, что он без капли сомнений скажет:

— Да, если бы от этого зависела его жизнь. Я бы сделал это, чтобы спрятать своего ребенка.

ГЛАВА 22

К комнате Риган проводил меня ближе к полуночи, когда замок уже спал. Я ждала, что охотник возьмет за руку, обнимет, но он лишь пожелал спокойной ночи и растворился в темноте коридоров.

Эйлин спала, укутавшись в одеяло. Я не стала зажигать свечи или призывать магические сферы. В потемках стянула ботинки, отбросила на спинку стула плащ и прямо в одежде легла в кровать.

Сон абсолютно не шел, хотя чувствовала себя разбитой. Мысленно я все еще бродила по окрестностям заброшенного поместья. Раз за разом восстанавливала в памяти увиденное и пыталась состыковать зацепки между собой.

Однако нити в моем полотне проблем по-прежнему не желали связываться в единую картину.

Я ворочалась, волосы разметались по подушке, одеяло и простынь скомкались. Бессонница подсовывала все новые и новые невероятные сюжеты. Дошло даже до того, что в своих подозрениях склонялась к виновности порталщика или профессора Фармона. Наутро эти теории наверняка покажутся ужасной глупостью, но сейчас я отчетливо осознавала, что у первого есть возможность координировать передвижения студентов, а у второго имеется доступ к артефактам.

В попытках уснуть провела несколько мучительных часов, а когда все-таки отключилась, провалилась в глубокое забытие.

В выходные дни колокола не звонят, и мне повезло, что после отвратительной ночи не последовало оглушительное утро. Я проспала до обеда, пропустив завтрак. Однако на тумбочке у кровати меня, как нельзя кстати, ждал поднос с едой, принесенный из столовой.

— Спасибо, Эйлин, — прохрипела, отлипая от подушки.

На благодарность никто не ответил, и только тогда я огляделась. Подруги не было ни за рабочим столом, ни у зеркала, ни на кровати. О недавнем присутствии соседки говорил лишь открытый комод и украшения, аккуратно сложенные в вазочку на тумбе. Эйлин ушла в купальни или решила посвятить день стирке?

Я пожала плечами и принялась уплетать остывший завтрак, попутно строя планы на сегодня.

В моем списке важных дел все ещё числился разговор с Фраем. Каждый раз, когда пытаюсь поговорить с темератом о его обращении, что-то выходит из-под контроля. Парень то травится, то страдает от похмелья, а то и вовсе — от любовного зелья.

Воспоминания о последней встрече с Фраем приятными назвать сложно. Едва перед глазами возникает плачущий темерат, на душе становится гадко, сердце щемит от необъяснимой тоски, а тело покрывается липкими мурашками.

Нет ничего хуже воздействия на сознание. Я испытывала его на себе, когда была в поместье Линетти. Видела, что навязанная воля делает с другими людьми. Жутко, мерзко, страшно.

От таких мыслей еда комом встала в горле. Я отодвинула тарелку и поджала колени к груди, обхватив их руками.

Мысли — самое личное, что у меня есть. Думать о том, что кто-то может даже в Академии оказывать на них воздействие — невыносимо.

Переливающаяся скорлупа, найденная в заброшенном саду, ярко стояла перед глазами, в мельчайших деталях отпечатавшись в памяти. Я не могла выкинуть из головы слова Ригана о том, что, возможно, таких артефактов полно и в нашем замке.

Ссутулилась, обратившись в комок страха и костей. Вжала шею, низко опустила голову, будто пыталась защититься от всего мира. Но назойливые мысли не уходили, мне некуда было от них спрятаться.

Снова думала о поместье, чарах крови, Фрае...

Что стало с темератом после моего ухода, не знала и очень этого стыдилась. Но и пойти к бывшему охотнику боялась. Вдруг Фрай еще страдает от действия приворотного зелья? Тогда мой визит вновь разворошит искусственные чувства и доставит только боль. Лучше дожидаться Эйлин, спросить совета и поговорить о Фрае.

Встала с кровати и оглядела свою измятую после сна форму. Недовольно щелкнула языком и направилась приводить себя в порядок. Переоделась в другое платье. Затянула на груди тесемки, на подвернутых длинных рукавах — ремешки. Расправила юбку, спускающуюся почти до колена. Под

низ надела высокие плотные чулки, без которых в замке уже было достаточно прохладно.

Подошла к зеркалу, чтобы причесаться, и в поисках расчески стала шарить взглядом по комоду и тумбам. Однако вместо нужной вещишки заметила кое-что другое...

В вазочке с украшениями Эйлин блестело и переливалось кольцо, которое подруге вручил анонимный воздыхатель. Еще пару дней назад я бы не обратила внимания на яркий цветной камушек, но сегодня, увидев знакомый перламутр, едва могла дышать.

Справившись с волнением, похолодевшими пальцами вынула кольцо и уложила на ладонь. Глянцевая поверхность отразила дневные лучи, игриво сверкнув, и тут же сменила цвет с голубого на розовый. В центре круглого камня виднелась золотая сердцевина — спрятанный в скорлупу осколок солнца.

Меня передернуло от воспоминаний, что мигом ожили в сознании. Я словно вновь лежала под лапами чудовища, которое смотрело на меня десятком сверкающих злобой глаз. Опять поднимала с земли надломленный артефакт...

Не тратя ни секунды, схватила со стола первый же попавшийся листок и неровным почерком написала короткое послание для Ригана: «Призови меня». Буквы скакали, лезли одна на другую, выдавая бушующие эмоции. Я не стала переписывать записку. Скомкала бумагу и произнесла заклинание.

Листок затлел прямо у меня в руках. Он быстро растворялся, обращаясь в дым и тая на глазах. Когда моя ладонь осталась пуста, надела кольцо Эйлин и принялась за второе письмо.

Сумбурные пояснения для подруги вышли такими же корявыми и нестройными. Да и содержание оставляло желать лучшего.

«Кольцо — глаз онейры. У меня», — успела вывести последние буквы, а потом провалилась в уже знакомый портал, открывшийся под цепочкой сияющих красных рун.

На этот раз из портала я вышла вовсе не в комнате Ригана, как ожидала. Хотя было очевидно, что перенеслась в башню общежитий. Причем, судя по розовым стенам, пушистому покрывалу и цветочному аромату духов, апартаменты явно девчачьи.

— Что стряслось? — Риган подпирал спиной закрытую дверь чужой спальни. В соседней комнате переплетались голоса, звонкий смех и даже аплодисменты.

От удивления я на какое-то мгновение забыла, зачем явилась. Настолько меня шокировала новая обстановка и веселье за стеной, что только и могла молча хлопать ресницами.

— Куда ты меня призвал? — вздрогнула от нового взрыва хохота.

Риган опустил голову, а его тонкие пальцы нырнули в чуть взлохмаченные волосы.

— Это комната Лекси. Ребята пригласили посидеть на выходных вместе, и я...

— Не надо, — остановила, подняв перед собой ладонь. — Не отчитывайся.

Тьма отозвалась во мне холодной волной, прокатившись от груди к кончикам пальцев. Обида взяла в тиски горло, и я не могла проглотить этот горький ком, хоть и понимала, что злиться или ревновать не должна.

У Ригана своя жизнь, которая продолжится, даже если моя оборвется.

— Вот, — только и смогла выдохнуть и подняла руку, демонстрируя кольцо, инкрустированное глазом онейры.

Риган несколько секунд растерянно таращился на сверкающий камень. Его брови дернулись, выдавая удивление. Парень протянул ко мне руку, подзывая к себе:

— Откуда оно у тебя? — спросил почти шепотом.

— После бала его кто-то подкинул моей соседке по комнате, — тоже перешла на шепот, хоть и не очень понимала зачем. За дверью все равно стоял такой шум, что даже, когда Риган говорил в полный голос, мне, стоя достаточно близко, приходилось прислушиваться.

Без лишних слов Риган протянул раскрытую ладонь, в которую догадливо вложила кольцо. Парень внимательно осмотрел украшение, покрутив его в пальцах.

— Ты проверяла его магический стержень? — спросил, мельком глянув на меня.

— Нет. Сразу пришла к тебе.

Риган кивнул и сел на пол, прижавшись спиной к двери. Я тоже опустилась рядом, опершись о дверь плечом.

Магический стержень есть во всех артефактах, и именно на него нужно воздействовать при создании нейтрализатора. Нашупать суть, понять природу и перевернуть, заменив на обратную.

Я неплохо владею этим навыком, но получится ли проделать заклятье на таком сложном и редком артефакте как глаз онейры?

— Ошибка уничтожит артефакт, — предостерегла, и сама ощутила, как сердце опустилось в желудок.

Риган оторвал взгляд от кольца и поднял на меня серые, глубокие глаза, в которых плескалась непоколебимая уверенность:

— Вместе? — он протянул мне руку, и я без сомнений сжала ее в своей.

— Вместе.

В соседней комнате гудели голоса, громыхала музыка, но все эти звуки будто растворились в пространстве и обратились далеким эхом. Мы с Риганом одновременно, не расцепляя пальцев, переплетенных в крепкий замок, использовали заклинание, что должно было помочь найти источник силы артефакта.

Сразу отыскать магический стержень не вышло, но я отчетливо чувствовала магию Ригана, что текла сквозь мои пальцы. Сила охотника пульсировала теплым, но не обжигающим пламенем. Светлый поток лился подобно горному упрямому ручейку.

Не могла сдержать улыбку, а в груди не прекращали трепетать бабочки. Во мне не угасала мысль, будто через магию Ригана я коснулась его сердца. Приятное, сладкое ощущение, в котором переплетались души.

Интересно, а как мою силу ощущает Риган? Кажется ли она ему такой же теплой, мягкой? Или черный поток кусает кожу холодом и пугает непокорностью?

Я кротко взглянула на парня, надеясь увидеть на его лице хоть какой-то ответ. На губах охотника играла улыбка, и, когда Риган заметил мое внимание, она стала только шире.

— Вот оно! — вдруг шепнул напарник, и я тоже ощутила чужую магическую жилу.

Она казалась неуловимой, тонкой, но при этом очень сильной. Странное сочетание, но и глаз онейры не самый простой артефакт.

Подчинить и деформировать жилу артефакта оказалось сложнее, чем я думала. Поток постоянно ускользал, терялся и маскировался под магию Ригана. Сначала это приводило в полное недоумение, но очень скоро научилась отличать подделку от реальной силы охотника.

Другой проблемой стала хрупкость жилы. Пытаясь подстроить суть артефакта на новый лад, мы чуть не сломали его. Однако спустя множество попыток и аккуратных пробных подходов, мы с Риганом все-таки сумели подчинить новую магию и направить ее в правильное русло.

После этого артефакт будто захлопнулся — ток магии прекратился, кольцо на какое-то мгновение даже показалось обыкновенной пустышкой. Мы с Риганом испуганно вздрогнули и переглянулись.

— Сломали? — с моих губ сорвался жалобный писк, а я виновато сморщилась.

Риган задумчиво качнул головой и вновь применил заклинание, нащупывая магический стержень. На этот раз жила отозвалась сразу же. Жесткий холодный поток прокатился под кончиками пальцев абсолютно новой магией, которая больше не увиливала и не маскировалась.

— Получилось! — выдохнула, не в силах сдержать улыбку.

Риган довольно кивнул и протянул кольцо-нейтрализатор мне. Вместо того чтобы принять артефакт, я поддалась эмоциям и прильнула к парню, заключив в крепкие объятия. Риган тихо охнул, изумившись, но отталкивать не стал. Его ладонь очертила путь от моих лопаток до талии, где и замерла.

Меня мелко колотило от восторга, который вызвала первая за столь долгое время удача. Надежда как солнечный лучик пробилась сквозь тяжелые свинцовые тучи, что клубились вокруг меня непробиваемой стеной. Сейчас как никогда чувствовала, что долблюсь не в глухой тупик. Выход

есть, и я на правильном пути.

— Получилось, — произнесла одними губами, чуть отстранившись от Ригана.

Улыбка не сходила с губ, и я нашла ее отражение на лице парня. Его глаза сияли, словно мы вновь сидели на том обрыве и смотрели в звездную высь.

Риган медленно склонился ко мне, будто давая шанс остановить его. Сердце пропустило удар, когда поняла, что произойдет дальше. Я не стала отодвигаться, а лишь прикрыла глаза и послушно подалась вперед. Парень крепче стиснул меня в объятьях, одна его ладонь легла мне на затылок, а потом наши губы встретились.

Первый поцелуй вышел мягким и невесомым. Безумная нежность сквозила в каждом движении. Жар прокатился по всему телу, сконцентрировавшись там, где Риган меня касался: на талии, шее и губах.

Я сделала вдох, украв его с чужих губ, и вновь прильнула к Ригану. Он обхватил мое лицо ладонями, его губы заскользили к щеке, шее...

А потом кто-то с другой стороны толкнул дверь с такой силой, что я зашипела от боли в ушибленном плече.

— Риган? — позвал до тошноты знакомый, слащавый голос.

Все еще сидя на полу, обхватила себя руками, словно это могло меня как-то спрятать. Подняла загнанный взгляд на Виви и криво усмехнулась, заметив, как перекосило лицо бывшей подружки.

Она беззвучно открыла рот, но слова так и застряли в горле. Вивьен потребовалось несколько безумно долгих мгновений, прежде чем она сумела вернуть контроль над эмоциями.

— Риган? — голос блондинки звучал уже твердо и сурово. На меня она демонстративно больше не смотрела.

Виви прошла вглубь комнаты и заглянула за дверь, которой не так давно пришибла и меня, и охотника. Риган так же сидел на полу, ошарашено потирая затылок.

— А? — глубокомысленно произнес он, воззрившись на взбешенную девушку.

— Просто довожу до твоего сведения, что пока ты тут развлекался, там, — она картинно махнула рукой за спину, — ты уже проиграл.

Я нахмурилась и уставилась на Вивьен взглядом, полным возмущения. Однако она меня старательно игнорировала. Вопрос, который хотела задать, так и остался не озвученным, потому что от гомона в соседней комнате завибрировали стены.

Виви высокомерно задрала напудренный носик, пронзила меня испепеляющим взглядом и исчезла за дверью, которой от души хлопнула.

— Кажется, у нас небольшие проблемы, — с растерянным видом уронил Риган, поднимаясь с пола.

Он протянул мне руку, чтобы тоже помочь встать. Я цепко ухватила за ладонь и впиалась в парня недоумевающим взглядом:

— Проблемы? Снова? — выдавила на грани возмущения.

Стоило вкусить первую победу, как тут же подоспели новые затруднения!

Риган, прежде чем отпустить мою ладонь, напоследок крепко сжал ее и заглянул в глаза, словно успокаивая. Однако этот жест лишь сильнее встревожил.

А потом охотник широко распахнул перед собой дверь, чуть ли не с пинка возвращаясь в холл, утопающий в музыке:

— Отошел всего на пару минут, а вы уже разобрали все лавры? — появление Ригана заставило шумную компанию мигом притихнуть.

Я выйти на всеобщее обозрение не решалась. Сначала мялась в чужой спальне, не испытывая ни малейшего желания оказаться в компании бывших сокурсников. Но здравый смысл подсказывал, что дверь из апартаментов одна, и мне все равно придется показаться народу.

Нерешительно встала за спиной Ригана, ссутулилась, пытаюсь сжаться в незаметную тень. Однако спрятаться не удалось, меня сразу же заметили.

— Пару минут? — гроыхнул шкафоподобный охотник, имя которого не помнила. — Вы развлекались там добрых полчаса!

По толпе студентов прокатился ужимистый смех. Спина Ригана больше не прятала от чужих насмешливых и осуждающих взглядов. Потому вздернула подбородок и встала плечом к плечу с Дагером.

— Аста, тебе одолжить расческу? — ехидно произнесла Виви.

Ее обращение ко мне застало врасплох. Мы не говорили почти целую Луну с того момента, когда я получила метку Тьмы. Подумать только! Наша первая беседа — издевки ради подначивания толпы!

— Держи, не стесняйся, — острые уголки розовых губ блондинки поползли вверх, когда она неприятно, злобно скривила улыбку.

Виви протягивала мне расческу, специально размахивая ею прямо перед моим лицом. Я же растеряно коснулась волос, вспомнив, что после пробуждения так и не успела привести прическу в порядок, а сразу же направилась к Ригану.

Спешно метнула взгляд к большому зеркалу в витиеватой рамке, что висело на противоположной стене, и стыдливо обхватила себя руками. Отражение оставляло желать лучшего: волосы взъерошены, будто только что пережила падение с башни астрологов, щеки горят, а покусанные в волнении губы выглядят заметно припухшими.

Ясно теперь, почему эти гиены так скалятся...

Виви дерзко пихнула меня расческой в плечо, и мне ужасно захотелось щелкнуть блондинку по носу каким-нибудь жгучим заклятьем. Я поджала губы и вскинула руку, чтобы метнуть в ревнивую «подружку» несколько темных искр, но Риган перехватил мое запястье и вышел чуть вперед:

— Спасибо за заботу, но, если хочешь помочь, лучше принеси воды, Виви. Мы изнемогаем от жажды.

Риган заломил бровь, глядя, как лицо Вивьен косит от гнева. Парень же деловито прижал меня к себе, даже не заметив, как щеки запылали жаром.

По толпе прокатился новый смешок. Однако косые взгляды были направлены теперь не на меня, а на Виви.

Ноздри аристократки расширились от гнева. Виви шумно втянула носом воздух и поджала дрожащие губы. Мечущимся взглядом пробежала по улюлюкающей компании.

Мне даже стало немного жаль бывшую подругу. Комната чуть ли по швам не трещала от количества гостей: будущие охотники сидели на диване, ковре, щемились на подоконнике, а кто-то даже умудрился запрыгнуть на комод, примостившись прямо рядом с подносом, полным печенья. И все они смотрели на Виви с неприкрытой насмешкой.

Несмотря на то, что наша дружба оказалась лишь призрачной иллюзией, что рухнула при первой же трудности, мне было жаль Виви. Впервые не она смотрела свысока, а на нее.

— И мне принеси воды, Виви! — выкрикнула заказ Лекси, почему-то танцующая с бутылкой облепиховой настойки. На подбородке охотницы уже не было ни следа нашей с ней стычки в спортивном зале.

— А мне лучше тогда крекеров! — попросил парень и щелкнул по коробочке с магическими кристаллами. Те засияли чуть ярче, и музыка заиграла с новой силой.

После этого поток просьб было не остановить. Все ради шутки стали сыпать съестными желаниями, а Виви с каждым словом все больше выходила из себя.

— Вот бы еще настоек из лазарета! — мечтательно протянула Лекси, напрочь позабыв, что не так давно просила только воду.

Это стало последней каплей для Виви. Она пронзила меня пылающим взглядом, развернулась на пятках и широким шагом направилась на выход.

— Ты все запомнила? — бросил ей в спину мой бывший одноклассник. Кори валялся в кресле, в одной руке держа бутылку с неизвестным содержимым, а второй обнимая сидящую у него на коленях девочку.

Кокетка игриво хихикнула и прильнула к Кори, когда тот отсалютовал обернувшейся Виви бутылкой. Блондинка что-то буркнула под нос, с грозным видом вернулась обратно, выхватила из

рук оппонента почти пустой сосуд и только тогда решительной походкой скрылась за дверь.

Уход Вивьен для большинства тусовщиков остался незамеченным: Лекси продолжала танцевать, половина ребят увлеклась новой беседой, а остальные вновь обратили свои взоры на нас с Риганом.

Стало очень неуютно, и я, было, сделала шаг в сторону двери, но меня остановил все тот же парень, у которого не так давно Виви украла бутылку:

— Риган, я тебя, конечно, очень уважаю, но сути дела это не меняет.

Я недоуменно вскинула бровь и обернулась сначала на Ригана, а потом на Кори, возмнившего себя боссом. Уж очень не нравился мне этот наигранный деловой тон...

— Ты проиграл, — коротко пояснил «главарь», все ещё восседающий на своем продавленном троне. — Уговор есть уговор.

Все студенты разом притихли, и я вместе со всеми обернулась на Ригана.

— Я не проигрывал, — заупрямился тот и скрестил руки на груди. — Я ушел сразу после начала игры.

Он кивнул подбородком в сторону стола с начертанными цветными полями. Там же валялось несколько пестрых камушков и неаккуратная колода. Серый камень, охваченный цепочкой символов, ютился в самом углу.

— Ты ушел, но игра продолжилась, — пожал плечами мерзкий тип и щелкнул пальцами. Серый камень, в игре наверняка принадлежавший Ригану, обратился в пыль, которая тут же тонкой дорожкой, проложенной в воздухе, потянулась к Дагеру. Уже через какое-то мгновение на кисти охотника красовалась тусклая метка проигравшего.

Эту игру знает каждый студент: магическое соревнование, где побеждает тот, кто занял больше всего полей. Звучит просто, но на деле нужно быть сильным и внимательным магом, чтобы не упустить момент, когда кто-то нарастит достаточно мощную атаку или же соберет все карты преимуществ.

Правила знаю, но сама никогда не играла: перед началом соревнования обычно задается какая-то ставка, а игроки заключают магическое соглашение. Проигравший обязан выполнить все условия, иначе рискует нарваться на штрафное наказание.

— На что вы играли? — мой взгляд заметался по лицам присутствующих и замер на Ригане, на руке которого красовался знак долга.

Все молчали, а Дагер виновато поджал губы и опустил лицо.

— Они играли на фолиант! — объявила Лекси, плюхнувшись на подлокотник дивана. Несколько людей тут же испуганно вжались в мягкую спинку.

— Мы играли на заказ, — поправил Риган, глядя мне в глаза.

— Какой еще заказ? — угрюмо свела брови и воинственно сложила руки на груди.

— Проигравший должен выполнить вместо меня заказ на персекутру, — не поднимаясь с кресла, вмешался Кори. — А до тех пор... его фолиант опечатан.

— А что получил победитель? — задала опрометчивый вопрос, чем мигом рассмешила добрую половину присутствующих.

— Я победитель, — отозвался Кори и крепче обнял девчонку, сидящую у него на коленях, — поэтому я и выдвигал цену проигрыша.

Последние слова не произнес, а буквально выплюнул.

— Извини, но я не собираюсь тратить свое время на то, чтобы заработать тебе баллы по практике, — покачала головой и уже направилась на выход.

Однако в спину мне донеслось:

— Да мне плевать на тебя, Аста, — прошипел змееныш-победитель. — Метку проигравшего носишь не ты, а Дагер. Ему и расплачиваться.

Я шумно втянула носом воздух и обернулась на Ригана. Он без лишних слов поднял со стола чужой фолиант и уже раскрыл его на последних страницах, ища координаты заказчика.

Да, мерзавец прав. Я не участвовала в соревновании и никому ничем не обязана. А вот Ригану придется в лучшем случае распрощаться с фолиантом, если в ближайшие сутки игровой долг не будет оплачен.

Будто подслушав мои мысли, Кори простым заклинанием копировал метку с кисти Ригана на его фолиант, что лежал на коленях негодяя. Знак изучал пульсирующее сияние, и казалось, каждая новая вспышка символа отсчитывает оставшееся время.

Я догадывалась, что это значит: через сутки от фолианта Ригана останется только пепел. А за такое легче простого вылететь из Академии... И, абсолютно уверена, отец разбираться не станет, а сразу же выставит Дагера за дверь.

— С тебя артефакты перемещения, — протянула наглецу раскрытую ладонь и требовательно качнула ей прямо перед его крючковатым носом.

Парень одарил удивленным взглядом, которым изучил меня от макушки до пят:

— Тебя вообще сюда никто не звал, Навье.

— Живо! — процедила с нажимом, пронзив оппонента прожигающим взглядом.

Он тяжело сглотнул и отшатнулся. Почти физически ощущала, как в нем копошатся темные эмоции. Казалось, могу одним щелчком заставить наглеца захлебнуться в собственном страхе. Но я отбросила ядовитые мысли и произнесла:

— И не пытайся мне врать. Я знаю, что у тебя они есть.

Все в комнате испуганно застыли, глядя на развернувшуюся сцену. Я блефовала и боялась, что мое вранье вернется колкой насмешкой и унижительным оскорблением. Но парень медленно нырнул ладонью во внутренний карман черной куртки и вынул несколько знакомых бусин.

— И фолиант свой тоже можешь забрать, Дагер, — сквозь меня, будто вообще не существую, бросил зачинщик «веселья». — Только метку снять не забудь.

Пухленькая книжка метким броском оказалась прямо в руках Ригана. Он натянуто улыбнулся и направился на выход под шквал издевательских аплодисментов. Я сжала в ладони полученные артефакты переноса и тоже двинулась за напарником.

Даже в коридоре был слышен грохот, который стоял в общежитской комнате. Пришлось отойти почти до лестницы, чтобы поговорить в тишине.

— Зачем влез в эту игру? — преградила Ригану дорогу, встав перед ним и вздернув подбородок, чтобы посмотреть охотнику, который выше меня на голову, в глаза. В бессовестные, но удивительно красивые глаза.

Парень развел руками и ответил вопросом на вопрос:

— А ты зачем отобрала у Кори артефакты переноса? Откуда ты вообще знала, что они у него есть?

Настала моя очередь пожимать плечами:

— Просто мне кажется разумным, если о наших передвижениях будем знать только мы.

— Наших? — брови парня поползли вверх. — Ты не обязана идти со мной.

— Не обязана. Но пойду.

ГЛАВА 23

— Вы ведь понимаете, что подобное заявление мы не можем проигнорировать? — Риган с суровым видом сидел за скособоченным столом напротив заказчика. — Когда мы закончим свою работу, нам придется вызвать легионеров.

Мужчина понуро уронил голову и спрятал обрюзглое лицо в дрожащих засаленных ладонях. Шумно охал, жалобно стонал, а я видела, как он нервно притопывает обеими ногами.

— Господин Кейлор? — вновь позвал Риган, так и не дождавшись ответа от заказчика.

Тот махнул медвежьей ладонью и звучно хлопнул носом:

— Понимаю, господа охотники. Я все понимаю! — и вновь принялся раскачиваться на стуле взад-вперед.

Небольшая комната заполнилась причитаниями и жалобным поскрипыванием старой мебели. Стул был готов вот-вот развалиться прямо под хозяином, а меня не покидало чувство, что если в этом доме хрустнет что-то одно, то разом завалится и вся хибара.

— Я готов провести остаток дней в темнице, лишь бы быть спокойным, что оно меня там не достанет, — дрожа всем телом, заключил господин Кейлор и поднял на Ригана глаза, под которыми залегали темные следы бессонницы.

— Что ж, сколько вы проведете в темнице, решать не нам, — захлопывая чужой фолиант, напомнил Риган, — в наших силах лишь избавить вас от персекутры.

— От чего? — часто заморгал мужчина, вытаращив на охотника покрасневшие глаза.

— Персекутра. Она же — дух преследователь, — вступила в беседу я, неловко переминаясь с ноги на ногу.

В отличие от Ригана садиться в этом доме не решилась — все выглядело либо слишком хрупким, либо до омерзения грязным и засаленным. Поэтому с деловым видом серьезного напарника стояла за спиной Дагера.

Господин Кейлор хрипло рассмеялся и покачал облысевшей головой:

— Какой дух? Меня преследует брат...

— Которого вы, как сами признались несколько минут назад, убили, — напомнил Риган и помахал в воздухе листком-протоколом.

Заказчик насупился, пожевал искусанные губы и послушно кивнул:

— Все верно, — отозвался замогильным голосом, — но я вижу его. Он всегда рядом. Он следит за мной.

— Даже сейчас? — уточнила вкрадчиво, чем заслужила прищуренный взгляд запуганного до смерти мужчины.

— Конечно, — сказал таким тоном, будто спросила полную ерунду. — Разве вы не видите? Он смотрит в окно.

Короткий пухлый палец заказчика ткнул мне за спину. Сначала обернулся Риган, и только когда напарник снова смотрел на господина Кейлора, в сторону окна оглянулась я. Как и следовало ожидать, там не было ничего примечательного. Разве что между запыленными рамами в паутине лениво покачивался паук.

— Это не ваш брат, — спокойно пояснил Риган, — а дух, который ищет мести.

Господин Кейлор заметно вздрогнул и отшатнулся. Несчастный стул протяжно заскрипел.

— Он хочет убить меня? — мужчина впился пальцами в столешницу и в ужасе выпучил глаза.

— Скорее всего, — непоколебимо подтвердил Риган и задумчиво почесал висок. — Но у него это не выйдет, пока вы вдали от тела.

— Тела? — Кейлор жалобно выгнул брови, а меня чуть не перекосило от отвращения.

Даже жуткая и нелюдима иллюзия госпожи Линетти не вызывала во мне столько негатива, сколько рождал этот пропитый одинокий мужик. А все потому, что аристократка, даже будучи

иллюзией, была более человеческой, чем этот мерзавец, убивший собственного брата ради ничтожно маленького наследства.

— Дух преследует до конца дней того, на чьих руках его кровь, — почти преподавательским тоном пояснил Риган. — Он следит за вами и ждет момента, чтобы отомстить. Но вдали от тела он бесплотен.

— И он не сможет проникнуть в дом? — уточнил братоубийца, сцепив пальцы в замок.

— За порог любого жилого дома персекутре не зайти. Дух не может влиять на волю, не может двигать предметы. За исключением сильных гроз, — поправил сам себя Дагер, и я мысленно его похвалила за неплохую теоретическую подготовку.

— А что будет во время гроз? — не унимался заказчик. Его взгляд метался от окна, к Ригану, ко мне и обратно за стекло, где притаился дух, незримый для невинных в его смерти.

— Во время гроз персекутра становится сильнее и может проникать в жилище, но не более.

Меня удивляли знания Ригана. Всегда думала, что он, отпрыск богатого и влиятельного семейства, не обременяет себя учебой. Тем более на совместных занятиях Дагер не отличался говорливостью и сидел молча. Я и подумать не могла, что Риган прилежный студент!

Очередная маска, которой самовольно наградила Ригана, спала, а я ощутила жгучий укол совести, что быстро сменился обидой. Жаль, что вместо того, чтобы зарабатывать баллы себе, Ригану приходится возвращать игровой долг и пахать за Кори. Тем более задание весьма гадкое...

— Так вы поможете мне избавиться от этой... персе...

— Персекутры, — холодно подсказал парень.

— Да-да, вот от нее, — мужчина потер вспотевшие от волнения ладони. — Поможете ведь?

— Разумеется, — кивнул охотник и поднялся из-за стола, что тут же заметно качнулся. — Но это не отменяет того факта, что по завершению заказа мы передадим вас легионерам.

Кейлор тяжело сглотнул, краем рукава промокнул блестящую от пота лысину и медленно кивнул:

— Все, что угодно, лишь бы избавиться от этого кошмара. Мне нужно вам чем-то помочь?

— Разумеется, господин Кейлор, — Риган встал рядом со мной и пронзил дрожащего, как листок на ветру, мужчину хмурым цепким взглядом. — Вы вместе с нами отправитесь туда, где спрятали тело брата.

Всю дорогу, что заняла около часа, мы с Риганом сидели в повозке и не спускали глаз с господина Кейлора. Тот тоже постоянно оглядывался на нас и, чем ближе подъезжали к месту назначения, тем сильнее вжимал голову в плечи.

— Кори подsunул тебе полную гадость, — процедила сквозь зубы, вспоминая о дерзком победителе соревнования. — Не удивлюсь, если он спасовал сразу после беседы с чуждым заказчиком.

Наверняка ощутив, что говорим о нем, Кейлор пугливо обернулся и крепче сжал поводья. Правда, сказать что-нибудь бедолага так и не решился и вновь устремил взгляд на дорогу. Интересно, его и сейчас преследует дух убитого родственника?

— Ты права, Кори первым делом принял заказ, а уж потом решил спихнуть грязную работу. Прости, что так вышло.

Риган осторожно коснулся моей руки, что лежала между нашими бедрами. Чуть сжал пальцы и тут же отпустил.

— Все нормально, — отмахнулась и откинулась назад, спиной прислонившись к бортику повозки. — Все равно не знаю пока, что делать. С Фраем бы поговорить, но сомневаюсь, что приворот из него уже выветрился. А в остальном... я в тупике.

— Разве? — уголок губ парня чуть дрогнул. — Мне казалось, у нас теперь есть нейтрализатор.

Я задумчиво перебрала пальцами в воздухе, глядя, как глаз онейры в кольце переливается под солнцем. Камень излучал ощутимый и спокойный магический поток, который внушал уверенность — иллюзий теперь можно не бояться.

— Пока это мало что нам дало, — уронила упрямо и нахмурила брови. — Разве что ясность — артефакты, как ты и говорил, действительно в Академии. Но вдруг он там был только один?

— Даже один глаз онейры, используемый без лицензии, уже преступление, — строго напомнил Риган. — Я, кстати, отправил отцу письмо. Он будет в Академии в ближайшее время.

— Когда успел? — изумилась тут же.

— Набросал пару строк, пока вы с Кейлором готовили повозку. Написал, что нашли глаз онейры и уже изготовили один нейтрализатор.

— Не сказал, где мы его обнаружили? — спросила, насторожившись, и с облегчением выдохнула, когда Риган качнул головой.

Я не хочу подставлять Эйлин. Пока в этой всей истории с зачарованным кольцом крайней выглядит именно она, но искренне сомневаюсь, что подруга в чем-то виновна. Иначе не стала бы хвастаться украшением и так опрометчиво оставлять его в комнате.

Повезло, что хозяин артефакта, кем бы он ни был, не злоупотреблял иллюзиями и не активировал камень слишком часто. Спрячь этот Кто-то кольцо под вуалью галлюцинаций, я бы в жизни не нашла глаз онейры, и у нас с Риганом бы не было нейтрализатора. А сейчас я хотя бы могу быть уверена — своим глазам можно верить.

— Если глава Совета заявится в Академию, будет шумиха, — вернулась к разговору я.

— Знаю, — потупив взор, произнес Риган. — Поэтому отец и пытался сначала действовать через меня. В конце концов, кто угодно может дергать за ниточки из тени. Доверять нельзя никому.

Повозка качнулась и замерла. Кейлор спрыгнул на землю и блеющим от страха голосом объявил:

— Приехали!

Чтобы пугливый заказчик не сбежал, Риган наложил на лошадь парализующие чары. Кобыла застыла, на время обратившись в чучело, а Кейлор забился в повозку. Наказ никуда не отходить мужчина выполнял с большой охотой и в сторону озера, где по его словам, покоилось тело убитого, даже не смотрел.

Мы с Риганом оставили неподвижную повозку с окоченевшей лошадью стоять посреди луга, а сами направились обследовать небольшое озеро, которое больше походило на лужу. Не скажи Кейлор, что именно в этот водоем сбросил зарезанного брата, ни за что бы не заметила, что тут есть пруд!

Мало того, что озеро просто крошечное, так еще и прячется за жухлыми кустами и под раскидистыми ветвями худощавого деревца.

— Неудивительно, что спустя две Луны никто его не нашел, — буркнул Риган, заглядывая в мутную воду.

Я от этого удовольствия предпочла отказаться и прижалась плечом к стволу тощего дерева:

— Какой у нас план?

— Стандартный, — Риган топтался на берегу озера-лужи. — Подведем Кейлора, посадим его в защитный круг. Выманит персекутру, покончим с ней и вызовем легионеров.

Задумчиво кивнула и скривилась, глядя на солнце. На небе было ни облачка.

— Звучит просто, а задание все равно гадкое.

— Ну, — протянул Риган и обернулся через плечо, — охотником вообще быть достаточно грязно.

— Я не об этом, — перебила и тут же оглянулась на повозку. Кейлор даже носа не показывал, так и сидел, забившись в угол. — Просто этот заказчик... Это же жутко! Убить родного брата за гроши. Тебе не кажется, что будет честно не избавлять его от персекутры? Он заслужил этого духа.

Мне показалось, что взгляд Ригана потяжелел и будто стал мрачнее. Неужели мои слова его разочаровали?

— Мы не судьи, Аста. Наше дело — избавлять людей от их ночных кошмаров, убивать чудовищ и сражаться с монстрами.

— Но что делать, если монстр здесь — человек?

Риган не ответил. Отвернулся и продолжил шагами мерить берег. Я тяжело вздохнула и пошла его догонять.

— Ты ведь знала, что за дело подсунул Кори, — Риган услышал мое приближение и даже не обернулся, продолжив рисовать на берегу рунические заклятья. — Знала, что заказ на персекутру, и что эти духи рождаются ради мести за свою смерть.

Пока не понимала, к чему Риган клонит. Просто стояла рядом, носком ботинка выковыривала из-под желтой травы мелкие цветные камешки и пинала их в воду.

— Тебе не стоило со мной идти, если в этом деле больше болеешь за духа, чем за господина Кейлора.

Риган махнул рукой в сторону повозки, и мы оба посмотрели в ее сторону. Лысина господина Кейлора блистательно сияла под солнцем, выдавая мужчине, что следил за нами, чуть выглянув из своего убежища. Он выглядел так жалко, что доблестная речь Ригана мигом обесценилась.

— Знаешь, — устало выдохнул Дагер, — забудь. Мы здесь, чтобы выполнить задание. Вот и все.

Я криво улыбнулась и вновь взглянула на Кейлора. Он тут же шмыгнул под борт повозки, за которым прятался. Слышать нашу беседу братоубийца не мог, но в том, что мой пропитанный мглой взгляд нагонял на него липкий ужас, не сомневалась.

— Уверена, что не хочешь вернуться в Академию? — пронизательный взгляд парня коснулся моего лица, и деланная улыбочка тут же сползла с моих губ.

— К чему эти вопросы? — нахмурилась и отвернулась к озеру.

Солнце желтым диском плавало в мутной воде, под толщей которой спал убитый человек. Не самое подходящее место для беседы с парнем, который тебе небезразличен. Но такова жизнь охотников — сурова, безжалостна и напрочь лишена романтики.

— Ты меня прогоняешь?

— Нет, — Риган примирительно шагнул мне навстречу, — просто даю шанс передумать. Ты не обязана здесь быть.

Он осторожно поправил мой выбившийся локон, спрятав его за ухо. Ненароком коснулся кончиками пальцев скулы, и мне отчаянно захотелось его поцеловать. Удерживало лишь то, что буквально в паре метров от нас вот-вот должен был пробудиться мертвец, жаждущий растерзать нашего заказчика.

Поэтому я лишь перехватила руку Ригана и грустно взглянула на серую печать, что все ещё знаком долга уродовала кисть охотника.

— А ты не должен был лезть со мной в чужой кабинет, чтобы своровать документы. Не должен был заступаться перед ректором. Не должен был помогать с поисками решения моих проблем. Не должен был, в конце концов, менять десяток глаз онейры и успех в задании отца на мою жизнь.

Риган застыл, слушая, и, кажется, даже затаил дыхание. Смотрел на меня, широко раскрыв глаза.

— Я твоя должница, Риган, — сказала, а сердце защемило от тоски. — И я хочу хоть как-то отблагодарить тебя. Тоже быть рядом, когда ты в этом нуждаешься.

Я ожидала, что он оценит мою искренность. Думала, будет рад моему душевному порыву в желании помогать.

Но взгляд парня потемнел, уголки губ поползли вниз. Он собирался что-то сказать, но безупречная гладь озера вдруг всколыхнулась, и мы оба отпрянули от берега.

— Подготовь Кейлора, — бросил Риган, отпуская мою ладонь. — Я разберусь здесь.

Быстро кивнула и послушно отправилась выполнять указ. Бегом ринулась к повозке и почти силком вытащила из нее дрожащего Кейлора.

— Я ведь показал вам дорогу! — верещание мужчины совсем не вязалось с его грузным видом. — Что вам еще от меня нужно?!

— Чтобы вы сидели тихо, — припечатала строго и заглянула в остекленевшие от страха глаза, — там, где я скажу.

Кейлор отшатнулся, его зазнобило еще сильнее. Он цеплялся за повозку, умудрился даже ухватиться за хвост парализованной чарами лошади, но это ему все равно не помогло. Я выволокла труса на поляну и начертила вокруг него защитный круг — одно из немногих заклятий, которые могу использовать, не опасаясь обжечься. Защитные руны по своей природе нейтральны и угрозы

для меня не представляют.

— Пока вы здесь, опасность вам не грозит, — заверила, выводя последние символы.

В противовес моим словам спокойное озеро опять ожило от движения в его глубине, и Кейлор жалобно запищал:

— Вы уверены? Уверены, что тут меня не тронут?

Я отпрянула, когда Кейлор попытался схватить меня за плечи, чтобы хорошенько встряхнуть. В отчаянии он прижал мокрые от пота пальцы к дрожащим губам и в страхе застонал.

Меня опять прошило отвращением.

— А вдруг эта магия ненадежна? — действовал на нервы своим слезливым тоном Кейлор. — Может, есть что-то более сильное?

Тяжело вздохнула и обернулась на Ригана. Он вырвал из фолианта Кори несколько страниц, что прямо у меня на глазах легли на землю уже готовыми ловушками для духа.

Время перед сражением еще было, и я сжалась над раздражающим заказчиком. Лишь бы только прекратил ныть под ухо!

— Любые чары можно усилить кровью, — сухо пояснила я, — если переживаете, могу укрепить заклятье.

Кейлор, недолго думая, догадливо вынул из-за пояса короткий ржавый нож, а я насторожилась. Почему-то не отпускала уверенность, что этот клинок он держал для нас с Риганом. Стоило нам расправиться с духом-преследователем, как Кейлор бы тут же поспешил «расплатиться».

Никто в здравом уме не сдастся легиону. Но и мы с Риганом не дураки, и к подобному повороту были готовы.

Однако думать и знать — разные вещи, и от увиденного в душе неприятно закопошились сомнения.

— Порежьте руку и капните кровью на знаки. Я произнесу заклятье.

Кейлор послушно исполнил мой приказ и, не жалея крови, окропил ею землю. Я же сосредоточилась и, несмотря на всю свою неприязнь к Кейлору, вложила в заклятье огромную часть силы.

По телу прокатилась волна слабости, руки безвольно упали вдоль туловища, а мысли подернулись пеленой. Я знала это чувство: чужая кровь услышала мой призыв и усилила магию, спрятав Кейлора в непробиваемый кокон.

— Тут безопасно. Не пытайтесь бежать, — наказала строго, хоть и знала, что просто так выйти Кейлор не сможет. Отдельным заклинанием я запечатала его и внутри, и снаружи, чтобы исключить дополнительные проблемы после боя. Теперь ни побег Кейлора, ни нападение в спину нам с Риганом не грозили.

На новые недовольства Кейлора махнула рукой. Для его безопасности я сделала даже больше, чем стоило. Сейчас куда важнее быть рядом с Риганом.

— Появится с минуты на минуту, — мрачно предостерег Дагер, когда встала рядом с ним. — Нужно будет загнать персекутру в ловушку, сможешь?

Вяло кивнула, на большее мне сил едва хватало. Чары крови забирают много энергии, и я уже жалела, что растратила магию на недостойного того Кейлора.

Риган, не услышав моего ответа, быстро обернулся через плечо. Мое побледневшее, заострившееся лицо не могло остаться незамеченным.

— Аста? — взгляд парня метнулся к бархотке с камнем души и снова поднялся к моим глазам. — Тебе нехорошо?

— Чары крови, — пояснила, качнувшись. — Я запечатала в них Кейлора. Так безопаснее. Для всех.

Риган понятиливо кивнул и хмуро свел брови:

— Тогда просто держись рядом. Я...

Больше сказать Риган ничего не успел. Вода над озером взорвалась грязным фонтаном, и из-под

мутной волны вынырнула персекутра. Точнее, мертвое тело, в котором жил мятежный дух.

То, что когда-то было живым человеком, сейчас на четырех конечностях шустро ползло по поляне напрямик к Кейлору, запертому в клетке моего заклатья. Персекутра быстро перебирала изломанными руками и ногами, молниеносно преодолевая расстояния. Мне даже не сразу удалось разобрать в разбухшем от воды теле человеческие очертания.

Я вздрогнула, когда поняла, что зияющие черные отметины — это порезы. Темные кратеры виднелись в груди и животе, но самая большая рана длинной полосой тянулась через горло.

Кейлор тонко завизжал, точно свинья на убое. От этого крика по коже прополз холодок.

Риган бросил одно заклатье, но промахнулся. Второе нашло свою цель, и мертвеца отбросило назад. Еще чуть-чуть, и противник бы угодил в ловушку!

Охотник тихо выругался себе под нос и сдернул с пояса зачарованный кнут. Риган выставил одну руку вбок прямо передо мной, будто прося спрятаться за его спиной. Я послушно отступила назад, прекрасно понимая, что сильно исчерпала свой магический потенциал и в этом бою практически бесполезна.

Чем ближе к Кейлору, запертому в защитном кругу, приближалось чудовище, тем громче мужчина вопил. Удары кнута рассекали воздух, заклатья сверкали искрами, но загнать монстра в ловушку не удавалось. Он был слишком проворным.

— Помоги мне, — попросил Риган, и я тут же собрала все остатки силы в кулак. — Парализуй его. Хотя бы на пару секунд.

Пока я недолго целилась, Риган готовил другое заклатье, полностью на нем сконцентрировавшись. Его пальцы на рукояти кнута сжались так сильно, что костяшки заметно побелели.

Первым полетело мое заклинание. Оно безошибочно нашло цель, и я довольно выдохнула, однако сразу же ощутила, как земля от слабости покачнулась под ногами.

Риган молниеносно действовал следующим: взмахнул кнутом и с силой обрушил его на замершего мертвеца. Тонкий конец удавкой обвился вокруг ноги персекутры. Охотник дернул на себя, пытаясь проволочь противника по земле, чтобы затащить того в ловушку, но произошло непредвиденное.

Сгнившее тело рассыпалось на куски прямо на глазах. Слабые связки лопнули, мышцы расслоились. В кнуте осталась оторванная, разбухшая нога, но сам мертвец проворно продолжил ползти к Кейлору.

— Помогите! — Кейлор бился в незримые стены, метался в призрачной клетке. От страха он царапал на себе кожу, будто пытаясь освободить душу от бремени тела.

Я смотрела на него без сожаления, но с ужасом, который холодом разлился по всему телу. Глубоко в душе я знала, что произойдет дальше, и Тьма внутри трепетала в предвкушении...

Моей ошибкой было чертить защитный круг в месте, где трава была выше всего. Желтые волны скрыли под собой монстра, быстро ползущего по земле. Куда целиться, было неясно. Слепо бросала метательные ножи в траву, Риган посылал заклатья вокруг заточенного Кейлора. Но все было бесполезно.

Успокаивало лишь одно: персекутра не пробьется через зачарованный круг. По крайней мере, я в это искренне верила.

Однако моим надеждам было суждено разбиться.

Мы увидели персекутру слишком поздно, когда она уже вплотную подобралась к защитному кругу. Кейлор побелел, рот расширился в крике... А потом чудовище прыгнуло, и мир будто остановился.

Я слепо смотрела, как в глотку заказчика впиваются желтые зубы. Как разбухшие пальцы рвут плоть, проникая вглубь тела. Кровь хлестала так, что очень скоро и Кейлор, и его мертвый брат смешались в единое красное пятно.

Риган пытался оттащить персекутру. Метал заклатья, бил кнутом... Но чары крови его не пускали.

Тогда почему? Почему они не сдержали персекутру?

Я не могла двигаться. Тело парализовало от страха, кровь заледенела от отвратительного зрелища. А в мыслях пульсировал ответ, который так долго искала.

Кейлор и его брат — одной крови. И именно поэтому столь редкая и сильная магия оказалась

бесполезна.

Эти древние чары защитят от любого врага. Но не от того, с которым у вас в жилах течет одна кровь.

ГЛАВА 24

Нам все равно пришлось вызвать легионеров. Маги в темно-коричневой форме осмотрели поляну, опросили меня и Ригана. Спустя несколько часов, когда чары крови ослабли вместе со мной, заклятье удалось снять. Однако в телах, лежащих друг на друге в магическом кругу, уже было сложно узнать людские очертания.

Кейлор лежал лопатками на земле под своим братом, дух которого после свершенной мести обрел покой. Оба были окончательно и бесповоротно мертвы.

Часть легионеров осталась разбираться с телами, а остальные служители порядка вместе со мной и Риганом через портал отправились в штаб.

Я была рада убраться подальше от изуродованных тел, но жуткая картина все равно до самой ночи стояла перед глазами. Стоило лишь прикрыть веки, и снова видела Кейлора, трепыхающегося в луже собственной крови.

В штабе нас с Риганом по очереди допросили. Составили протокол и отпустили. Проблем ни у меня, ни у Дагера не будет, ведь легионеры убедились и не раз проверили — мы сделали все, что было в наших силах.

А вот на месте Кори я бы побеспокоилась. Его выходка с вынуждением другого охотника выполнять свои задания раскрылась почти сразу. Фолиант «победителя» изъяли и пообещали разобраться с ленивым студентом.

Риган же избавился от метки долга, которая после подстроенного проигрыша в соревновании пестрела на его руке и фолианте. Хорошо, что Кори не уточнял, как именно Дагер должен исполнить заказ — чары рассеялись, едва мятежный дух в смерти Кейлора обрел покой.

И, вроде, ужасная история с заказом закончилась для меня и Ригана вполне неплохо, но на душе скребла тревога. Я так долго искала ответ, а когда нашла, он выбил из-под ног почву и затуманил рассудок.

Неужели я и Тьма — одной крови?

Но как это возможно? И даже если снова ошибаюсь, то почему тогда через древние чары к Кейлору смог пробиться кровный брат, а мы с Риганом безрезультатно долбили в глухие незримые стены?

Я задала этот вопрос легионеру, что допрашивал меня:

— Как такое возможно? Почему чары крови не спасли господина Кейлора?

Легионер не смог дать внятного ответа, сославшись на то, что в литературе подобные случаи не упоминались. Однако служитель, так же, как и я, предположил, что все дело в родственной связи.

Мне пообещали, что проблем из-за этого дела у меня не будет. Еще заверили — чарами крови в ближайшее время более подробно займутся имперские маги-ученые. По логике легионера, это заявление должно было успокоить мою совесть, которая наверняка мучила из-за смерти Кейлора.

И я действительно мучилась и искренне жаждала узнать результаты колдовских экспериментов, но делала это по своим эгоистичным причинам.

Из штаба нас отпустили глубокой ночью. И Риган, и я были ужасно измотаны.

Телепортация — процесс малоприятный, а тошнота и головокружение после переноса — обычное дело. Чего уж говорить о путешествиях через пространства после столь отвратительного дня?

Единогласно мы приняли решение остановиться на ночь в дешевой гостинице, которая располагалась на той же улице, что и штаб. Риган оплатил два номера, обменяв монеты на ключи, и по скрипучей лестнице мы двинулись на второй этаж спящего дома.

Наши комнаты оказались по соседству, и перед тем, как скрыться каждый в своем номере, мы со слабой улыбкой вяло махнули друг другу рукой. Но стоило оказаться наедине с собой, маска спокойствия спала.

Я прижалась спиной к закрытой двери и шумно выдохнула. Грудь тяжело вздымалась, сердце сходило с ума, а перед глазами стояла Тьма.

Знала, что этот момент наступит. Знала и боялась.

В тишине пустой комнаты ничто не глушило страшных мыслей. Они раздирали меня изнутри, обида

жгла гниющую душу. Ведь если я не ошибаюсь, и защитные чары у поместья Линетти не рухнули, а пропустили единого по крови врага... То мой противник гораздо ближе, чем когда-либо могла предположить.

Вариант был лишь один. И как я ни пыталась вплести в дело лекарок, которые могли получить мою кровь в лазарете, преподавателей по боевой магии или даже по артефактологии... Все это меркло на фоне главного факта: есть лишь один человек, которого действительно стоит подозревать.

Я не стала зажигать магические шары, не пробудила спящее пламя. В темноте маленькой комнатки нашла кровать и опустилась на край продавленного матраса.

Осознание не укладывалось в голове. Я не понимала, почему, как и, главное, зачем? Зачем желать смерти, мучительно медленной и омерзительно страшной, родной дочери?!

Едва успела лишь мысленно задать последний вопрос, по коже пополз липкий ужас. Страх украл дыхание, так и застывшее на губах, легкие свело судорогой. Онемевшее тело казалось тесным и чужим.

Хотелось плакать от отчаяния. Кричать от несправедливости. Забиться в угол в панике.

Но я не могла позволить такой роскоши, как жалость к себе. Она убивает вернее любого яда. Вытягивает жизненные силы медленно, но жадно, не оставляя ни капли для сопротивления.

А мне нельзя опускать руки. Нельзя сдаваться. Нельзя ставить точку здесь и сейчас. Ничего не кончено, пока в груди бьется сердце.

Тяжелые оковы мрачных мыслей рассыпались, когда давящую тишину разрушил стук в дверь. Неловкий, осторожный. Будто человек снаружи сомневался в том, что делает.

Тут же выпрямилась, вздернула подбородок и часто заморгала, прогоняя с ресниц мелкие бусинки слез. Подошла к двери и отворила ее.

— Не разбудил? — в бледном рассеянном свете было сложно уловить, что за чувства таятся во взгляде Ригана. Половину его лица скрывала маска теней.

Знала, что легко могу ее снять, без усилий призвать темную магию, чтобы мгла внутри меня рассеяла темноту снаружи. Но и помнила — это не бесплатный дар, и откат может оказаться очень болезненным.

— Я не спала, — сказала тихо, боясь разбудить гостей в других комнатах. Уронила взгляд, чтобы не терзать себя искушением смотреть на Ригана четко и ясно, без вуали ночи.

Он молчал, тоже опустив голову. Казалось, парень забыл, зачем пришел. Неловкость сковала обоих, и мы одновременно решили разбавить обстановку разговором:

— Аста, я...

— Зайдешь? — сказала в один момент с Риганом, и наши взгляды встретились.

Несмотря на полумрак, царящий в коридоре, прекрасно увидела удивление на вытянувшемся лице парня. Однако он смело кивнул и вслед за мной шагнул в темную комнату.

Дверь закрылась, оборвав тонкую полоску света, что проникала снаружи, и мы оказались в безупречной черноте друг напротив друга. Тьма укутывала нас, но эта мгла отличалась от той, что точила мое сердце.

Здесь темнота была другом — она обнимала защитным коконом, прятала истинные чувства и одновременно подталкивала к откровениям.

Странное ощущение — в черноте ночи можно врать, не боясь быть раскрытым. Но почему-то именно в темноте делаются самыми большими секретами...

— Аста, я тебя не вижу, — пожаловался Риган и звучно обо что-то споткнулся. — Я вообще ничего не вижу!

Ориентируясь на голос, я протянула ему руку. Наши ладони ненадолго встретились и разъединились, когда Риган встал напротив меня на расстоянии двух шагов.

— Зато в темноте обостряются другие чувства, — голос выдал мою улыбку, но парень намек на поцелуй проигнорировал или просто не понял.

Повисло напряженное молчание, и мои надежды на успокоительные объятия начали медленно

таять.

— Я хотел обсудить то... что между нами, — слова дались ему с трудом.

Сердце болезненно сжалось от нехорошего предчувствия, и я прикусила губу, чтобы случайный тяжелый вздох не выдал огорчения.

Ну, конечно. Этот разговор следовало ожидать. Ни для меня, ни для Ригана не секрет, что дни темерат сочтены. Наше обращение в одержимых Тьмой инфектов — вопрос времени.

Думаю, Риган понимает, что эти чувства обречены. И если он захочет поставить между нами точку, я не стану противиться.

— Слушаю, — голос дрожал, хоть и старалась казаться невозмутимой.

Короткое слово пронзило вязкую тишину, подтолкнув Ригана продолжить.

— Ты мне ничего не должна, Аста, — мрачно и коротко отозвался охотник, а я в недоумении выгнула брови, забыв, что собеседник видеть меня не может.

— Ты о чем? — выдала несколько нервно и принялась теребить дрожащими пальцами край рукава платья.

— О том, что ты сказала сегодня у озера, — серьезно, без капли сомнений проговорил он. — Ты назвала себя моей должницей.

— Так и есть, — кивнула, но Риган пропустил слова мимо ушей.

— И что поэтому хочешь мне помогать, поэтому пошла со мной на заказ Кори... Но, Аста, я не считаю тебя должницей. И не хочу даже думать, что принуждаешь себя к чему-то из чувства долга.

До меня начало доходить, к чему он клонит. Но я совершенно не верила, что Риган додумался до такой ерунды!

— И я хотел бы извиниться за тот поцелуй, — сокрушался парень, пока изумленно хлопала ресницами. — Я поцеловал тебя, потому что мечтал об этом много лет. Но даже не думал, что твой ответ будет продиктован долгом, а не...

Я встала на цыпочки и заткнула его рот поцелуем. Спонтанным, но совершенно искренним и желанным. Сначала мои губы накрыли его очень властно, жадно и требовательно.

Риган, явно пребывающий в полном шоке, несколько секунд не отвечал на мой поцелуй, но и не отталкивал. Он дал мне шанс одуматься и отступить, но я, замерев от удивления лишь на секунду, только крепче прижалась к охотнику, обвила его шею дрожащими от волнения руками и снова прильнула к горячим, мягким губам.

Это стало моим немым ответом — я не хочу уходить. Мой поцелуй на вечеринке Лекси не был возвращенным долгом и жестом благодарности. Я так же желала этой близости, как и Риган.

Ладони парня легли мне на талию. Коротким движением охотник прижал к себе. Он ответил на поцелуй мучительно нежно, ласково, и это умиротворило мой пыл. Я сбавила напор и погрузилась в сладкую истому его прикосновений.

Риган был так аккуратен и осторожен, будто губами касался крыльев бабочки. В его руках я чувствовала себя хрупкой хрустальной принцессой, настолько бережно охотник меня обнимал.

— Я люблю тебя, — выдохнул мне в губы Риган, а я потеряла дар речи. — С самой первой встречи люблю.

Хотела бы ответить, но не знала, что сказать. Слова застыли в горле, мысли переплелись в лохматый неразборчивый ком. Смогла лишь вновь найти губы парня и накрыть их своими.

Меня мелко трясло, а сердце стучало так громко, что заглушало дыхание, вдруг ставшее тяжелым и частым. Я разорвала поцелуй и чуть отстранилась:

— Тогда почему все эти годы ты держался в стороне? — сейчас как никогда хотелось взглянуть охотнику в глаза, чтобы прочесть в них невысказанные слова.

— Это долгая история, — коснулся моего виска шепот парня. — Я лишь следовал указу отца.

Одно только упоминание о господине Дагере заставило вздрогнуть. Помнится, Риган, даже не догадываясь, что я дочь ректора, поделился — наши отцы когда-то учились вместе и были друзьями.

Именно господин Дагер помог моему отцу занять ректорское место в Академии, замаять трагедию со смертью мамы и на бумагах устроить мою.

— Я ему много о тебе рассказывал после той нашей встречи на ярмарке, — предался воспоминаниям Риган, даже не догадываясь, какой ураган бушует у меня в душе. — Твердил твоё имя так часто, что отец очень быстро сам захотел на тебя взглянуть.

Кожу лизнула нервная дрожь. Я тяжело сглотнула и крепче прижалась к Ригану, стараясь заглушить мысли, что звенели в голове.

Он знает! Отец Ригана знает, кто я такая!

— Мы очень часто приходили тебя навещать, — с придыханием вымолвил Риган. — В том пансионе, где ты училась, у отца среди директоров есть знакомые. Он всегда брал меня с собой, когда собирался туда на встречи и совещания. Правда, никогда не разрешал выдавать своё присутствие. Говорил, это может расстроить тебя.

— Расстроить? — уронила помрачневшим голосом.

— Разве не было бы обидно видеть, как я каждый день ухожу домой, к родным, оставляя тебя в пансионе?

Что за глупость?

Я была одиноким ребенком. Смерть мамы нанесла уродливый глубокий отпечаток на сердце, и, казалось, его видели все вокруг. Эти раны наводили на людей ужас, и никто не хотел сближаться со мной.

Всех отпугивала холодность, но никто даже не пытался растопить её толикой душевного тепла, которого мне безумно не хватало. Я мечтала о друге, и Риган давно мог бы им стать, если бы не его отец.

Похоже, господин Дагер тоже не так прост, как кажется.

Наверняка он узнал меня. Сначала от сына услышал лишь имя, а потом убедился, увидев собственными глазами.

Его терзала совесть? Желание помочь? Но по какой-то причине глава семейства Дагеров был вынужден оставаться только наблюдателем и так же в стороне держал Ригана.

Не мог запретить сыну эти односторонние встречи, потому что не смел отказаться от них сам. Вот почему Риган в ту ночь, когда меня чуть не сожрала онейра, признался, что я выросла у него на глазах.

Все эти годы я была под присмотром его семьи.

— Ну а после пансиона? Почему ты не пытался подружиться в Академии?

Его пальцы крепче сжали мои плечи. Риган словно боялся, что растворюсь в темноте и исчезну. Он снова притянул меня к себе и пробормотал:

— Разве я не пытался? — парень коротко усмехнулся, а я хмуро свела брови.

В памяти всплывали наши встречи в Академии. Их было много, но и я никогда не бродила по замку одна. А потому искренне считала, что Дагер всегда возникал рядом уж точно не ради мрачной заучки.

Окунуться в прошлое не дал голос Ригана. Он продолжал говорить, вскрывая душу, оголяя сердце:

— Ты бы знала, как я радовался, когда отец принес новость — преподаватели пансиона объявили, что Аста собирается в Академию Изгнания. Туда же, куда и я!

Мне стало немного совестно, хотя природу этого чувства пояснить не могла даже себе. Просто остро ощущала вину за все годы, что смотрела на Ригана предвзято, пока он все детство мечтал о нашей встрече.

— Хотел стать лучше, чем есть. Много занимался, работал над фигурой и внешностью. Представлял, как мы встретимся, и ты меня узнаешь. Я мечтал очаровать тебя...

— А очаровал половину Академии, — закончила вместо Ригана и прикусила губу.

Риган ласково потрепал мои волосы и признался:

— Я ещё на первом курсе понял, что раздражаю тебя.

Грустная усмешка коснулась моих губ. Даже спорить не буду, Риган прав.

С первых недель учебы стало ясно, кто есть кто. Популярные и богатые сбивались в кучки, ботаники собирались в свои мелкие стайки, а одиночки типа меня просто прибивались, куда повезет.

И так вышло — судьба свела меня с Виви, которая с самого зачисления сходит с ума по Дагеру. Компания Ригана часто пересекалась с нашей, совсем крохотной группой из двух подруг. Я всегда была убеждена — популярный мальчик клюнул на красивую наживку, а потому даже не пыталась заводить беседу с парнями, которые постоянно подсаживались к нам в столовой и на лекциях.

Это стало ещё одной причиной, почему Дагер меня раздражал. Ведь мне казалось, он просто следует за Виви. Шумная навязчивая компания выматывала, а порой не давала учиться. Хвостик парней тянулся за нами весь первый семестр, а потом все резко прекратилось.

Виви это сводило с ума, а мне было все равно. Хотя недоумевали с соседкой вместе: что пошло не так?

Виви судорожно искала недочеты в себе. Стала подолгу сидеть перед зеркалом, выискивая изъяны, больше денег выбрасывала на дизайнерские платья, оттачивала этикет, тренировала походку и взгляд...

Она думала, что Риган ушел, потому что разочаровался в ней. Но на самом деле, он просто отчаялся завоевать меня.

— Ну а зачем эти анонимные переводы? — сорвалось быстрее, чем успела обдумать слова.

Риган даже вздрогнул от удивления, но тут же усмехнулся:

— Стоило ожидать, что ты догадаешься...

Я тоже слабо улыбнулась, но говорить о том, что очень долго верила, будто эти деньги — помощь отца, разумеется, не стала.

— Ну, так зачем? — не унималась я и снова настояла на ответе.

— Чтобы помочь.

Меня удивила легкость, с которой Риган это сказал. Будто охотник не видел ничего странного в том, чтобы каждую Луну поддерживать деньгами девушку, которая не помнит его в прошлом и игнорирует в настоящем.

— А твой отец разве не против?

— Он ничего не знает. Это мои личные средства, и я распоряжаюсь ими так, как посчитаю нужным, — отсек Риган, и я понятиливо кивнула.

Тогда все на своих местах. Господин Дагер не рискнул бы лишний раз испытывать судьбу, негласно признавая связь его семьи с моей. Однако окончательно разорвать эту нить глава Совета тоже не мог.

Я никогда не видела отца Ригана лично, но уже понимаю — глава Совета полон противоречий. Совесть не позволила бросить меня и растоптать чувства сына, но страх перед подозрениями вынудил прятать любые следы общего прошлого.

— Спасибо, — совершенно искренне сказала я и вновь прильнула к Ригану.

Уткнулась носом в его грудь, глубоко вдохнула приятный хвойный аромат и прикрыла глаза. В груди цвел целый букет чувств: бесконечная благодарность, зарождающаяся любовь и безумная тоска.

Мне было очень больно осознавать, что все эти годы я была слепа, а теперь у нас оставалось ужасно мало времени. После признания Ригана желание бороться вспыхнуло с новой силой. Я не хотела терять то, что только что нашла, ведь впервые за долгие годы чувствовала себя действительно нужной.

Мы еще недолго постояли, грея души в объятиях друг друга, а потом Риган нехотя выдохнул:

— Мне пора.

Он выпустил меня из объятий и вслепую побрел к двери, приоткрыл ее, и комнату пересекла тонкая полоса света.

— Добрых снов, — шепнул он, шагая за порог.

— Погоди, — позвала, неожиданно даже для себя.

Парень обернулся и замер, дожидаясь моих слов. Я же опустила голову, пряча смущение в тенях и, преодолевая неловкость, попросила:

— Можешь остаться сегодня со мной?

Я не видела его лица, но очень надеялась, что Риган улыбнулся.

— Конечно, Аста. Если ты этого хочешь.

Дверь закрылась. Комната вновь нырнула в темноту, в которой мы легко нашли друг друга. Пальцы переплелись, губы встретились в поцелуе.

В ту ночь я впервые за долгое время не видела кошмаров.

ГЛАВА 25

Мы вернулись в Академию ближе к обеду и сразу же направились в башню общежитий темератов. Посовещавшись с Риганом, я решила, что разумнее всего будет сначала поговорить с Эйлин и выяснить как можно больше про ее перемещения по замку. А если быть точнее, про факультатив по зельеварению.

Я почти уверена, что занятия подруги тесно связаны не только с приворотом Фрая, но и с глазом онейры в ее кольце.

Подозревать соседку не отказывалась, но все же была уверена в невиновности подруги. Ведь именно Эйлин помогла разобраться с документацией из лазарета, пояснила про «Ликвидум», зелье, стирающее следы любых принятых эликсиров, рассказала про факультатив и не скрыла подброшенное кольцо.

Конечно, открытость Эйлин может быть умелым ходом. Наивную девушку из другой Академии никто не станет подозревать... Но, если подумать, гораздо больше похоже, что кто-то пытается манипулировать Эйлин. Не просто так ведь ей подбросили кольцо?

Думаю, все решится, когда разузнаем про факультатив. А до тех пор стоит не ослаблять бдительность и не расслабляться, уповая лишь на изготовленный из глаза онейры нейтрализатор. Этот артефакт гасит иллюзии, но человеческую ложь и хитрость, увы, придется распознавать самим.

В комнате Эйлин не оказалось, и мы с Риганом решили разделиться. Терять время было нельзя — уже сегодня в Академию, представляя Совет, с сопровождением должен нагрянуть господин Дагер. Об этом мы узнали утром, когда Риган получил магическое письмо, что тут же рассыпалось пеплом, едва охотник прочел последние слова.

Нам обоим было ясно — приход членов Совета спугнет противника, который, скорее всего, на какое-то время заляжет на дно. Любые улики будут стерты, мое самовольное расследование вынужденно зайдет в тупик и канет в лету, а вместе с ним — надежда на исцеление.

Может показаться, что сейчас гораздо проще и разумнее отбросить в сторону метания и просто направиться к отцу, чтобы предъявить свои обвинения, подкрепленные обманутыми чарами крови.

Но даже если я права, отец просто рассмеется мне в лицо и похвалит за хорошую фантазию. А затем уничтожит все следы, что могли привести к неоспоримым доказательствам и даже лекарству.

Да и вообще, если кто-то придумал, как подчинить Тьму и натравить ее на другого мага, может, стоит понять, как это ему удалось? Может, в этом разгадка?..

Которой лишусь, едва с обвинениями перешагну ректорский порог. Рассчитывать на искренность отца — глупо. Нужно постараться докопаться до истины самой. И уж если ничего не получится, то с чистой совестью и душой, полной отчаяния и горячей ярости, идти к отцу.

Поэтому, пока никто даже не догадывается о визите Совета, пока мои подозрения остаются для господина Френеля секретом, лучше собрать оставшиеся кусочки мозаики.

— Я в столовую, — бросила Ригану, когда мы вместе сбегали по лестнице.

— Тогда я в библиотеку темератов.

На развилке коридора мы кивнули друг другу и разделились. Мне едва удавалось не бежать со всех ног. Я передвигалась быстрым шагом, виляя между студентами и внимательно разглядывая собравшиеся в коридорах компании. Эйлин среди отдыхающих темератов не было, и я продолжила свой путь.

В столовой, несмотря на уже завершившийся обед, было достаточно студентов моего факультета. Очень многие сидели с кружкой чая, читая или общаясь с товарищами. Было несколько опоздавших ребят, которые только сейчас с остывшей едой на подносах брели к столам.

Я прошла в середину просторного зала, оглядываясь по сторонам. Но меня заметили раньше.

— Аста! — бодрый голос Эйлин звенел из дальнего угла столовой.

Подруга привстала и махнула рукой, подзывая к себе. Я уже собиралась выдохнуть — часть дела сделана, но облегчение так и не прокатилось по одеревеневшему телу. Рядом с Эйлин сидел Фрай.

Темерат поднял черные глаза и тут же изменился в лице, едва наши взгляды встретились. Уголки губ дрогнули, брови жалобно выгнулись.

Пока было не ясно — Фрай смущен воспоминаниями о нашей последней встрече? Тогда он признался мне в любви, даже не понимая, что это искусственное чувство, а я сбежала через портал призыва к Ригану. Или, может, Фрай все ещё под воздействием зелья?

Метаться нет смысла. Мне все равно нужно поговорить с ними обоими, и будет лучше, если не придется бегать за каждым, переворачивая на пути весь замок с ног на голову. Да и в столовой достаточно народу. Не думаю, что Фрай рискнет здесь предаваться безумствам искусственной любви.

Уверенно кивнув этим мыслям, двинулась к столу, где дожидались друзья.

— Где ты пропадала? — вскинулась Эйлин, как только я опустилась за стол напротив нее и Фрая. — Я увидела записку, а потом...

Записка. Я и забыла, что перед тем, как отправиться к Ригану, оставила подруге короткое письмо. В нем я очень размыто и кратко пояснила, что камень в подаренном Эйлин кольце — глаз онейры.

— Ты поняла, что я написала? — уточнила быстро.

Подруга уверенно кивнула и добавила:

— Даже почитала в библиотеке.

Эта новость обрадовала — не придется вдаваться в объяснения, что уже сэкономит немало времени.

— Я, пожалуй, пойду, — вдруг выдавил Фрай. — У вас тут свои какие-то секретки...

— Останься, — я резко встала, увидев, что парень поднимается из-за стола. — Пожалуйста.

Он поднял взгляд, встретившись с моим. И только тогда я поняла, какую боль испытывает Фрай, находясь рядом со мной. Его губы дрожали, хотя темерат пытался сжать их в напряженную линию. В глазах плескалась усталость и тоска.

Однако Фрай послушно сел, и я тоже опустилась обратно за стол.

— Можно с тобой поговорить? — спросила осторожно, боясь спугнуть.

Темерат смотрел на меня из-под опущенных ресниц. Его грудь тяжело вздымалась, ноздри дрожали. Фрай слабо кивнул, а Эйлин бросила в мою сторону удивленный взгляд.

Похоже, до моего появления Фрай вел себя нормально. Значит ли это, что он все ещё под действием приворота?

От досады я прикусила губу. Так и не успела один на один обсудить этот вопрос с Эйлин, что было бы очень полезно. Догадается ли подруга сама, в чем причина странного поведения Фрая?

Сомневаюсь. Скорее, решит, что дело в ссоре и недомолвках.

— Я оставлю вас наедине? — взгляд Эйлин метался между мной и Фраем.

Усталый вздох вырвался из груди. Все-таки я права. Эйлин думает, что мы с Фраем что-то не поделили.

— Не обязательно, — заверила ее.

Я хотела спросить у Фрая то, о чем давно стоило поговорить: как он получил метку Тьмы. В этом разговоре нет ничего секретного.

Однако Эйлин качнула головой и поднялась с места:

— Все равно лучше посижу пока в сторонке, — неловкая улыбка коснулась ее губ.

Подруга бросила напоследок внимательный взгляд и отсела за несколько столов. Там она не услышит нашу беседу.

Ладно. Сначала поговорю с Фраем. Давно пора.

— Я задам тебе несколько вопросов, — начала не очень уверенно, но меня перебил слабый смех парня.

— Ты прям настоящий следователь, Аста, — качнул головой Фрай, пряча взгляд за ладонью, прижатой ко лбу.

Мои брови ненадолго стянулись к переносице, а в груди неприятно царапнула тоска. После завершения Академии я мечтала стать следователем, чтобы посвятить жизнь поиску источников Тьмы и лекарства от нее. Знал ли об этом Фрай?

Его слова задели за живое, словно вновь напомнив — раньше мне были открыты все дороги, а теперь ведет только одна. И если не придумаю, как свернуть с этой тропы, меня ждет известный конец.

— С чего ты взял, что я буду тебя допрашивать? — фыркнула, спрятав накотившее огорчение.

— А о чем еще нам говорить? Сомневаюсь, что ты захочешь вспоминать наш последний разговор и...

Он замолчал. Дрожа всем телом, набрал полную грудь воздуха и поник. Я же смотрела на него глазами, полными изумления и страха. Фрай похож на раненого зверя, а потому боюсь сделать лишний шаг и случайно обидеть, разозлить, сделать больно...

Почему ему не стало лучше? Риган говорил, что без подпитки зелье просто перестает действовать.

Последняя мысль поразила меня как разряд молнии. Неужели кто-то заботится о том, чтобы темерат от зелий «не трезвел»?

— Мы обязательно поговорим обо всем, Фрай, — осторожно заверила я и чуть подалась вперед, — но сначала нужно кое-что расставить на свои места.

— Хорошо. Спрашивай.

— Расскажи о том, как получил метку Тьмы, — произнесла на одном дыхании и под столом крепко сжала кулаки. Боялась, что Фрай не захочет говорить. Переживала, что мои слова всколыхнут в нем Тьму.

Но парень спокойно кивнул и поднял затравленный взгляд. Едва заставила себя не отшатнуться и удержать спокойное выражение лица. Однако чувства бушевали разрушительным ураганом.

Как же он изменился. Всего лишь зелье, всего лишь приворот. Но Фрая невозможно узнать. От парня, в которого была влюблена несколько лет назад, осталась только оболочка и раздавленная магией личность. Казалось, искусственная любовь съела все прочие мысли, поглотила Фрая целиком и уничтожила в нем человека.

— Это случилось примерно в середине лета, — бесцветным голосом рассказывал Фрай. Он говорил безэмоционально и сухо, будто случившееся происходило вовсе не с ним. — Я отправился на заказ, который мне поручили заранее.

— Кто поручил? — перебила его и впиалась ногтями в свои коленки.

Нужно выяснить как можно больше. Кто-то допустил до подстроенного заказа меня и, похоже, отправил в ловушку Фрая. Если я хочу добраться до истины, нужно видеть всю картину целиком.

Парень насторожился и замялся. Он что-то утаивал, и я это прекрасно видела.

— Не бойся, я никому не скажу, — подтолкнула его к искренности и затаила дыхание, дожидаясь реакции темерата.

Он какое-то время боролся с замешательством, но все-таки признался:

— Я не видел нанимателя. Мне прислали личное письмо, в котором указали суть проблемы, координаты и сумму, которую заплатят за решение вопроса.

Цифру Фрай не огласил, но мне и так было ясно — деньги баснословные. Именно на них охотника и удалось поймать. Но дело значительно осложняет неофициальность заказа. Наверняка письмо было зачаровано, и сгорело сразу после прочтения.

Фрай подтвердил мою догадку, а потом продолжил:

— Я пришел на указанный адрес. Это оказался заброшенный сарай где-то на окраинах Империи. Там я должен был разогнать кучу мелких духов, но...

Двери в столовую гулко хлопнули. Фрай резко замолчал и обернулся. Прямо на входе в зал стояла Виви, деловито подпирая бока. Взгляд блондинки нервно прыгал по лицам темератов, и я недовольно щелкнула языком.

Именно сейчас ей нужно было вспомнить о практике со своим темератом?

— Что было дальше? — спросила, подгоняя.

Фрай отвернулся от Виви, которая уже бодрым шагом шла к нам, и заключил:

— В том сарае была ловушка. Я свалился под пол и упал на какие-то склянки. Из них выползла эта гадость... Тьма.

Я похолодела от признания Фрая. Никто из тех, кого опрашивала в начале семестра, не рассказывал ничего подобного. А поговорила я чуть ли не со всем курсом: все получили метку Тьмы после нападения инфекта. И только мы с Фраем оказались жертвами, загнанными в западню, где поджидала чистая Тьма.

Но почему именно мы? Почему Фрая травят зельями?

Слишком много «почему». Я надеялась, что разговор с темератом подскажет путь к разгадке, но я лишь глубже опустилась в болото проблем, которым не было конца.

— Собирайся, мы идем на заказ, — Виви звучно хлопнула по столу между мной и Фраем. Никаких приветствий, формальностей и вежливости.

Мы одновременно подняли на охотницу пронизанные Тьмой глаза, и Виви отшатнулась. Девушка заметно дергалась и вообще напоминала звенящую от напряжения струну.

Похоже, она до ужаса боится оскверненных. А я никогда об этом даже не задумывалась...

— Мне нужно договорить, — неожиданно жестко отозвался Фрай, и голубые глаза Виви округлились.

— Давай побыстрее, — только и сказала она голосом, из которого куда-то пропали властные нотки, зато явственно читался страх

Виви отошла и села за соседний с Эйлин столик. Они обе с каменными лицами переглянулись и вновь устремили взгляды на нас.

Напряжение во мне усилилось и необъяснимо росло. Я не боялась Фрая и не избегала бесед с ним. Дело было в странном и очень нехорошем предчувствии.

— Аста, — начал Фрай, а я уже заранее знала все, о чем он будет говорить.

Но сказать темерат ничего не успел. В дверях столовой появился Риган, и я едва не подпрыгнула с места. Фрай заметил эти перемены во мне, проследил за взглядом и злобно скривился.

— Опять он, — процедил темерат сквозь зубы, а я подозрительно сощурилась.

Не ожидала такой реакции от Фрая. Он всегда был очень сдержанным, а теперь... Это совсем другой человек.

— Ты ведь не уйдешь? — Фрай вдруг переменялся в голосе и впился пальцами в край стола. — Не бросишь ради него?

Темерат подбородком кивнул в сторону уверенно идущего к нам Ригана, и мне стало страшно. Эти нездоровые чувства убивают Фрая. Они завладели его рассудком и заставили забыть, кто он есть.

Меня пронизывала жалость, переплетенная с отвращением к этому чужому и совершенно неадекватному человеку. Ужасно хотелось вытащить настоящего Фрая из клетки заклятий, но я не знала, как.

— Я здесь, Фрай, — постаралась успокоить и по — дружески накрыла его ладонь своей.

Сначала парень медленно выдохнул и кивнул, но затем Фрай опустил глаза на мою руку и заметил кольцо. Он не стал ничего спрашивать, но осунувшееся лицо исказила боль: уголки губ опустились, темные брови стянулись к переносице и надвинулись над глазами.

— Аста, — Риган встал рядом и опустил ладонь на мое плечо, — все хорошо?

Я не знала, что сказать. В ужасе смотрела на страшную метаморфозу, происходящую с Фраем. Глаза металась в поисках его артефакта души, но найти заветный камень не успела.

— Вот так значит? — вскочил с места Фрай. — Я признаюсь в любви, а ты бежишь к другому? Он тебе уже и кольца дарит?!

От его резкого тона в лицо ударил жар обиды. Понимала, что это говорит не Фрай, а демоново зелье

в его крови, но все равно не могла сдержать нахлынувших чувств.

— Эйлин! — крикнула, что есть сил, и тоже поднялась из-за стола. Риган отодвинул меня назад и встал впереди, защищая от новых нападков Фрая.

Подруга подскочила сразу же и вместе со мной спряталась за спиной Ригана, который молча выслушивал приворотный бред. Кажется, Дагер тоже не понимал что делать: нет причин нападать, нет смысла злить и точно бесполезно успокаивать Фрая.

— Противоядие от любовного зелья. Срочно, — в отчаянии взмолилась я, но темерата только покачала головой.

— Не существует такого противоядия. Нужно только ждать, — ее голос сочился сожалением, а я едва не взвыла от безысходности.

Нельзя тянуть. Если ничего не предпринять прямо сейчас, Фрай потеряет контроль, и Тьма заберет свое. Я уже видела смерть матери от этого яда. Видеть ещё и умирающего друга — выше моих сил.

А Фрай уже был нестабилен. Он то сыпал проклятиями, то умолял Ригана отпустить меня. Дагер сдержанно молчал, не зная, что делать.

— Риган, — шепнула я, вцепившись в руку парня, — у тебя остались артефакты переноса? Фрая станет легче, если я исчезну с его глаз.

Но охотник только раздосадовано покачал головой:

— С собой ни одного.

От отчаяния хотелось рвать на себе волосы и визжать во все горло. Ситуация просто отвратительная — такой скандал устроили на глазах у десятков студентов. Отец будет в восторге от сегодняшних новостей...

— Да кто ты вообще такой? — тем временем бушевал Фрай. — Думаешь, если тебя распределили с ней в связку, ты ее хозяин?!

— Эй! — неожиданно для всех вмешалась Виви. — А ну-ка прекрати, Фрай. Не заставляй успокаивать тебя магией.

Я едва не закатила глаза от возмущения. Вряд ли Виви знает хотя бы одно подходящее заклинание... Но ее участие в ссоре отвлекло Фрая, и он переключился уже на свою напарницу.

— Беги, Аста, — прошептала мне на ухо Эйлин. Она вся дрожала от страха и говорила, сильно заикаясь. — Ему станет легче, если тебя не будет рядом.

Я знала, что она права, и в побеге видела единственную возможность спасти ситуацию. Подождала, когда Фрай вновь обернется на Виви, что уже выглядела бледнее стен, и рванула с места.

ГЛАВА 26

Убежать далеко не успела. Фрай мою попытку слинять заметил сразу же и помчался за мной.

— Аста! Стой!

Я не смогла сдержаться и обернулась на его вопль, полный боли. Вокруг Фрая густилась Тьма. Он расталкивал людей, отбрасывал в сторону стулья, оказавшиеся на пути, и изо всех сил пытался нагнать меня.

— Беги! — завизжала Эйлин, и по коже поползла морозная корка ледящего страха.

Я успела заметить, как Риган набросил на Фрая заклинание пут, и отвернулась. Не могла смотреть на лицо темерата, искаженное злобой и блестящее от слез. Меня мутило от ужаса, сердце терзала вина, хотя понимала — не я сделала Фрая таким.

Студенты расступались на моем пути, освобождая дорогу, пока бежала к выходу. В спину летел нечеловеческий, истощный крик, что раз за разом повторял мое имя. Доносились голоса Ригана и Виви, которые пытались успокоить Фрая. Перешептывания в топе преследовали меня.

— Отпустите. Аста! Я должен поговорить с Астой!

Мне оставалось только толкнуть дверь и выбежать в коридор, когда голос Фрая надорвался и перешел на рык. Я обернулась, и мир на какое-то мгновение замер. Время будто издевалось надо мной: оно обратилось в тягучую смолу, чтобы ужасная картина обращения моего друга точно, во всех деталях отпечаталась в памяти на всю оставшуюся жизнь.

Кожа в уголках рта треснула и порвалась до середины щек. Челюсть вышла из суставов и так и осталась висеть в протяжном вопле, даже когда звук стих. Позвоночник неестественно выгнулся, и над порванной курткой парня выступило несколько костяных шипов. Пальцы на руках, которыми Фрай царапал пол, вытянулись, и из каждой подушечки показалась острая длинная кость.

Виви завизжала первой. Ее крик подхватили другие студенты и неудержимой волной кинулись к дверям, где как раз стояла я. Они чуть не снесли меня с ног, пока пыталась протолкнуться обратно к центру зала.

Я не верила, что для Фрая это конец. Не могла смириться, что он проиграл Тьме.

Расталкивала визжащих студентов, продиралась против общего движения и мысленно молилась, чтобы увиденное было лишь обманом зрения. Но прежде, чем выбралась из напуганной толпы, с потолка в центр комнаты упало несколько паутин заклятий.

Защитные заклинания Академии никогда не сработают на темерата. Эта активация значила только одно — Фрай обратился в инфекта.

Нечеловеческий рев прокатился по залу и эхом отразился от стен. Последние студенты с криками выбежали из столовой, в которой остались только я, Риган, застывшая от ужаса Эйлин, Виви, готовая вот-вот расплакаться, и инфект, что еще минуту назад был нашим другом.

Фрай колотился в цепях заклятий, катаясь по полу и яростно рыча. Он бился, будто в припадке, и было ясно — заклятья его не сдержат. Однако уже оживали големы — пустые доспехи с магическими метками откликнулись на обращение Фрая и были готовы встать на защиту Академии.

Металлический лязг царапал слух и нагнетал, пока к центру зала медленно приближалось четыре голема.

— Эйлин, уходи! — крикнула подруге, но та впала в ступор.

По щекам девушки катились слезы, ее сильно трясло. Зато Виви бежать была готова и без оглядки ринулась к дверям.

— Ты куда? — схватила ее за плечо, когда охотница двинулась мимо.

Она вскинула на меня взгляд, полный слез и немой мольбы, но не смогла ничего сказать. Заикалась, дрожала всем телом и была готова вот-вот потерять сознание.

По правилам, если охотник не может убить своего темерата, который обратился в инфекта, и скидывает эту обязанность на других, его отчисляют. Я хотела напомнить об этом Виви, но не стала. Она не сможет сражаться в таком состоянии, а если проиграет — сама получит метку Тьмы.

— Возьми с собой Эйлин, — попросила быстро и, увидев кивок, бросилась на помощь Ригану.

Он посылал в инфекта одно заклинание за другим, пытаясь хоть сколько-нибудь ослабить противника. Фрай уже сбросил с себя путы чар и отбивался от големов, которые обступили его плотным кольцом. Однако один из защитников Академии уже лишился металлической руки, а у второго в нагруднике зияла черная дыра.

Големы не смогут одолеть инфекта. Они лишь временно сдержат его.

— Виви нам не поможет? — удивился Риган, отправляя новое заклятье в инфекта.

— Она выведет Эйлин.

Я бросила энергетическую вспышку во Фрая, но заклятье будто ударило не по цели, а по мне. Сражаться против друга и понимать, что иного выхода нет — омерзительно. Каждый новый удар отражался в сознании болезненными воспоминаниями, которые рвали душу на части.

Перед глазами стояла наша первая встреча, когда я ещё училась на начальном курсе. Наши редкие разговоры в библиотеке. Недавний бал и танец, в минуты которого Фрай был настоящим в последний раз.

Не могла выкинуть из головы его спокойный голос, которым он называл мое имя. Не могла забыть мягкий взгляд и то, как он улыбался, постоянно прикусывая нижнюю губу...

Подступающие слезы жгли глаза, но не смела позволить им пролиться. Раз за разом кидала новые сети заклятий, ненавидя себя за каждый удар. Ведь это моя вина. Я не смогла ему помочь и вовремя найти разгадку.

Один из големов рассыпался на части и рухнул, когда инфект яростно разорвал его на множество бесполезных металлических пластин. Эйлин испуганно вскрикнула, и это привлекло внимание инфекта.

— Бегите. Живо! — приказала я девушкам, заставшим на полпути к выходу. Они тут же встрепенулись и, схватившись за руки, побежали к дверям.

Инфект ринулся вслед за ними.

Риган выругался себе под нос и несколькими ударами кнута постарался вернуть внимание чудовища на себя. Мои метательные ножи, к несчастью, остались в комнате, и могла биться только магией. Но ее запас далеко не вечен, и даже артефакт-усилитель не сможет предотвратить скорое истощение.

Несмотря на наши яростные атаки, инфект по-прежнему прорывался к Виви и Эйлин. Он откинул от себя последних уцелевших големов, упал на пол и на четырех конечностях, как дикий зверь, в несколько прыжков нагнал беглянок.

В последний момент мое заклятье все-таки поймало цель, и Фрая откинуло назад, прямо под ноги к Ригану. Парень обездвигил монстра заклинанием и несколькими жесткими ударами зачарованного кнута выбил из врага все желание сопротивляться.

— Виви? — позвал Риган и подбородком кивнул на еще трепыхающееся тело инфекта.

Однако девушка только покачала головой, упала на колени и разрыдалась. Она отказалась от шанса остаться в Академии. Если бы Виви добила Фрая, это бы сразу отобразилось в ее фолианте вместе с окончательными баллами за практику. Наверняка очень низкими, но это единственная возможность не вылететь с учебы.

Но Виви только трясла головой и плакала, спрятав лицо в ладонях. Подходить к инфекту она панически боялась.

Риган смиренно кивнул и последним ударом кнута по шее инфекта отсек тому голову и наложил на тело запечатывающие Тьму чары. Я резко втянула носом воздух и отвернулась. Не хочу видеть Фрая таким. Обезглавленным, изуродованным Тьмой...

В моей памяти он останется тем парнем, с которым мы просто болтали, делились планами и смеялись над выходками преподавателей... В моей памяти он навсегда останется живым.

— Аста? — дрожащим голосом окликнула Эйлин.

Я проглотила горький ком, застывший в горле, утерла горячие слезы и обернулась, преодолевая жгучую боль в груди. Эйлин сидела на полу рядом с рыдающей Виви и сама едва могла дышать.

Риган остановил меня взволнованным взглядом, но я нашла в себе силы и слабо кивнула:

— Ничего, — уронила беззвучно, и погладила ладонь, застывшую на моем плече.

Риган впился в мое лицо цепким изучающим взглядом, но все же отступил, пропуская к подруге, и сам двинулся рядом.

— Мне кажется, она ранена, — заикаясь, вымолвила темерата, и дрожащим пальцем указала на ногу Вивьен.

Под коленом действительно тянулось несколько узких длинных царапин. Когти инфекта разодрали чулки и вспороли кожу охотницы.

— Ее нужно отвести в лазарет, — строго сказал Риган, и я его поддержала.

Мы хотели помочь Виви встать, но она сама подскочила на ноги и отшатнулась:

— Не надо! Со мной все хорошо, я здорова! — сквозь слезы вспылила девушка.

Мы изумленно переглянулись с Риганом и Эйлин и замерли в полном недоумении. Было ясно, что Виви ранена. И не просто каким-то низшим духом, а инфектом. Не уверена, произошло ли заражение и можно ли спасти Виви от метки Тьмы, поэтому лучше не тянуть и как можно скорее доставить охотницу в лазарет.

Однако нас опередили. Прямо позади Виви яркой вспышкой открылся портал. Охотница удивилась настолько, что даже перестала плакать. Ее лицо вытянулось, а в глазах застыл немой вопрос, которым задавался каждый в этом зале.

Кто открыл портал и куда он ведет?

— Тебе нечего бояться, — попыталась успокоить девушку и осторожно шагнула ей навстречу. — Тебя просто осматрят, и...

— Не надо меня осматривать. Я человек. Во мне нет ни капли Тьмы! — взбесилась Виви и сделала заметный шаг в сторону магического портала.

Я с мольбой взглянула на Ригана. Знала, что у него куда больше шансов убедить Виви не делать глупостей. Парень понял меня без слов. Но и Виви оказалась далеко не глупа.

— Не надо меня уговаривать, Риган. Мы все знаем, что я тебе не нужна. А она, — дрожащим подбородком Вивьен указала на меня, — она тебя погубит. Так же, как и Фрая.

Ее слова приговором повисли в воздухе, а потом девушка уверено шагнула в сияющий зев портала и исчезла в его последней вспышке.

ГЛАВА 27

Едва портал, проглотивший Виви, потух, в зал ворвалось около десятка человек в черной форме. Охотники были вооружены и готовы сражаться, но прибыли слишком поздно.

— Что здесь произошло? — вперед вышел высокий мужчина, который заметно выделялся на фоне своих сопровождающих.

Он единственный был одет не в форму охотников, а в сшитый с иголки серый костюм-тройку. На шее был завязан темный платок, а на руке, поправившей дорожную ткань, блеснул фамильный перстень.

Еще до того, как Риган поприветствовал отца, я поняла, кто передо мной стоит.

Риган — копия господина Дагера. Те же аристократичные черты лица, те же серые глаза и медные волосы. Глава Совета строго зачесывал их назад и носил аккуратную бородку, но в остальном его и сына отличал только возраст. У уголков глаз господина Дагера ползли неглубокие паутинки морщин, а взгляд был жестче и холоднее, будто в серости туч бушевала вьюга, в то время как глаза Ригана напоминали пасмурное небо, на которое вот-вот должно было вернуться солнце.

Риган поклонился, и мы с Эйлин, смущенно переглянувшись, повторили этот жест.

— Инфект, ясно, — холодный взгляд скользнул за наши спины, где на полу лежало обезглавленное тело Фрая.

Риган что-то ответил, но из-за вновь нахлынувших чувств не разобрала слов. От одной только мысли о погибшем друге к горлу подступила тошнота, а грудь будто стиснул раскаленный обруч, из-за которого не могла даже вдохнуть. Я слепо смотрела в пол, так и застыв в поклоне.

— Мне знаком ваш амулет, — обратился ко мне господин Дагер, а Эйлин незаметно коснулась моего плеча, вырывая из оцепенения.

Я выпрямилась и тут же поймала на себе внимательный взгляд главы Совета. Рука сама потянулась к кулону-наконечнику и накрыла его, защищая от чужих глаз.

— Это мой артефакт, господин, — произнесла, глядя мужчине в глаза.

Не сомневалась, что он узнал меня, но твердо решила не подавать виду. Мне было страшно не по себе, ведь впервые за всю жизнь встретила лицом к лицу с человеком, который действительно знает, кто я такая, что совершила и какую плату за это несу.

Аста Френель. Убийца. Сирота при живом отце.

Но, несмотря на волнение, отца Ригана не боялась. Скорее, была смущена тем, что знаю — он присматривал за мной, и не понимала, как себя вести.

— Госпожа...

— Навье, — быстро подсказала я, хотя глава Совета мое имя прекрасно знал. Это понимал он сам, это не было секретом для меня и Ригана.

Догадывается ли господин Дагер, что я знаю о его помощи моей семье?

— Госпожа Навье, — вежливо продолжил мужчина, — ваш кулон — не артефакт. Это обычная пустышка.

Меня будто окатили ледяной водой. В голове тут же вспыхнули слова отца, когда в ректорском кабинете во время первого разговора после моего обращения он сказал то же самое.

— Вы ошибаетесь, — губы дрогнули в нервной улыбке, а мной завладело смятение. — Этот амулет не раз спасал в бою, подпитывая мои магические резервы.

Господин Дагер только качнул головой и приблизился ко мне на несколько шагов. Я испуганно обернулась, проверяя, слышит ли кто нашу беседу. Но сопровождающим охотникам не было до меня дела. Они разбрелись по залу, большей частью столпившись около убитого инфекта. Эйлин переминалась с ноги на ногу у меня за спиной, стоя на достаточном расстоянии.

Риган, заметив мое волнение, сам сделал несколько шагов назад и отвернулся.

— Госпожа Навье, — перейдя почти на шепот, вновь обратился ко мне глава Совета, — поверьте, это обычная побрякушка. Когда я был студентом и, как и вы, учился в этой Академии, мы с друзьями

поспорили, что один из нас не сможет ночью пробраться в тренировочный зал...

Я тяжело сглотнула, прекрасно догадываясь, кто именно был главным героем этой истории...

— Как видите, мой товарищ спор выиграл. И эта безделушка, — господин Дагер кивнул на мой амулет, — стала наградой за его безрассудство и смелость.

Слова застыли на губах, мысли перемешались. Происходящее казалось глупой шуткой, и я поспешила заступиться за свой артефакт:

— Но...

— Это просто наконечник, — доверительно шепнул мужчина. — Я лично отломил его от стрелы и проделал отверстие для цепочки. У меня чуть соскочила рука во время заклятья, поэтому получилось наискосок...

Проверять слова господина Дагера не стала. И без того знала, что у моего кулона есть такой дефект. Однако маг мог угадать, рассмотреть что-то сейчас...

Но какой смысл ему врать?

— Будьте осторожны, госпожа Навье, — коротко заключил господин Дагер и направился в центр зала.

Беседа с отцом Ригана шокировала и окончательно выбила почву из-под ног. Может, я бы не поверила ему, если бы не слышала подобных утверждений раньше. Но теперь меня одолевали сомнения.

Если все это правда, то у меня никогда не было артефакта силы, который бы накапливал и преумножал мой потенциал. Такой артефакт обязательно есть у каждого чародея, ведь без него слишком быстро происходит магическое истощение.

И как тогда я справлялась все эти годы? Как шла наравне с другими магами, не имея такого серьезного бонуса, как артефакт-усилитель? Неужели я настолько талантливая чародейка? Сомневаюсь.

— Все хорошо? — рядом возник Риган, который уже успел обменяться парой слов с отцом. — О чем говорили?

Я слабо качнула головой и попыталась выдавить улыбку. Не вышло.

— Да так, — неоднозначно махнула рукой и пожала плечами. — Про Фрая...

Риган поджал губы и опустил потемневший взгляд:

— Я сожалею, — коротко вымолвил он.

Легче не стало, но острое чувство боли и одиночества, будучи разделенным с кем-то, чуть притупилось. Мотнула головой, чтобы прогнать мрачные мысли, и спросила:

— Что теперь?

Риган быстро окинул взглядом охотников, спящих по залу, и поделился:

— Сначала они разберутся здесь, а потом... не знаю. Будут искать следы запретных артефактов и магии по всей Академии.

— Твой отец не хочет забрать это? — я подняла ладонь, демонстрируя кольцо с глазом онейры, но Риган качнул головой.

— Оставь пока себе. До нас дело еще дойдет, а сейчас есть другие заботы. Я иду в крыло охотников, — потускневшим голосом предупредил парень. — Нужно следить за состоянием термостатов, пока все взбудоражены случившимся. Позову сюда всех старшекурсников, пусть приглядывают за своими напарниками.

Понятливо кивнула и мысленно согласилась с решением Ригана. Это самое разумное, что сейчас можно сделать.

— А ты? — спросил охотник перед тем, как уйти.

Эйлин тихой тенью приблизилась ко мне и замерла, дожидаясь окончания разговора. А я, поджав дрожащие губы, соврала:

— Есть одно дело. Ничего серьезного, не переживай.

— Это здесь, прямо по коридору.

В подвале было пусто и темно. На наше появление не откликнулись магические светильники, и нам с Эйлин пришлось отправить вперед несколько ярких искр, чтобы видеть хоть что-то.

Пока ничего не вызывало подозрений. Длинный узкий коридор уводил вперед. Иногда в стенах чернели ниши, в которых хранили непригодный инвентарь.

— У вас серьезно здесь шел факультатив? — изумилась я, глядя на паутины, уже затяжелевшие от пыли.

— Прямо по коридору есть кабинет, — поправила Эйлин, шагая рядом. — Он хорошо обустроен.

Я посмотрела на нее с недоверием, но промолчала. Посмотрим, куда нас приведет этот эксперимент...

Говорить Ригану о своем решении спуститься в подвал, где проходили факультативы Эйлин по зельеварению, не стала. У Дагера сейчас не менее важная забота — собрать охотников, чтобы контролировать состояние темератов. После обращения Фрая это необходимая мера. Я сама едва сдерживаю темные чувства, рвущие душу на части. Одно только воспоминание о Фрае рождает мощнейший поток эмоций, в котором начинаю забываться от боли.

Ждать, пока Риган закончит со своей миссией, нет времени. Едва господин Дагер разберется с шумихой, вызванной обращением студента, он отправится обыскивать замок. Мне нужно успеть осмотреть подвал раньше, чем до него доберется кто-то другой.

Может, тут и не будет ничего важного, но хочу во всем убедиться сама, чтобы потом не терзало чувство, будто что-то упустила. Ведь для Совета — это просто поиск запрещенных артефактов, а для меня — последний шанс спастись.

Вскоре из темноты выступила высокая дверь из дорогого дерева, которая в побитом и заброшенном подвале выглядела крайне неестественно, будто оказалась здесь случайно. Но Эйлин уверенно подтвердила — нам туда. Мы обе ускорились, но когда до цели осталось не больше тридцати шагов, красивая иллюзия растворилась туманом, а под ней оказалась совершенно иная картинка...

Путь нам преградила тяжелая металлическая дверь. Эйлин, едва завидев ее, тут же остановилась.

— Здесь не было этой двери, — настороженно произнесла темерата.

— Была, — уверено поправила я и подняла руку с кольцом-артефактом. — Просто раньше на тебя действовали иллюзии, а сейчас...

— Нейтрализатор их рассеивает, — хмыкнула Эйлин, тоже вспомнив занятия у профессора Фармона. — Умно!

— Как думаешь, мы пройдем внутрь?

— Не знаю, — задумчиво протянула девушка. — Меня здесь не было уже пару дней. Но обычно тут никогда не заперто.

— У тебя было какое-то расписание?

— Не совсем, — неоднозначно ответила Эйлин.

Я поняла, что она хочет мне о чем-то рассказать, и поманила к себе сияющий шар. Тусклый свет скользнул по нашим лицам, бликом отразился в маслянистых черных глазах. Эйлин коротко нахмурилась, оживляя в памяти недавние события, и поделилась:

— На факультатив меня пригласили сразу после начала учебы, через письмо, — продолжала темерата. — Вступительным испытанием был «Ликвидум», уже говорила тебе. Его в нашей комнате сама пыталась приготовить несколько дней.

Действительно припоминала, как подруга сетовала на сложное задание. Кажется, она еще рассказывала, как относилась готовое зелье в подвал, где позже и проводились занятия по зельеварению.

— Потом после бала мне подкинули кольцо и пригласили на первые занятия. Видимо, я прошла отбор.

Я понятно кивнула, и мысленно отметила очевидную связь между кольцом и факультативом.

Больше не сомневалась — Эйлин использовали. И, кажется, знаю, для чего.

— Со мной постоянно общались письмами. Домашние задания, расписания следующих занятий, даже какие-то рецепты — все приходило записками, как и другим студентам с факультатива.

— Вас туда много ходит?

Эйлин задумчиво постучала пальцем по подбородку и ответила:

— Около десяти.

— Вы общались вне кружка? — уточнила я и внимательно вгляделась в лицо подруги.

— Нет, мы видимся только здесь, на занятиях, — призналась Эйлин и только потом задумалась над смыслом сказанного.

Ее лицо вытянулось, глаза расширились, а брови выгнулись, выдавая удивление:

— Хочешь сказать, они тоже были иллюзией?

Я думала о том же, но до конца уверена не была. Потому только качнула головой и развела руками — сама хотела бы знать ответ на этот вопрос.

— Ладно, — выдохнула я, а затем поинтересовалась, — что за задания вам давали?

Эйлин щелкнула языком, чем дала понять — это для нее большая тема.

— Мы обычно тянули жребий, который определял, кому какое зелье нужно сварить. Мне постоянно доставалось любовное... Тошнит уже от него, вот честно! — возмутилась девушка, а я ощутила, как краска сходит с лица.

Я была права. Весь этот фарс с факультативом был устроен ради получения приворотного зелья, которое, не сомневаюсь, предназначалось Фраю. Весьма удобно иметь свою лабораторию, где можно без лишних лиц и поставок получать заветный эликсир.

Эйлин наверняка была уверена, что каждый раз отдает свою работу преподавателю, но даже он был иллюзией. Проверить это оказалось очень легко — я знаю всех учителей Академии, а имя, что назвала темерата, слышала впервые.

Мое смятение не осталось для Эйлин незамеченным. Девушка виновато прикусила губу и отвела взгляд:

— Я тоже догадалась, для кого все это было, — потускневшим голосом призналась она. — Не могу поверить, что, возможно, Фрай погиб от моей руки. Ведь если бы зелье не свело его с ума...

— Ты не виновата, — оборвала тут же. — Нас всех водили за нос, это правда. Но не ты подмешивала зелья в его еду, не ты шептала над ними мое имя.

Эйлин притихла, замерев у железной двери. Прижала ладонь ко лбу, что покрылся легкой испариной, и устало покачала головой.

— Зачем? — сорвалось с ее губ вместе со всхлипом. — Зачем кому-то было травить его этой гадостью?

Смотреть на слезы Эйлин было очень больно. Они оживляли ужасные картины гибели Фрая. Сердце обратилось тяжелым холодным камнем, в груди стало тесно.

— Не знаю, Эйлин, — не своим голосом шепнула я и ободряюще коснулась дрожащего плеча подруги. — Но я здесь, чтобы разобраться. Хотя бы попытаться.

Очень быстро Эйлин взяла себя в руки и краем рукава утерла слезы. В тусклом свете магической сферы я заметила, как камень души темераты окрасился в темно-розовый, почти красный. Даже боюсь предположить, какого цвета сейчас мой артефакт...

Эйлин, вдруг ставшая неожиданно воинственной, с силой дернула дверь. Та оказалась заперта, и темерата выругалась себе под нос.

От такого зрелища у меня даже глаза округлились, а брови поползли на лоб. Никогда бы не подумала, что увижу хрупкую и нежную Эйлин в таком бешенстве!

— Ничего, — с нехорошей улыбкой протянула подруга, — сейчас разберемся!

Спросить, и как же мы это сделаем, не успела. Эйлин приподняла до середины бедра юбку и

отвернула край чулка, где оказался спрятан небольшой пузырек, наполненный темной жидкостью.

— Это что? — вернула себе дар речи, подобрав с пола отвисшую в изумлении челюсть.

— Очень едкая штука, которую крайне не советую проливать на себя, — размыто отозвалась девушка и присела на корточки возле двери.

Она деловито поковыряла ногтем в дверной скважине, зачем-то подула в нее. Затем ловким щелчком сбила пробку с пузырька, который, наклонив, прижала к отверстию для ключа.

Послышалось отчетливое шипение, и Эйлин тут же отскочила от двери. Пустой пузырек упал и разбился.

Прожорливое зелье разъедало металл прямо на глазах. Не прошло и минуты, а в двери уже зияла черная дыра.

— Зачем ты носишь с собой такие убийственные штуки?! — выпалила я, когда зелье окончательно сточило замок, а дверь открылась от одного легкого пинка.

Эйлин смущенно потеряла затылок и слабо улыбнулась. Как мне показалось, печально и тоскливо. Я поняла все без слов — сама не так давно стояла на обрыве и была готова шагнуть.

— Мне пойти с тобой? — подалась вперед Эйлин, но мой грозный взгляд заставил ее замереть.

— Мы не знаем, что там, — предостерегла ее. — Я не могу рисковать тобой.

— Зато собой рискуешь весьма охотно, — темерата скривила губы в притворной улыбке.

Не думаю, что Эйлин обиделась. Скорее, была очень взволнована.

— Я охотница, — напомнила нам обеим, — и смогу за себя постоять в случае чего. А вот ты сражаться не можешь.

Эйлин щелкнула языком и тяжело вздохнула, скрестив руки на груди:

— Хорошо, я поняла тебя, Аста. Но ведь чем-то ещё я могу помочь? Пожалуйста, не заставляй сидеть, сложа руки. Я тоже хочу быть полезной.

Мне ужасно захотелось обнять подругу и поблагодарить за все, что она для меня сделала. Я поддалась порыву и заключила Эйлин в объятия. От удивления она, кажется, на пару секунд забыла, как дышать.

— Береги себя, — попросила она, когда мы крепко обняли друг друга.

Я не могла задушить в себе чувство, будто прямо сейчас прощаюсь с Эйлин. Мы обе были напряжены и взбудоражены. Обе будто обратились в оголенные нервы.

Не знаю, что ждет за этой дверью, но Тьма внутри меня бушевала ледяными волнами. Предчувствие подсказывало — отсюда прежней уже не выйду.

— Знаешь, Эйлин, — сказала, чуть отступив, — все-таки у меня есть к тебе одна просьба.

Девушка внимательно взглянула на меня и кивнула:

— Выкладывай.

ГЛАВА 28

Единственный источник света — тусклый магический светлячок — плыл над моим плечом. Его рассеянные лучи касались голых каменных стен, утопали в непроглядной черноте. Я могла бы прогнать мрак по щелчку пальцев, подчинить его себе, и Тьма внутри меня восторженно плескалась от одной только мысли об этом... Но я помнила, что этот дар может сильно аукнуться, и обходилась своими силами.

Сначала казалось, что учебная комната, больше напоминающая темницу, пуста. Но иногда пространство вокруг меня подергивалось короткой рябью, из-под которой выглядывала обманчиво уютная аудитория. Рассмотреть иллюзию получше не удавалось — она исчезала в ту же секунду, едва ей стоило возникнуть.

Похоже, в этом зале спрятано достаточно глаз онейры, зачарованных на видение кабинета зельеварения. Кто-то очень старался, чтобы иллюзии было не отличить от реальности. Удивительное везение, что нейтрализатор справляется со столь мощным натиском галлюцинаций.

Я продолжала слепо двигаться вперед, и вскоре свет сферы выхватил из тени очертания столов для зельеварения. Опустила светящийся шар над одной из столешниц и принялась разглядывать огромное количество склянок и баночек. Нашла горелку, несколько перевязанных лентами веточек разных растений, обнаружила засушенные лапы каких-то зверей...

— Фу, — фыркнула себе под нос и бросила тощую конечность обратно в колбу.

Уже собиралась продолжить осматривать помещение, как вдруг краем глаза заметила знакомый перламутр. Прямо в той же колбе, под засушенными лапками, лежали не меньше трех глаз онейры.

Вытряхнула содержимое склянки и аккуратно собрала на ладонь переливающиеся шарики. Сомнений нет, это уже знакомые мне артефакты иллюзий.

На свое кольцо с таким же камушком покосилась со смесью облегчения и благодарности. Если бы не нейтрализатор, в очередной раз бы оказалась заложницей галлюцинаций. Но сейчас один артефакт гасил силу остальных, и могла быть уверена — меня не обмануть.

Зато Эйлин за нос поводили. Наверняка темерата видела это место не таким темным и уродливым подвалом, а вполне комфортной учебной комнатой. Иллюзией не был только ее стол и ингредиенты, чтобы девушка могла трудиться и готовить реальные зелья.

Прикусила губу и шумно втянула носом воздух. Открывшаяся правда всколыхнула в душе такую злость, что едва сдержалась, чтобы не опрокинуть на пол несколько склянок.

Подумать только! Весь этот искусный спектакль был ради того, чтобы анонимно получать все необходимые зелья! Чтобы травить ими Фрая, сводя его с ума!

Но зачем? И почему именно ко мне вспыхнули искусственные чувства темерата?

Мотнула головой, разгоняя мрачные мысли, и попыталась сосредоточиться. Подумать еще будет время, а вот пробраться в подвал — сомневаюсь. Тем более, совсем скоро сюда явится господин Дагер. Я сама попросила Эйлин привести его: что-то подсказывало, мне пригодится помощь.

Осматривая просторную, но почти совсем пустую комнату, нашла еще пару глаз онейры. Один прятался в горке пыли в углу, а второй был прикреплен к нижней поверхности стола.

Я покачала головой и бросила обе находки в колбу к остальным артефактам. Как раз в этот момент дверь распахнулась, и в комнату вошел ещё один человек.

— Что ты здесь делаешь? — выдохнула с изумлением, едва свет магической сферы коснулся лица Ригана.

Парень так и застыл на пороге, держа свой сияющий шар на раскрытой ладони. Он обиженно нахмурился и протянул:

— Эйлин сказала, что ты меня позвала.

— Я позвала господина Дагера! — поправила его, но тут же опомнилась. Эйлин, похоже, не догадалась, что прибывший глава Совета — отец Ригана. Вот и получается, что единственный господин Дагер, которого знает темерата, — мой напарник.

— Почему не предупредила, что пойдешь в подвал? — насупился парень, подходя ко мне.

От его близости на душе стало тепло, но беспокойно. Чувствовала, это место таит в себе много

загадок, и не все они станут приятным сюрпризом.

— Потому что ты был занят, — ни капельки не соврала. — Кто-то ведь должен следить за температурами, — добавлять, что волновалась за парня и не хотела подвергать его опасности, не стала.

Риган улыбнулся одними уголками губ и в темноте поймал мою ладонь:

— Все хорошо. Охотники этим занялись.

— А твой отец?

Риган неоднозначно пожал плечами и задумчиво потупил взор:

— Не видел его после того, как мы все разминулись. Наверное, уже обыскивает замок. Все-таки хочешь позвать его сюда?

Мой взгляд метнулся к открытой металлической двери, а мысли выстроились в пошаговый план действий. Есть ли вероятность, что пока будем бегать за главой Совета, кто-то, напуганный неожиданным визитом проверяющих, явится сюда и зачистит все улики? А каков шанс, что нас с Риганом, молодых студентов, еще даже не охотников, просто выставят из подвала, как назойливую ребятню?

Вероятность обоих событий крайне велика.

— Давай сначала осмотрим все сами, — предложила, недолго подумав.

Я просила привести господина Дагера для подстраховки — место не самое приятное. Но теперь со мной Риган, которому доверяю как самой себе.

Парень согласно склонил голову, а я показала ему свои находки: перламутровые шарики цветными бусинами катались на дне прозрачной колбы.

— Повезло, что наши артефакты сдерживают иллюзии, — поддержал мои размышления охотник, а я изумилась:

— Наши?

Риган вынул из внутреннего кармана куртки пузырек с заключенными в нем глазами онейры. Даже не успела обдумать вопрос, а парень уже сказал:

— Наша тайная миссия провалена, а потому в игру открыто вступил Совет. Посещение Академии — официальный визит, к которому отец и его сопровождающие подготовились.

— У них у всех есть нейтрализаторы? — догадалась я, и Риган кивнул.

— По несколько штук.

Время подгоняло. В любой момент сюда мог ворваться кто угодно — враг или союзник. Мы понимали это, а потому спешили скорее закончить осмотр и покинуть это жуткое место, напичканное артефактами иллюзий. Их нам удалось найти еще несколько штук, но дотянуться до них не получалось — артефакты прятались между камнями, в углах у самого потолка.

Иллюзия светлого кабинета с приходом Ригана стала возникать реже, но все еще время от времени вспыхивала на короткие мгновения ярким пятном. Меня это немного раздражало, но чтобы разрушить видения, посланные хозяином глаз онейры, нужно либо сломать артефакты, либо создать из них нейтрализаторы. Но это украдет время и уничтожит улики, а значит — придется терпеть.

Последним, что мы решили изучить, стал стеллаж в дальнем углу, доверху забитый закупоренными колбами и пробирками. Подписаны они не были, а я не стремилась проверять, что за варево томится под стеклом. А все из-за того, что перед глазами до сих пор стояло воспоминание, как зелье Эйлин легко разъедает металл.

Вдруг в этих колбах что-то не менее прожорливое и едкое? Лучше поберечь пальцы.

Зато Риган, кажется, не боялся ничего. Он встал на цыпочки, разглядывая верхние полки, и пробормотал:

— Знаешь, мне очень не нравится то, что сейчас вижу.

— И что же? Мне не видно.

И пусть зрение в темноте подводило, зато чувства внутри мешались гремучей смесью: страх,

переплетенный с тревогой, странное темное предвкушение и необъяснимая внутренняя тяга, что казалась чужой и навязанной. Еще никогда Тьма внутри меня не плескалась с такой силой и нетерпением.

Все время, что я бродила по подвалу, мне удавалось сдерживать это чувство. Но сейчас черная магия внутри меня сходила с ума так, что перед глазами темнело, а мысли обращались вязким болотом.

Риган отправил светящийся шар к потолку, мы отступили на несколько шагов, и только тогда увидела, что скрывалось в темноте на верхних полках стеллажа. Я отшатнулась, ощутив, как всколыхнулась Тьма, а холод лизнул замершее сердце. Потянула Ригана за руку и попятилась.

— Что-то не так? — парень крепче сжал дрожащие пальцы, но я этого уже не чувствовала. Во все глаза смотрела на ровные ряды прозрачных колб, внутри которых клубился черный дым.

Тьма.

— Риган, уходим, — бросила я, ощущая, как тело начинает крупно колотить. — Скорее!

Парень не стал спорить и коротко кивнул. Но едва мы повернулись к выходу, оттуда из темноты полетела яркая искра заклатья.

Я не успела различить человека, бросившего магическую вспышку, не успела закричать. Дыхание застыло в горле, а в следующее мгновение по ушам громко ударила смесь ужасных звуков: скрежет металла по каменному полу, лязг закрывшейся двери и звон стекла, которое дождем сыпалось с полок.

Риган выкрикнул заклинание, и его сфера стала в разы ярче. Свет ударил в глаза и ослепительной вспышкой рассеялся вокруг нас. Время вновь словно замедлилось, и я увидела, как из бьющихся колб вырывается черный туман.

Тьма обступала нас плотным кольцом, вилась густым дымом, заволакивая комнату. Риган бросил несколько энергетических заклятий, но мрак, не рассеиваясь, просто проглотил их — будто яркая звезда упала в черную воду и потухла.

— Используй защитные заклатья из фолианта! — бросила я в надежде, что Ригану удастся спастись.

— Не могу, — слова парня заставили сердце похолодеть. — Я израсходовал все, что было на Кейлора и Фрая.

От отчаяния хотелось выть и рвать на себе волосы. Чертить защитные пентаграммы прямо сейчас — нет времени. Тьма черным облаком надвигалась на нас, норовя проглотить.

Но если мне новая встреча с Тьмой ничем не грозит, то для Ригана на кону жизнь. И я не знала, как ее спасти!

Парень продолжал прожигать магический потенциал, впустую бросая заклатья. Видела, что Риган ошарашен, шокирован и абсолютно не понимает происходящего. Он испытывал все знакомые нам заклатья, но ни одно не могло помочь.

Я же чувствовала, как медленно сгораю во Тьме. Страх затмил рассудок, боль за Ригана взяла в тиски сердце. Я не боялась за себя и не думала, что для меня, похоже, это конец. Сводило с ума только то, что для Ригана здесь и сейчас начнется обратный отсчет, если не придумаю, как спасти охотника.

И, кажется, был только один шанс вытащить Дагера отсюда.

Порывистым движением я накрыла губы Ригана своими, солеными от слез. Поцелуй оказался очень коротким, почти неуловимым, но я нуждалась в этом последнем глотке воздуха.

— Я люблю тебя, — шепот коснулся чужих губ.

Риган тут же вцепился мне в плечи и сжал, не смея отпустить:

— Что ты задумала? — сквозь слезы видела, как его красивое лицо исказила боль. — Аста. Не делай глупостей!

Он не позволял отойти от него ни на шаг. Но Тьма надвигалась, я нутром чувствовала ее приближение и понимала — время утекает сквозь пальцы.

— Живи, Риган, — улыбнулась в последний раз и коснулась его груди.

Он не успел догадаться, что собираюсь сделать, а потому не смог ничего предпринять. Энергетическое заклятье отбросило парня назад, подальше от ползущей черной стены, с которой я осталась один на один.

— Аста! — любимый голос, полный отчаяния, будто пронзал сердце острыми шипами.

Не позволила себе обернуться. Проглотила рыдания и с силой сорвала с шеи бархотку, на которой уже отчетливо чернел камень души. Я на грани. То, что нужно.

Бросила украшение на пол, раздавила темный камень каблуком и шагнула навстречу Тьме.

Я чувствовала ее. Ощущала каждый темный порыв, на который откликалось нутро. Холодные, вязкие волны укутывали меня и проходили насквозь. Знала, моя душа — часть единого целого, смертоносного и опасного нечто. И если поддамся Тьме, если позволю ей забрать меня, то на какое-то время смогу ее контролировать. Запечатаю мрак в себе и подарю Ригану шанс на жизнь.

Новый оклик звучал уже ближе, и я поняла, что парень попытается меня остановить. Голос Ригана отозвался в груди болью и тоской по времени, которое нам не суждено провести вместе. Но я знала, ради чего приношу эту жертву, и шла на нее без сожалений.

Вновь оттолкнула Ригана заклятьем, а затем добровольно сделала то, что долгое время видела в кошмарах. Ослабила контроль и позволила Тьме поглотить меня. На какое-то мгновение я ощутила, что мы — единое целое. Я была собой, но душа будто вышла за границы тела и заполнила пространство.

Каждый темный порыв отзывался во мне, и знала — я могу контролировать эту чувство. Поэтому приложила все усилия и впустила в себя Тьму. Всю до остатка. Мрак закружился черным ураганом, эпицентром которого была я. Жгучий холод разрывал тело изнутри, сердце перестало биться, но я не ослабила контроль, не отпустила Тьму и дождалась, когда она окончательно рассеется, поглощенная моим телом.

Все кончилось в одно мгновение. Перед глазами почернело, тело онемело и стало будто чужим.

Огонек моего сознания, съеденный Тьмой, потух.

ГЛАВА 29

В голове не было ни одной мысли. Идеальная пустота — ни воспоминаний, ни сожалений. Чувствовала только ужасную боль во всем теле и страшную ломоту, от которой проснулась. Скривилась от неприятных ощущений и попыталась открыть глаза.

Спутанные ресницы затрепетали, и кое-как открыла веки. Перед глазами простирался серый каменный пол, усыпанный витражными осколками. Его холод ощущала щекой и кончиками пальцев, но я не понимала, где нахожусь и как тут оказалась.

— Я горжусь тобой, — голос прозвучал ласково, почти нежно, и потому решила, что сплю или умерла. Не помню, когда в последний раз отец говорил со мной так — как с дочерью, которую действительно любит.

Собрав волю в кулак, села и тут же схватилась за голову. Перед глазами поплыло, а череп будто разрывало изнутри.

— Девять лет я искал ответ, а он все это время был в тебе, — словно через толщу воды донесся восхищенный голос отца.

Он стоял в паре метров от меня, прячась в тени между разбитыми стрельчатыми окнами, в которые заглядывала бледная луна. Она была единственным источником света, но, несмотря на это, я видела каждую деталь, очерченную тенями, так, будто на безоблачном небе светило солнце.

Из-за ужасной усталости, что не спешила отпускать, не придавала значения странной способности. Молча взглянула на отца, не испытывая ни злости, ни страха.

— Что? — горло саднило, голос ослаб.

Постаралась откашляться и потянулась к шее. Сердце ушло в пятки, когда пальцы не нашли уже привычную бархотку с камнем души. Я тут же встрепенулась, чувствуя, как слабость растворяется в страхе. Мысли заметались напуганными птицами, а в памяти яркой вспышкой повторились последние события...

— Где Риган? — спросила жестко, но отец только качнул головой.

— Вы скоро увидите. Сразу, как ты мне поможешь.

Опережая вопросы, он слабо улыбнулся, осторожно приблизился и протянул мне портсигар. Я нахмурилась и вскинула недоуменный взгляд.

— Гляди, — кивнул на небольшую плоскую коробочку и отступил назад.

Повертев портсигар в руках, быстро поняла, что его поверхность ничем не хуже зеркала. На гладком металле отражалось мое лицо, все в ссадинах, с разбитой губой... И синими глазами, настоящий цвет которых давно позабыла.

Сердце тяжело ухнуло в груди. Я часто заморгала, чтобы прогнать случайное видение. Но ничего не менялось — из отражения на меня так и смотрела обычная девушка, взгляд которой не уродовала метка Тьмы.

Не верила своим глазам. Происходящее казалось злой шуткой и жестоким розыгрышем. Однако я чувствовала в себе перемены, которые игнорировать было сложно.

Едва боль утихла, а мысли прояснились, я ощутила уже знакомый холод, растекающийся по венам. Но если раньше боялась, что Тьма захлестнет, подчинив себе, то сейчас отчетливо знала — мы одно целое, и моя воля беспрекословна.

Не я теперь прислушивалась к чужой магии, рискуя проиграть, а она безропотно повиновалась мне.

— Я поражен, — восхищался отец, пока, как зачарованная, не сводила глаз со своего отражения. — Уже и не надеялся, что получится...

— Что получится? — отбросила портсигар, и тот с лязгом покатился по полу к ногам отца.

Он удивленно заломил бровь, поднял вещицу и спрятал ее во внутренний карман пиджака. Мимо меня не проскользнуло, как отец тяжело сглотнул и поджал губы.

Неужели боится меня?

— Я знаю, что это ты заманил меня на тот заказ и подстроил мое обращение, — моментально

перешла в наступление. Голос звенел металлом, сердце щемило от страшных воспоминаний. — Это ты был в поместье Линетти. Ты следил за мной из здания! Ты стер следы магии артефактом...

— И я же тебя спас, — прервал мою тираду маг и сделал шаг из тени.

Я и без того прекрасно видела его лицо. Темнота мне больше не преграда. Но теперь в лунном свете ещё отчетливее разглядела холодный блеск бесцветных глаз.

— Ты ведь сама знаешь, что не выжила бы после падения с обрыва.

Прикусила губу и потупила взгляд, обдумывая слова отца. Он прав, не так давно мы с Риганом побывали у поместья Линетти и поднялись на проклятый холм, где все случилось. Я прекрасно помню, как звала бездна под обрывом, и как в груди все холодело от одной только мысли, что сорвусь и полечу вниз. И даже река, что ждала внизу, не спасла бы от верной гибели.

Для меня до сих пор оставалось загадкой, почему, сбегаю от Тьмы, не умерла после падения?

— Я поймал тебя в стазис, — вкрадчиво пояснил маг. — Пряча истинное лицо под иллюзией, перенес тебя в Академию. Если бы не я...

— То я бы никогда не испытала весь этот ужас! — выпалила разгорячено и сжала ладони в кулаки. — Я знаю, почему чары крови раскололись! Это ты натравил на меня Тьму!

Отец задумчиво хмыкнул, и от этого разозлилась ещё больше. Его непринужденность и расслабленность бесили. Меня трясло от гнева, а ужасы пережитого не отпускали из когтистых лап страха.

— Я поражен, что ты сумела узнать так много, — несколько гордо сказал маг. — Даже легионеров и следователей, которые взялись за дело твоего обращения, удалось обвести вокруг пальца и обмануть иллюзиями.

Как просто ему все далось. Как легко отец сумел обойти правосудие и скрыть свое преступление! А все благодаря артефактам, способным обмануть глаза и затуманить разум.

— Так ты можешь управлять Тьмой? — спросила, вспомнив о своем обращении. — Это возможно?

Маг качнул головой и сцепил руки в замок позади спины.

— Глядя на тебя, вижу, что это возможно, — ухмыльнулся он. — Ну, а я... Нет, Аста. Я не могу управлять этой материей, я лишь заключил ее в сосуды, используя целую гору артефактов стягивания и запечатывания. Если бы не иллюзии в тот вечер, когда мне удалось заманить тебя в поместье, ты бы увидела, что твоя Тьма пряталась не в мальчике, а в обычной склянке, которую в нужный момент я разбил заклятьем.

— Как Тьма обошла мою защиту? — не позволила увести тему и продолжила задавать вопросы. — Ты подмешал куда-то мою кровь? Или хватило твоей? — едким тоном сыпала один вопрос за другим.

С каждым словом злилась все больше и была готова вот-вот взорваться.

— Все гораздо сложнее, Аста, — устало отозвался отец и тяжело вздохнул. — То, что ты зовешь Тьмой, искусственно создали мы с твоей мамой.

Это признание вышибло из легких воздух с такой силой, что перед глазами помутнело. Ярость потухла, осталась только боль и непонимание.

Растерянно покачала головой и отшатнулась:

— Ты врешь, — сказала, неестественно засмеявшись. — Шутишь!

Но я знала, что отец со мной честен, и это сводило с ума.

— Это была идея Фриды. Она хотела создать идеальную магию. Ту, которая не будет истощаться, которую можно черпать из мира и собственных чувств, — он запрокинул голову к потолку, поджал губы и шумно вздохнул, успокаиваясь.

Упоминание мамы приносило боль нам обоим. Нам не хватало ее, но мы никогда не говорили об этом. Каждый тосковал в одиночестве, по-своему побеждая невыносимую, грызущую печаль.

— Она придумала формулы, — потускневшим голосом продолжал отец. — Рассчитала все до мельчайших деталей. Это было безумством, но ради твоей матери я был готов пойти на все.

— Ты бросил нас, — напомнила, сдерживая подступающие слезы.

Однако отец мой выпад проигнорировал и продолжил рассказ:

— Мы годами ставили тайные эксперименты. Добывали источники сил у самых могущественных духов и демонов, соединяли эти сущности в одно. Но для того, чтобы наше достижение мог использовать человек, нужна была последняя составляющая...

— Кровь, — догадалась, вспомнив о том, как легко Тьма ломала мои защитные чары. — Твоя или мамина?

— Нас обоих, — печаль заставила голос отца потускнеть. — И в этом, похоже, была наша ошибка.

Я затаила дыхание и прижала ладонь к груди, надеясь унять обезумевшее сердце. Оно с силой билось о ребра, кровь гремела в висках, пока ожидала новых признаний отца.

— Фрида решила первой испытать на себе наше изобретение. Я уговаривал твою мать остановиться, найти кого-то другого, но она была непреклонна и бесконечно уверена в том, что мы создали нечто совершенное. Я не смог ей помешать, а то, что получилось в итоге...

— Она стала первой темератой, — бесцветным голосом обронила я, а отец, прикрыв глаза, согласно опустил голову.

— Мы сразу поняли, что совершили ошибку. Фрида не могла контролировать новую магию. Эта, как ты говоришь, Тьма, убивала ее очень быстро.

— И ты, зная это, бросил нас! — снова взялась за свое, изнемогая от болезненной тоски.

Он коснулся ладонью лба, пряча уродующую лицо печаль. Поник, ссутулился...

— Я никогда не бросал вас, Аста. Да, меня не было рядом, но только потому, что искал выход. Я объездил все Академии Империи, связался с лучшими чародеями и учеными. Но что они могли знать? Мы с Фридой сами создали свою гибель и даже не догадывались, когда и как она свершится. Я понятия не имел, с чем борюсь.

Злость все еще бурлила в груди, бессилие рождало слезы, которые едва могла сдержать.

— Я сам искал новые формулы, придумывал заклятья, чтобы спасти твою маму. Объездил полмира и ненавидел себя за то, что допустил случившееся. За то, что не могу победить эту скверну, — он с силой стукнул кулаком по каменной стене, а я отпрянула.

Спиной натолкнулась на ржавые перила винтовой лестницы, и только тогда поняла — мы в заброшенной башне астрологов. Башню давно опечатали, запретили студентам здесь появляться, но, несмотря на все угрозы, сюда продолжают ходить.

Охотники — за острыми ощущениями, а темераты — чтобы сделать последний в жизни шаг.

— Мне казалось, я был близок к созданию правильного заклятья, — продолжал рассказ отец, и я не смела его перебивать. — Готовился его применить, даже начертил нужные руны в зале и спрятал их под ковром...

Этот пентакль я хорошо помнила. Тогда, в самый страшный день моего детства, это заклинание по счастливой случайности спасло мне жизнь. Ребенком я недоумевала — зачем кто-то вывел руны прямо посреди комнаты?

Теперь все постепенно вставало на свои места, но все ещё не укладывалось в голове.

— Однако мне не повезло. Фрида нашла мои записи. Наверное, хотела помочь в составлении заклятья, но руны сработали, едва твоя мама их прочла. Заклинание должно было изгнать Тьму и запечатать ее внутри магического круга, но что-то пошло не так.

Воспоминания в красках стояли перед глазами. Я будто снова переживала тот ужасный момент обращения моей мамы, но теперь уже видела в происходящем не случайность, не рок судьбы, а закономерность. Жестокую и расчетливую.

— Светлое заклинание подчинило светлую сущность. Поэтому изгнание сработало, но не так, как я того ожидал, а с точностью наоборот. Тело Фриды покинула не Тьма, а ее душа. И именно она оказалась запечатана в том магическом кругу.

Сердце лизнул ужас, а по коже поползла морозная корка страха. Слова отца шокировали, и я не понимала, как теперь относиться к правде.

Всю жизнь я думала, что моей маме просто не повезло. Но теперь видела, у всего была своя причина — плата за силу и власть, которую так желали заполучить мои родители.

— Я пришел слишком поздно, — слабо, почти шепотом произнес отец, и впервые за долгие годы испытала к нему сочувствие.

Уверена, мы думали об одном и том же, видели одинаковые воспоминания: истерзанное тело инфекта в магическом кругу, возле которого сидела я, умоляя маму вернуться.

— Я никогда не бросал вас, Аста, — снова повторил он. — Я делал все, чтобы спасти твою мать. А потом — чтобы защитить тебя. Если бы наши с Фридой наработки раскрылись, в опасности были бы не только мы, но и ты. Наша дочь. Поэтому я отдал тебя в пансион и на всякий случай наложил заклятье немоты, и если бы ты попыталась, то не смогла бы рассказать о своем происхождении. Чтобы спрятать тебя, заменил документы...

— Это был не ты, — процедила сквозь зубы. — Признайся, тебе помогал господин Дагер.

Отец умолк в изумлении и замер. Спустя пару мгновений его оцепенение спало, и он даже присвистнул:

— Не думал, что ты и об этом узнаешь.

Не стала никак комментировать эти слова и тут же бросила новый вопрос:

— Господин Дагер знал о том, что вы натворили? Он знал о ваших экспериментах?

— Почему тебя это интересует? — уголок его губы дернулся, бледные глаза нехорошо сверкнули.

— Отвечай.

Моя серьезность отца рассмешила. Он запрокинул голову и улыбнулся сам себе, тихо хохотнув.

Я чувствовала, что снова начинаю злиться. Кончики пальцев знакомо покалывало, но я больше не боялась этого темного зова. Нахмурилась и шагнула навстречу отцу, отчеканив:

— Отвечай!

Замерла, с изумлением обнаружив, что за один шаг пересекла половину комнаты. Ощущения при этом были странные. Слово я рассыпалась тенью в одном месте и заново материализовалась из мрака в другом.

Это открытие заставило меня отпрянуть от отца, что оказался лицом к лицу со мной. Он тоже выглядел удивленным, но был готов прямо сейчас восторженно зааплодировать.

— Невероятно! — выдохнул он. — Это действительно очень мощная магия...

Не позволила себе расслабиться и отвлечься. Подняла глаза и вновь спросила:

— Господин Дагер знал о том, что вы натворили? Говори!

— Он не знал, — неохотно ответил отец. — Я соврал ему, что все это странная случайность. Попросил спрятать тебя, ведь меня и Фриду могли обвинить. Киан даже не догадался, что эти обвинения были бы вполне заслуженными...

Это признание отца почему-то заставило выдохнуть с облегчением. Я была рада, что господин Дагер в этом деле не замешан и помогал мне не для того, чтобы скрыть общее преступление.

— Почему он позволил тебе стать ректором?

— Потому что я не врал, что попытаюсь найти способ победить Тьму. А где ещё искать, если не среди охотников?

— Среди охотников, которых ты сам обращал в темератов.

В этом заявлении не была до конца уверена, а потому очень удивилась, когда отец не стал отрицать:

— Первыми зараженными были не охотники. Я хотел проверить, как Тьма будет влиять на других людей. Вдруг не повезло только Фриде? Мне нужно было понимать, с чем имею дело.

— Ты хоть осознаешь, какую эпидемию запустил? — выкрикнула с яростью и крепко стиснула челюсти, чтобы с губ не сорвалось какое-нибудь разрушительное заклятье. Не хватало еще убить ректора, случайно вышвырнув его с башни.

— Понимаю, — в голосе послышалось легкое сожаление, но со следующими словами оно тут же рассеялось. — Но я делал все — ради любви.

— Ради любви? — опешила я. — Ради любви ты рушил другие семьи? Выносил смертный приговор сотням людей? Рисковал не только собственными студентами, но и дочерью?!

В тусклых глазах не увидела ни единого признака раскаяния, только непоколебимую решимость. От этого зрелища меня чуть не вывернуло наизнанку — столько людей погибло только потому, что мой отец не мог смириться с платой за жажду величия!

— Ты не понимаешь, Аста.

— Так поясни! — прошипела сквозь зубы.

Лицо отца заострилось, осунулось, но спорить он не стал. Только тяжело вздохнул, вынул из кармана светлый платок и промокнул им влажный от холодного пота лоб.

— На каждое действие есть противодействие. Я выяснил, что для Тьмы оно не в заклетьях, не в цепях рун. Но в чем тогда? Не один год искал ответ на этот вопрос, даже внедрил правило объединения охотника и темерата. Надеялся, что это поможет подключить к поискам тех, кто привяжется к своему напарнику. Но идея провалилась. Охотники видят в оскверненных пушечное мясо и боятся сближаться, не желая потом испытывать боль утраты...

Несмотря на то, что темератой я больше не была, слова ранили. Слишком отчетливо помнила, как сама готовилась оказаться отвергнутой Риганом и не винила его за возможное решение.

— Потом я понял, что шанс на разгадку может быть спрятан в любви... между темератами.

— Фрай, — имя само сорвалось с дрожащих губ.

Прикрыла глаза, скрывая боль, обращенную в слезы. В груди защемило, и мне потребовалось время, чтобы справиться с этими чувствами.

— Ты знал, что он мне нравился, — поняла я. — Поэтому, прячась под иллюзиями, травил Фрая зельями, чтобы чувства стали взаимны? Поэтому обратил меня? Хотел столкнуть нас ради поиска разгадки?

— Прости, Аста. Но я был в отчаянии, а ты — единственная, в ком, как и во Тьме, кровь Фриды объединена с моей, — обронил отец, но я не почувствовала в нем искренности. — Так было нужно.

— И было нужно довести Фрая до безумия? Убить невиновного человека?!

— Я не собирался его убивать. Хотел лишь дать вам стимул бороться за жизнь...

— Которую ты же и отнял! — не могла успокоиться я.

Сочувствие, что не так давно испытывала к отцу, вновь сменилось отвращением. Ненавидела его за то, что шел к своей цели по головам. Он оставлял после себя горы трупов, сотни разбитых семей... И сомневаюсь, что все это лишь ради поиска лекарства.

— Я не хочу больше с тобой разговаривать, — выплюнула, отступив обратно к лестнице. Ветер завывал на верхних этажах, будто плача, и мне хотелось рыдать с ним в унисон. — Где Риган?

— Вы увидите, когда ты выполнишь свои обязательства, — в очередной раз напомнил отец, а я едва не зарычала от накотившей ярости.

— У меня нет обязательств. Тем более перед тобой. Думаешь, я не поняла, что это ты метнул заклятье в подвале? Из-за тебя могли погибнуть и я, и Риган.

— Но не погибли ведь, — развел руками отец, и эта короткая фраза родила в душе надежду.

Значит, Риган все-таки жив!

— А то, что случилось в подвале, как и в поместье Линетти — необходимость. И я бы сам винил себя, если бы эта жертва не принесла плодов. Но, Аста, взгляни на себя! Ты первая чародейка, которая смогла подчинить Тьму!

— Ради этого все было, так ведь? — слова отдавали горечью.

Он удивился моей печали, вопросительно нахмурил брови и сделал шаг к разбитому окну. Под подошвой заскрипели осколки, луна очертила жесткий подбородок и недовольный изгиб губ.

— Ты просто не понимаешь цену этого открытия, — снисходительно кинул отец в мою сторону. — Ни одна формула, ни одно зелье, ни один ритуал не могли сделать то, что сотворила ты. И я, честно, не до конца понимаю, в чем причина успеха. В том, что в тебе течет наша с Фридой кровь?

Следила за ним, не отводя глаз, пока отец расслаблено вышагивал вдоль стены. Слушая его, я вся обратилась в оголенный нерв.

— Думаю, дело в другом, — продолжал размышлять вслух маг. — Ответ на вопрос, что мучил меня столько лет, всего в одном мгновении, в которое ты была готова добровольно отказаться от собственной души. Я ведь прав? Ты пожертвовала собой ради мальчишки Дагера?

Взгляд тусклых глаз метнулся ко мне. Сердце колючей льдинкой опустилось в желудок, а слова так и застыли в горле. Я не хотела говорить этому человеку, не признающему ценность чужой жизни, что была готова умереть за того, кого люблю.

Однако ответ был написан на моем лице. Отец криво улыбнулся и довольно хмыкнул:

— Так и знал. Выходит, в этом и разгадка — отдать свою душу Тьме из самых светлых и сильных чувств. Два мощных энергетических порыва слились в единое целое. И вот, ты — первая темная чародейка, стоишь передо мной.

Хотела было запротестовать. Сказать, что никакая я не темная... Но знала, что отец прав. Я действительно изменилась, и сила, которая жила во мне, не осталась прежней.

Уже видела, что могу делать вещи, которые никому не под силу: ни темератам, ни магам. Я могу свободно видеть в темноте и телепортироваться на короткие расстояния. Сама, без артефактов и порталщиков. И эти открытия — всего за какие-то минуты.

На что ещё я способна?

— Признаться, я не ожидал, что все случится именно так. У меня в Академии полно глаз, а у стен есть уши. Вы с Риганом никогда не общались...

Упоминание об охотнике вновь заставило кровь кипеть от злости и нетерпения:

— Прекрати тянуть время. Где он?

Отец умолк и обернулся на меня, прошив серьезным цепким взглядом. Его молчание тянулось мучительной вечностью, пока мечтала сорваться с места и пуститься искать Ригана.

Что с ним? Он пострадал? Он в сознании? Может, ему требуется помощь?

От вопросов, кажется, череп начал трещать изнутри. В горле пересохло от волнения, сердце обезумело от тревоги.

Я была готова на что угодно, лишь бы скорее увидеть Ригана. Отец понимал это и легко пользовался:

— Ты ведь не откажешься мне помочь?

Не стала отвечать. Только поджала губы и сощурилась, глядя на нехорошо улыбающегося отца. Догадывалась, что он чуть не уничтожил мир точно не ради поиска лекарства...

Исцеление от Тьмы для отца было лишь приятным бонусом к основной цели. Но к какой?

— Аста, помнишь, я сказал, что вместо Тьмы в рунический круг отскочила душа Фриды?

Настороженно подобралась и кивнула. Не нравится мне этот тон и хитрый блеск во взгляде...

— Как ты понимаешь, чтобы запечатать любую сущность, нужен сосуд. Какое-то время я думал, что ты — сосуд для осколка души Фриды. Но не так давно, когда в конце лета доставлял тебя в Академию, понял, что ошибался.

Неприятный холод щупальцами потянулся под ребрами и пополз по всему телу. Меня опять начало мелко трясти, а рука сама дернулась к груди. Туда, где обычно покоился мой амулет...

— Я долго не понимал, как ребенок, на глазах которого умерла мать, может не сойти с ума? Ты не думала об этом, Аста? — обратился он ко мне и запустил руку во внутренний карман пиджака. — Все очень просто. Фрида тебя никогда не покидала.

Еще до того, как отец раскрыл ладонь, я знала, что в ней увижу.

— Это единственная причина, почему ты не свихнулась. Все это время Фрида жила здесь, в этом амулете, и ты это чувствовала.

Лунный блик скользнул по грани наконечника, а я ощутила, как земля уходит из-под ослабевших

НОГ.

ГЛАВА 30

— Ты поможешь мне, Аста? — звенело эхом, пока я как обезумевшая качала головой и смотрела пустым взглядом в пол.

Отец и господин Дагер не ввали. Мой артефакт — пустышка, но только в магическом смысле.

Неужели все это время, пока скорбела по матери и ненавидела себя за ее смерть, она была рядом и помогала? Ее магия стала моей. Вот почему я шла наравне с другими чародеями даже без настоящего артефакта.

— Что? Что ты от меня хочешь?! — сорвалась, когда отец в очередной раз задал уже ненавистный вопрос.

Он опешил, замер в нескольких шагах от меня и чуть склонил голову набок, словно изучая.

— Ты сделаешь то, чего не может ни один светлый маг. Заберешь Тьму из другого человека.

Сначала я не поверила услышанному. Недоверчиво вскинула бровь и нервно ухмыльнулась. Но от одного взгляда на серьезное лицо отца смеяться перехотелось, и пришел страх.

О ком он говорит? Чью душу должна освободить от темной метки?

— Риган? — почти беззвучно сорвалось с губ, но отец меня услышал.

Его взгляд всего на мгновение скользнул мне за спину, к лестнице, но этой секунды хватило, чтобы догадаться:

— Он в башне? Так?

Отец тяжело сглотнул, а его губы вытянулись в напряженную нить. Слова не нужны, все и так ясно.

Метнулась к лестнице, а отец попытался меня задержать. Поймал мое плечо, но это меня не остановило. Сама не поняла, как, но я снова растворилась тенью. Растаяла, ускользнув из цепких пальцев, а в следующий миг уже стояла на ступенях.

— Не отказывайся, Аста. Ты ведь хочешь помогать людям? — в отчаянии отец бросился за мной, но нагнать не мог. — Ты могла бы излечивать темератов! Империя благодаря тебе забудет, что такое Тьма!

— Но? — остановилась и перегнулась через перила, чтобы во всех красках видеть смятение на лице отца. Что-то в его тоне заставляло чувствовать подвох...

— Но ты должна потренироваться, — легко продолжил маг. — Изгнать Тьму из того, кому больше нечего терять...

— Нечего терять?! — сердце болезненно сжалось, а перед глазами потемнело.

Неужели Риган... Нет. Не могу поверить, что он мог получить метку Тьмы, и что так быстро обратился в инфекта! Нет!

Паника подгоняла, и я уже не бежала по ступеням, а тенью перескакивала целые пролеты. Неуловимой черной молнией взлетела на последний этаж и остановилась, заледенев от ужаса.

Прямо посреди комнаты, полной забытой мебели, лежало тело, накрытое белой простыней. Под тканью угадывались очертания головы, туловища и ног, поэтому ошибки быть не могло — передо мной человек. Или то, что от него осталось.

Я будто оглохла. Все звуки пропали из мира, что сосредоточился на этом теле, спрятанном под тонкой белой тканью. Забыла, как дышать, и глупо ловила ртом воздух. Слезы застыли в горле, которое обжигал сдерживаемый крик. Я отказывалась верить в происходящее. Как же так? Неужели моя жертва не спасла Ригана?

Прикусив дрожащую губу, упала на колени и трясущимися пальцами схватила уголок ткани. Мне не хватило сил, чтобы откинуть вуаль и взглянуть человеку в лицо. Поэтому закрыла глаза, потянула ткань, а когда снова распахнула веки, едва сдержала крик.

Передо мной лежала Виви. Ее стеклянные безупречно черные глаза были широко раскрыты, рот застыл в беззвучном вопле. Зубы еще были человеческими, но заметно заострились.

Она находилась в стазисе, пойманная в переходе из темераты в инфекта.

Я сразу вспомнила о ранении, что Виви получила от Фрая. Выходит, тот портал открыл отец. А потому не поверю ни единому слову, будто обращение охотницы — случайность.

— Ты и ее сюда вмещал, — брезгливо бросила я, когда за спиной послышались шаги.

— Это просто совпадение, — последовало пустое оправдание. — Она слишком быстро начала обращаться, и я...

— Геройски заточил ее в стазис, — закончила вместо него, метнув жесткий взгляд.

Отец заметно дрогнул и шагнул обратно за перила. Не удивительно, что он меня боится. Я сама до конца не знаю, на что способна. А если злость ещё и подпитывает мои силы...

— Удивительное совпадение, что тебе удалось поймать в стазис именно этот момент, — яростно сверкнула глазами и вымученно улыбнулась. — Душа Виви уже мертва, а вот тело... В самый раз для Фриды, не так ли?

Отец не стал отпираться или врать. Обреченно покачал головой и с надеждой напомнил:

— Она твоя мать. Неужели ты не хочешь снова иметь нормальную семью?

От таких слов я взорвалась надсадным смехом, в котором, на самом деле, прятала слезы:

— Нормальную? Отец — маньяк. Мать — в теле бывшей подруги. И я — темная чародейка. Это ты называешь нормальным?

Он обреченно склонил голову, не зная, что сказать. Я понимала, почему он не пытается мной командовать или угрожать. Отец в невыгодном положении и вынужден просить и пресмыкаться.

— Спрашиваю в последний раз, — почувствовав собственную силу, процедила с угрозой, — где Риган?

Отец задумался лишь на секунду, но, натолкнувшись на мой потемневший от ярости взгляд, бессильно указал рукой в сторону заваленного на бок шкафа. Тут же подскочила на ноги и тенью в один миг переместилась в другую часть комнаты.

Из груди вырвался облегченный вздох, когда увидела Ригана. Он лежал на полу, держась за плечо и морщась от боли.

— Риган, — упала перед ним на колени и осторожно, кончиками пальцев, коснулась его ладони.

Парень слабо приоткрыл глаза, и на его губах родилась едва уловимая улыбка. Риган жив, на нем нет метки Тьмы и никаких серьезных ранений. От этого зрелища была готова расплакаться, но сдержала чувства и аккуратно сжала его пальцы в своих:

— Кроме руки что-нибудь болит?

Он качнул головой, попытался сесть и тут же застонал от боли.

— Не двигайся. Мы что-нибудь придумаем, — успокоила я и наклонилась, чтобы поцеловать его в висок.

— Аста, — очень слабый, хриплый голос всколыхнул во мне целый ураган чувств: нежность, заботу, облегчение и любовь.

Не смогла сдержать улыбки, глядя в эти серые, лучистые глаза, что смотрели на меня с удивлением.

— Твои глаза, — с придыханием прошептал парень, а я не сразу вспомнила, что метка Тьмы больше не уродует мой взгляд.

Риган снова улыбнулся и, несмотря на боль в плече, потянулся к моему лицу. Неловким движением коснулся щеки, прочертил путь к скуле, а потом заправил темную прядь мне за ухо.

В груди мгновенно разгорелся пожар от той мучительной нежности и трепета, с которыми Риган ко мне прикасался, от его взгляда, горящего восхищением...

А потом идиллию разрушил назойливый голос отца:

— Аста, я помог тебе — сохранил мальчишке жизнь. Так будь добра, выполни и ты свои обязательства.

Риган недоуменно нахмурился, его рука так и замерла у моего лица. Я поймала его ладонь и на

пару секунд накрыла своей. Потом нехотя разъединила наши пальцы и вышла обратно к отцу. Уже собиралась согласиться на его условия, как вдруг комнату осветила яркая вспышка.

— Аларик, если ты хотел спрятаться, то выбрал не лучшее место.

Господин Дагер шагнул из портала прямо напротив моего отца. Над его плечом парила яркая магическая сфера. Чародей был один и выглядел очень расслабленным. Однако обманываться себе не позволила. Уверена, глава Совета очень сильный маг.

— Доброй ночи, Аста, — господин Дагер слабо кивнул мне, но тут же переключился обратно на моего отца.

— Вы уже обыскали Академию? — слишком непринужденно поинтересовался ректор, будто мы все встретились не в заброшенной башне, а на полу не лежало пойманное в стазис тело полумертвой студентки.

— Да, но, видимо, поздно. Ты уже осуществил задуманное.

— Исключительно благодаря вашему визиту, Киан. Он меня поторопил, да и я не мог игнорировать так удачно сошедшиеся звезды...

У меня в глазах потемнело от такой наглости. То есть для отца наше с Риганом появление в подвале — чудесное везение? Ну да, конечно. Не каждый же день получается напасть сразу на двух учеников!

— Мы нашли достаточно подтверждений тому, что в Академии незаконно спрятано около двух десятков глаз онейры. К тому же есть подозрения на отравления студентов, — глава Совета обернулся на тело Виви и добавил, — и на намеренное доведение молодых охотников до обращения в инфектов. Попытаешься отвертеться или признаешь вину?

Я насторожилась и, не отходя далеко от Ригана, приняла оборонительную позу. Если отец вдруг решит напасть, буду готова.

Однако ректор покачал головой и безоружно развел руками:

— Я признаю вину и даже готов сотрудничать с расследованием. Поверь, Киан, я расскажу много нового не только о глазах онейры и погибших студентах.

Господин Дагер прищурился, пребывая в таком же недоумении, как и я. На отца смотрела со смесью удивления и недоверия. Почему он так легко сдается? Не пытается ни сражаться, ни бежать?

Но все очень быстро встало на свои места.

— У меня есть только одна последняя просьба, — произнес отец. — Позволь этой темной чародейке исполнить наш договор.

Он махнул ладонью в мою сторону, и внутри все похолодело. Господин Дагер обернулся на меня лишь на секунду, но успела заметить смятение в его взгляде.

— Аста? Темная чародейка? — искренне изумился он, на что мой отец слабо улыбнулся:

— Киан, у нас будет время обсудить все в темнице. Я не отказываюсь от вины и не собираюсь бежать. Прощу лишь исполнить единственную просьбу.

Господин Дагер недоуменно взглянул на отца, потом на меня. Глава Совета вынес решение быстро и жестко:

— Решать только твоей дочери. Но учти, Аларик, если это что-то запрещенное или ты попытаешься бежать...

— Это вопрос исцеления и победы над Тьмой, — убедительно произнес отец, и я заметила, как вытянулось лицо господина Дагера. — Все мои преступления были ради этого момента. Так позволь же мне найти в нем искупление.

— Ничто не искупит твоей вины, — вмешалась я, заставив обернуться на меня и отца, и господина Дагера. — Но я выполню твою просьбу.

Лицо отца просветлело, глаза засияли, но я поспешила одернуть его неуместную радость:

— Я делаю это только потому, что ты сохранил жизнь Ригану.

— Ригану? — переспросил господин Дагер и строго уставился на моего отца. — Ты вмещал сюда моего сына?!

Преступник молчал под испепеляющим взглядом главы Совета. Господин Дагер был готов метать молнии и, похоже, собирался лишить отца права на последнее желание.

— С Риганом все хорошо. Он здесь, — успокоила я.

В доказательство моим словам парень, который постепенно приходил в себя, шипя от боли, сел и высунулся из-за заваленного шкафа.

— Я в порядке! — коротко бросил он и вымученно улыбнулся.

Показалось, я увидела, как господин Дагер облегченно выдохнул, а затем сказал:

— Решать Асте. Но с тобой, Аларик, у нас будет очень долгий разговор...

В комнате повисла тишина, которую нарушал только вой ветра за окном. Все ждали моего выбора, и я знала, что теперь могу отказать, ничего не опасаясь. Риган со мной, господин Дагер тоже. Отца бояться нет смысла.

Но почему-то все равно села на колени возле тела, погруженного в стазис, и осторожно коснулась щеки Виви. Кожа оказалась холодной и твердой как камень. Это должно было помочь перестать видеть в замороженном монстре мою подругу, но не могла.

И пусть мы не ладили, наблюдать Виви такой было ужасно больно и страшно. Мне жаль, что ее судьба оборвалась столь рано, и в этом — вина моей семьи.

Моргнула, прогоняя слезы, и заставила себя сосредоточиться. В сторону чувства, к демонам воспоминания! Если отец прав, и я могу спасти темератов, то судьба Виви, Фрая и сотен других оскверненных больше никогда не повторится. Но для этого нужно собрать волю в кулак и понять, как победить чужой мрак.

Закрыла глаза и интуитивно сделала то, что хорошо умела — нащупала магический стержень. Он оказался холодным, но очень спокойным, как река, спящая подо льдом.

К моему удивлению, чужая магия откликнулась, почувствовав мою Тьму, и потянулась к ней. Я ощутила приток сил, что восполняла мгла, которая постепенно становилась моей.

Я будто вытягивала из чужого полотна лишнюю нить. И когда с этим было покончено, открыла глаза и ахнула.

Метка Тьмы пропала из взгляда Виви, но стазис поймал ее слишком поздно — черная магия сточила душу девушки, и теперь она, пустышка без духа, медленно умирала. Голубые глаза тухли и будто обращались в стекло, кожа бледнела, а грудь опадала...

— Ты можешь подарить ей жизнь, — напомнил отец, и в его руке блеснул знакомый наконечник. Мой амулет, в котором девять лет была заточена душа мамы.

Сомневалась всего секунду, а потом сама левитировала кулон себе в ладонь. Сосредоточилась и мысленно потянулась к магическому стержню амулета, который пульсировал светлыми волнами.

Я никогда не делала ничего подобного и сейчас могла лишь следовать интуиции. Старалась не думать, что будет, если ошибусь, пыталась быть расслабленной и спокойной. Но чужое напряжение заливало комнату вязкой смолой, взгляды прожигали кожу, и собраться с силами и мыслями было очень сложно.

Поймав светлый импульс, что так долго таился в моем амулете, перенаправила эту энергию в тело Виви. Я ощутила, как магический поток растекается по пустому сосуду, вновь вдыхая в него жизнь, и отшатнулась.

Несколько безумно долгих секунд ничего не происходило. Сердце похолодело, а на душе стало мерзко — оплошала. Не спасла ни Виви, ни маму...

А потом девушка на полу резко встрепенулась, заставив меня испуганно отпрянуть. Не думая, вскинула руку, готовясь вот-вот произнести защитное заклятье.

— Не смей! — мое запястье жестко перехватил отец. Увидев, что сражаться не собираюсь, он тут же отпустил меня и сам сел на колени перед вдруг ожившей девушкой.

Это была не Виви.

Да, она выглядела, как бывшая подруга: волосы, фигура, черты лица... Но глаза больше не были небесно-голубыми. Они заметно потемнели, наполнившись глубоким синим оттенком.

Девушка глотала ртом воздух и часто моргала, глядя в потолок. Отец склонился над ней и как обезумевший стал повторять:

— Фрида! Фрида!

Происходящее выглядело настолько неестественно и жутко, что по коже поползли липкие мурашки. Не верила глазам, а в голове не укладывалось, что только что освободила кого-то от Тьмы.

Мои мысли развеял звонкий удар пощечины. Я даже отступила на несколько шагов, увидев, как очнувшаяся девушка с силой хлестнула моего отца по лицу.

— Как ты посмел вмешаться в это Асту?! — я не узнала голос Виви. Обычно звонкий и тонкий, сейчас он звучал значительно ниже, а от слов веяло холодом.

Этот тон даже спустя девять лет узнала безошибочно. На глаза навернулись слезы, но заставила себя их проглотить и гордо вскинула подбородок.

Не верю. Не может такого быть!

— Я знал, что она справится. Кто, если не наша дочь? — оправдывался отец, и это выглядело безумно странно.

Обернулась на Ригана и увидела полное недоумение на его лице. Господин Дагер тоже не понимал происходящего и наблюдал за невероятной сценой воссоединения, изумленно округлив глаза. Но нам всем пришлось отвернуться, когда ректор, ни капли не смущаясь, обнял ожившую девушку и крепко поцеловал.

— Аларик, это тебе тоже придется объяснять легионерам, — спустя какое-то время недовольно протянул господин Дагер. — А что делать со студенткой...

— Я не студентка, Киан, — девушка поднялась, опершись на руку отца, и спокойным уверенным взглядом посмотрела на главу Совета. — И я пойду с вами.

Господин Дагер улыбнулся одними уголками губ и склонил голову набок:

— Знаю, Фрида. Тебя невозможно не узнать даже в другом обличье. Но что будем делать с погибшей студенткой, тело которой вы так удачно позаимствовали?

В комнате повисла тяжелая тишина. Господин Дагер не сводил взгляда с моего отца, пока тот задумчиво разглядывал носки своих ботинок, так и не отпуская руку моей мамы...

Он получил, что хотел. Положил на алтарь своей цели не одну невинную душу, погряз в крови, выложил костями дорогу к мечте. И вот, теперь, когда он вновь воссоединился с той, которую так долго пытался вернуть, ему нет дела ни до судьбы Академии, ни до студентов, ни даже до своей собственной жизни.

Все — ради любви. Так, кажется, он сказал?

Я же не могла оторвать глаз от девушки, что крепко держала руку ректора в своей. Это больше не Виви, но и мать я в ней признать пока не способна. Хотя черты Фриды определенно проскальзывали не только в голосе и взгляде, но и в манере держать себя, в мимике...

Она заметила мой взгляд и ласково, тепло улыбнулась. В горле встал горький ком, а в мыслях за секунду пронеслись те ужасные годы, которые прошли в тоске, страхе и ненависти к себе.

Поверить не могу... Все это время она всегда была со мной.

— Родители Вивьен не должны узнать, что их дочь погибла, — решила высказаться я, чем сразу привлекла взгляды всех собравшихся. — Она единственная дочь. Это убьет их.

— Но и оставить Фриду в Академии нельзя, — напомнил ректор. — Другие студенты поймут, что что-то не так.

Господин Дагер округлил глаза и прошелся по каждому из нас холодным взглядом:

— Вы хотите врать родным девочки? Скрывать преступление? Это незаконно!

— А законно ли возвращать погибших к жизни, Киан? — встряла в спор моя мать, и я отчетливо узнала в чужом голосе родные нотки. — Если нет, может, покончим с этим раз и навсегда? Могу

сама выйти в окно, если это всем вам облегчит жизнь. Тогда ни у кого не будет проблем с законом.

От такого заявления опешили все. Даже Риган не сдержал возмущения:

— Зачем?! Неужели было мало смертей?

Господин Дагер посмотрел на сына как на предателя. Шумно вздохнул и развел руками:

— Тогда ваша теория должна быть идеальной. Я не хочу быть соучастником, если правда раскроется...

— Ничего не раскроется, — уверенно отрезала моя мать. — Просто ко всем прочим обвинениям Аларика добавьте связь со студенткой. А я останусь в темнице вместе с ним, чтобы разделить наказание, которого тоже заслуживаю.

— Вы хотите опорочить девочку отношениями с ректором? — брови господина Дагера выгнулись, выдавая удивление.

— Зато это сохранит иллюзию, будто она жива. Или есть другие предложения?

Все молчали, дожидаясь решения господина Дагера. Он задумчиво переводил взгляд то на отца, то на меня, то на Ригана, который тоже оказался на нашей стороне.

— Ладно, — наконец выдохнул мужчина. — Я тоже против новых смертей и скандалов. Пусть будет по — вашему. Но учтите, если во время допроса выяснится, что...

— Обещаю, никто ни о чем не узнает. Смерть этой девушки останется тайной, — склонила голову Фрида, а я восхитилась ее непоколебимой решимостью и уверенностью. — А даже если что-то пойдет не по плану, Киан, я никогда не позволю обвинить тебя.

Господин Дагер по-доброму улыбнулся и чуть поклонился моей матери:

— Фрида, ты совсем не изменилась.

— Как и ты, — никогда еще улыбка на лице Виви не выглядела так искренне.

Очень скоро старшие охотники обговорили последние детали, и было решено прямо сейчас отправиться к легионерам. Ни отец, ни моя мать не сопротивлялись, когда господин Дагер наносил им на запястья руны пут. Это заклинание не позволит им колдовать и не даст сбежать.

Глава Совета разбил о пол уже знакомый артефакт быстрого переноса, но дал время попрощаться — к легионерам мы с Риганом не отправимся. Отец так и остался стоять у сияющего зева, а мать сделала несколько шагов мне на встречу.

— Киан, — она остановилась возле меня и обернулась на мужчину, — у меня есть просьба...

— Слушаю, — снисходительно ответил он, и я заметила на лице мага легкую улыбку. Кажется, раньше наши с Риганом родители были очень хорошими друзьями.

— Защити Асту, — выдохнула она дрогнувшим голосом. — Если моя дочь и правда первая темная чародейка...

— Совет сделает все для ее опеки, — заверил господин Дагер и поклонился нам обеим, выказывая уважение. — Тем более девочка способна лечить темератов. Она — самое ценное, что сейчас есть у Империи.

Фрида довольно улыбнулась и обернулась ко мне. Едва наши взгляды встретились, я больше не видела перед собой Виви. Синие, такие же, как мои глаза было невозможно не узнать. Они смотрели с теми же теплом и любовью, что и девять лет назад.

— Я всегда буду тобой гордиться, Аста, — сказала она и утерла с моей щеки выступившую слезу.

Мы обнялись, а я крепко зажмурила глаза. На эти несколько секунд я забыла обо всех ужасах, что приключились со мной, выкинула из головы все страхи и боль. Я обнимала маму и видела ее такой же, как и в детстве — высокой, темноволосой, с ярко-синими глазами.

— Надеюсь, когда-нибудь ты простишь меня и отца и сможешь исправить наши ошибки, — отпуская меня из объятий, обронила она. — Мы почти разрушили этот мир, но ты, наша дочь, верю, поможешь ему восстановиться.

Она нежно сжала мою ладонь, а потом, вслед за отцом и господином Дагером исчезла в портале.

— Я совсем запутался, — в резко опустевшей комнате раздался голос Ригана.

Я спешно утерла слезы и обернулась к нему. Парень уже сидел на заваленном шкафу, но все еще прижимал к груди раненую руку. Я улыбнулась сквозь слезы и опустилась рядом с ним.

— Это долгая история, — произнесла, переплетя наши пальцы. — Обязательно расскажу все, как только мы покажем тебя лекарям.

Риган хрипло рассмеялся и здоровой рукой поймал мой подбородок, заставив взглянуть ему в глаза.

— Знаешь, кое в чем я беспрекословно согласен, — вдруг заявил он и ближе склонился ко мне.

— И в чем же? — плохо сдерживая улыбку, выдохнула ему в губы.

Он прижался своим лбом к моему и прежде, чем соединить наши губы в поцелуе, произнес:

— Ты действительно самое ценное, что есть в Империи. Ты — самое ценное, что есть у меня.

ЭПИЛОГ

Академию я закончила досрочно. Новый ректор поставил мне высший балл за практику, которую проходила по — своему — излечивала темератов от метки Тьмы.

Эйлин была первой, кого исцелила, и я никогда не забуду то счастливое сияние в лазурных глазах подруги. В середине зимы она вернулась доучиваться на мастера зелий в свою прошлую академию, но пообещала, что мы обязательно еще встретимся:

— Думаю, темные чародейки тоже нуждаются в хороших эликсирах, — подмигнула Эйлин, когда мы с Риганом провожали ее в зале порталов.

К концу зимы в стенах замка больше не осталось ни одного оскверненного, а Академии пришлось пересматривать проведение практики, ведь ни о каких связках между охотниками и темератами речи больше идти не могло.

Риган тоже получил диплом раньше положенного, сдав все экзамены вместе со мной. Мы покинули замок в начале весны и отправились в столицу, где Совет развернул госпиталь темератов.

Так как пока я единственная, кому удалось подчинить Тьму, работы ждет много: Империя погрязла во мраке, который породили мои родители, и мне предстоит исправлять их ошибки.

Отца и мою мать взяли под стражу и заключили в темницу. Бывший ректор Академии охотников сознался во всех преступлениях и, едва правда о Тьме и ее природе открылась народу, господин Френель моментально стал изгоем Империи.

От него не отвернулась только моя мама. Она добровольно осталась в темнице вместе с отцом, став для Империи новой мученицей. Никто так и не догадался, что под личиной Вивьен Томпсон прячется совсем другой человек. Все, даже родители Виви, видели лишь студентку, что польстилась на чары ректора.

Ну, а я никогда не забывала о погибших друзьях. Ради Фрая и Виви пообещала себе искоренить зло, что принесли в мир жажда силы и власти. И я благодарна судьбе, что по этому тяжелому пути иду не одна.

— Приехали! — Риган первый вышел из экипажа и с игривой улыбкой протянул: — добро пожаловать в Совет, госпожа Навье!

Я засмеялась, чуть запрокинув голову, но внутри все трепетало от волнения и предвкушения.

— Нас ждут великие дела! — подбодрил охотник, и в его красивых глазах, что смотрели на меня с любовью и восхищением, загорелись радостные огоньки.

Парень галантно подал ладонь, помогая спуститься из экипажа, и я без капли сомнений приняла его поддержку. Он поймал меня в объятья, легко коснулся моих губ своими и прошептал:

— Главное, не волнуйся. Я рядом.

Эти слова стали для меня самым любимым звуком: Риган со мной, и вместе мы способны на все.

И я не сомневалась — так будет сегодня. Завтра.

Всегда.